

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

МОДАЛЬНОСТЬ: ЯЗЫК И ТЕКСТ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник статей
по материалам международной научной конференции

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-1018-5

Редакционная коллегия

Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта;
Л. А. Мальцев, д-р филол. наук, проф.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта —
отв. редактор;
Т. М. Шкапенко, д-р филол. наук, проф.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Рецензенты

Г. А. Заварзина, д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой русского языка, современной русской
и зарубежной литературы, Воронежский государственный
педагогический университет;
Л. Г. Дорофеева, д-р филол. наук, проф.,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве : сборник статей по материалам международной научной конференции / под ред. Л. М. Бондаревой, Л. А. Мальцева, Т. М. Шкапенко [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/sborniki-nauchnykh-statey/modalnost-yazyk-i-tekst-v-kommunikativnom-prostranstve/>

Представлены материалы докладов участников международной научной конференции «Ваулинские чтения. Модальность: язык и текст в коммуникативном пространстве», приуроченной к 80-летию профессора С. С. Ваулиной и состоявшейся 29—30 сентября 2025 года в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Книга адресована специалистам-филологам, а также преподавателям, аспирантам и студентам, интересующимся проблемами модальности в языке, речевой коммуникации, художественной литературе.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В сборнике статей, предлагаемом вниманию читателя, нашли отражение результаты международной научной конференции, посвященной 80-летию недавно ушедшей от нас Светланы Сергеевны Ваулиной (1945—2024) — доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ.

Конференция памяти известного калининградского ученого состоялась в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта 29—30 сентября 2025 года. Были заслушаны доклады исследователей из БФУ им. И. Канта, Российской академии наук, ряда вузов Российской Федерации, в том числе Санкт-Петербургского, Волгоградского, Курганского, Новгородского, Томского, Тюменского государственных университетов, Казанского (Приволжского), Уральского, Южного федеральных университетов, Высшей школы экономики и зарубежных научно-образовательных учреждений. На пленарных и секционных заседаниях, кроме авторов сборника, выступили с докладами академик В. А. Плунгян и профессор Е. В. Рахилина (Москва), калининградские профессора Т. М. Шкапенко и Н. Г. Бабенко (БФУ им. Канта), а также ученые зарубежья: профессор С. Т. Золян (Ереван — Калининград) и доцент Е. А. Полетаева (Минск), выступления которых вызвали оживленную интеллектуальную дискуссию.

Как своеобразное подведение итогов научного симпозиума, сборник включил труды маститых и начинающих ученых, объединенных многозадачным исследованием категории модальности. И это не случайно, поскольку профессор С. С. Ваулина — не только признанный специалист в области изучения модальности, но и талантливый организатор, окруживший деятельной заботой не одно поколение филологов. Ее «детисцем» стал диссертационный совет, успешно функционирующий на базе БФУ сразу по трем специальностям: «Русский язык», «Русская литература», «Литературы народов мира».

Настоящее издание открывается обстоятельным очерком, в котором описаны этапы становления калининградской школы модальности и оценивается вклад С. С. Ваулиной в филологическую науку, а также масштаб ее научно-организаторской работы. Во второй раздел включены воспоминания коллег (в прозе и стихах!), в которых оценка деятельности Ученого и яркие впечатления о Человеке образуют неразрывное целое.

Следующие разделы сборника отражают ключевые направления исследования категории модальности: модальность в диахронии и синхронии, в разных видах дискурса, в художественных текстах русской и мировой литературы.

Искренне надеемся, что опубликованные статьи дадут читателям возможность не только сформировать достаточно полное представление о современном состоянии изучения проблемы модальности, но и осмыслить перспективы дальнейших исследований данной категории.

*Л. А. Мальцев, д-р филол. наук, доц.,
отв. редактор сборника*

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

И. Ю. Кукса, А. И. Ткаченко

(Калининград)

atkachenko@kantiana.ru

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА МОДАЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. С. ВАУЛИНОЙ: ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются истоки научного пути доктора филологических наук, профессора, председателя диссертационного совета БФУ им. И. Канта, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Светланы Сергеевны Ваулиной, описываются этапы формирования калининградской школы языковой модальности, обозначаются направления дальнейшего исследования языковой категории модальности.

Ключевые слова: профессор С. С. Ваулина, калининградская школа модальности, языковая категория модальности, диахронический подход к изучению модальности, признаки научной школы

Областью интересов профессора С. С. Ваулиной в широком филологическом масштабе начиная с первых ее шагов в науке стала история русского языка и функциональная грамматика. При этом центральное место в исследованиях профессора занимало прежде всего изучение категории языковой модальности как одной из ключевых функционально-семантических категорий, взятой в аспекте истории ее формирования и развития.

Истоки научного пути

Временные рамки научного пути профессора Ваулиной, связанного с разработкой проблематики модальности, охватывают практически 50 лет: отсчет вполне можно начать со времен студенчества и чуть позднее, с 1975—1977 годов, периода подготовки и защиты Светланой Сергеевной кандидатской диссертации «Конструкции с модальным значением возможности в русском языке XVII — начала XVIII века». Диссертация была подготовлена, когда С. С. Ваулина уже стала преподавателем Калининградского университета, и блестяще защищена в 1977 году в родном по годам студенчества Воронежском государственном университете. Научным наставником, определившим интерес к истории языка, к диахроническому подходу, для молодого исследователя стала доктор филологических наук, профессор Воронежского университета В. И. Собинникова, изучавшая язык древнерусских памятников письменности и возглавлявшая кафедру русско-славянского языкознания.

В числе наставников, оказавших влияние на ее становление как ученого, Светлана Сергеевна всегда с благодарностью вспоминала докторов филологических наук, профессоров Воронежского университета, известных отечественных лингвистов З. Д. Попову, Л. Е. Кройчика, специалиста по грамматике русского языка И. П. Распопова, исследователя шедевра древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» А. М. Ломова и других.

Особую роль в жизни Светланы Сергеевны сыграла Роза Васильевна Алимпиева, профессор кафедры истории русского языка Калининградского университета, блестящий знаток исторической фонетики и грамматики, поддержавшая пришедшего на кафедру в 1970 году молодого специалиста Ваулину, укрепившая в ней интерес к истории русского языка, к сравнительному языкознанию и науке в целом. Активный коллектив

быстро стал заметен на национальном уровне, и гостями кафедры на интересных научных симпозиумах были великие лингвисты — историки языка профессора В. В. Колесов, Г. А. Хаббургаев, по учебникам которых учились и учатся многие поколения студентов-филологов.

И после защиты кандидатской диссертации молодой ученый С. С. Ваулина не свернула с выбранного пути, продолжив в течение 14 лет тему в публикациях и в диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора филологических наук. В 1988 году в издательстве Ленинградского университета выходит ее монография «Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.)», которая стала заметным явлением в отечественном языкознании, поскольку в ней на обширном по масштабу и хронологическим рамкам диахроническом языковом материале была убедительно представлена инновационная на тот момент научная концепция языковой модальности как широкой семантической категории, «структурно-содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двuasпектностью предложения, а именно — его номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами» [4, с. 16], а также представлены эволюционные изменения плана содержания и плана выражения периферийного компонента языковой модальности — ситуативной (в иной терминологии — предметной) модальности.

Сейчас монография стала почти раритетом, поэтому к 80-летнему юбилею ее автора Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта переиздал ее в репринтном варианте.

Чуть позже, в 1991 году, в Ленинградском государственном университете Светлана Сергеевна блестяще защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук с тем же названием, что и у монографии.

И монография, и докторская диссертация С. С. Ваулиной придали мощный импульс дальнейшему развитию целого научного направления — изучения языковой модальности в рус-

ле функционально-семантического подхода на диахроническом материале (такие исследования в тот период были крайне редкими).

*Формирование калининградской школы
языковой модальности*

Исследователи феномена научных школ (А. С. Левин, М. Г. Ярошевский, Н. А. Логинова, О. Ю. Грезнева, В. К. Криворученко и др.) выделяют их основные признаки:

1. Общность научных интересов и значимость исследования: члены школы объединены общими научными целями, работают над решением одной важной научной проблемы или комплекса задач.

2. Высокий уровень научных результатов и их признание: школа характеризуется значимыми достижениями, которые получают признание на национальном и международном уровне.

3. Наличие лидера и преемственность: у школы есть научный лидер (глава школы), который задает вектор развития и обучает молодых ученых. Преемственность обеспечивает передачу знаний и традиций от старшего поколения к младшему.

4. Исследовательская программа: существует четко сформулированная исследовательская программа или направление, которое объединяет коллектив и определяет его цели.

5. Долгосрочный характер: научная школа существует и развивается в течение длительного периода, что обеспечивает стабильность и перспективы развития.

6. Наличие определенного стиля работы: в школе формируется особая научная и педагогическая атмосфера, благоприятный психологический климат и традиции.

7. Сочетание исследовательской и педагогической функций: деятельность школы объединяет в диалектическое единство процессы познания и передачи знаний, навыков и умений исследовательской работы (см.: [7; 9—11]).

Наличие этих признаков со всей очевидностью прослеживается при рассмотрении научной деятельности профессора Ваулиной.

Ее монография и докторская диссертация дали мощный импульс дальнейшему развитию нового научного направления — исследованию языковой модальности в русле функционально-семантического подхода на диахроническом материале. Для Калининградского государственного университета это стало стартовой позицией для формирования калининградской научной школы языковой модальности под руководством профессора С. С. Ваулиной.

Если условно, насколько это применимо к творческому научному пути, обозначать хронологические рамки, то периодом формирования и становления калининградской школы языковой модальности профессора Ваулиной можно с определенными оговорками считать 1992—2000 годы. Среди основных научных событий этого времени можно назвать и получение Светланой Сергеевной ученого звания профессора, и создание аспирантуры под ее руководством, и подбор и возвращение первых аспирантов, работающих в русле проблематики модальности, и первые защиты ими кандидатских диссертаций, пока еще в диссертационном совете Тверского государственного университета. В этот период четыре аспирантки профессора Ваулиной защитили кандидатские диссертации в Твери, первая защита состоялась в 1995 году, спустя четыре года после защиты докторской самой Светланы Сергеевны. На тот момент диссертационным советом в Твери по филологическим научным специальностям руководила Роза Дмитриевна Кузнецова, известный ученый-лингвист, организатор науки, которая как научный руководитель воспитала не одно поколение кандидатов наук, а как председатель диссовета открыла путь в науку молодым исследователям из других университетов страны, включая Калининградский. Со Светланой Сергеевной их связывали не только научные интересы, но и человеческая дружба.

*Развитие научной школы профессора Ваулиной:
работа диссовета*

2000 год можно считать годом, с которого началось поступательное развитие не только научного направления по изучению языковой модальности, но и в целом филологической науки в университете. Именно в этом году впервые в истории Калининградского государственного университета был открыт диссертационный совет по специальности 10.02.01 «Русский язык». Уже в 2001 году в диссовете прошли защиты трех диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, две из них — под руководством С. С. Ваулиной и одна — под руководством профессора Р. В. Алимпиевой.

Далее ежегодно фиксируется каскад защит, от 4 до рекордных 12 (2011) в год. Расширяется перечень научных специальностей, добавляются специальности 10.02.19 «Теория языка», 10.01.03 «Литература стран зарубежья (западноевропейская и американская)», 10.01.01 «Русская литература»; появляется практика защит по двум научным специальностям, разовых защит по смежным специальностям, например 10.01.10 «Журналистика» (2017 год, диссертационное исследование А. С. Круглова), а также защит докторских диссертаций.

Всего в диссовете под председательством С. С. Ваулиной в период с 2001 по 2024 год защищено 154 диссертации, в том числе 5 докторских (начиная с 2017 года), а также 45 (30 %) — исследователями из других университетов страны и даже из других стран (Беларуси, Ирака, Китая, Сирии).

Отдельно стоит отметить, что для калининградской школы языковой модальности значимым оставался диахронический аспект ее изучения. С одной стороны, это заполняло определенную нишу в исследованиях с учетом важного замечания академика В. В. Виноградова об «исторической изменчивости содержания и форм обнаружения модальности» [6, с. 55], а с другой — формировало специфику и школы, и научного подхода.

За период с 1995 по 2024 год под руководством профессора Ваулиной было защищено 26 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, в том числе по теме модальности — 24, из них с точки зрения диахронического подхода — 7: это диссертации Л. В. Колобковой «Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII — начала XVIII в.» (Тверь, 1995), И. Ю. Куксы «Средства выражения побудительной модальности в древнерусском языке XI—XIV веков» (Тверь, 1997), О. Л. Кочетковой «Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — начала XVIII вв.» (Тверь, 1998), Н. А. Суворовой «Фразеологизмы как экспликаторы модального значения возможности в русском языке второй половины XVII — начала XVIII в. (на материале памятников деловой письменности)» (Калининград, 2001), А. Е. Барецкой «Модальность сложных предложений с отношениями обусловленности в древнерусском языке XI—XIV вв.» (Калининград, 2002), Н. В. Старовойтовой «Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII — первой четверти XVIII в.» (Калининград, 2006), Е. Н. Капрэ «Субъективная модальность в древнерусских и старорусских житийных текстах» (Калининград, 2011).

К комплексу работ, основанных на диахроническом подходе, примыкает и диссертационное исследование И. Н. Курлюты «Семантическое поле глаголов с общим значением “делать” в древнерусском языке XI—XIV вв.» (Калининград, 2002), не связанное напрямую с изучением категории модальности, но органично и закономерно связанное с функционально-семантическим анализом. Таким образом, доля исследований диахронического плана под руководством С. В. Ваулиной составляет более трети (30%) среди защищенных диссертационных работ (рис.).

Рис. Диаграммы распределения работ по тематике

Целый пул диссертаций, защищенных под руководством профессора Ваулиной (26%), посвящен изучению текстовых функций модальности и специфике выражения авторской модальности на материале художественных текстов. В их числе, например, кандидатские диссертации, выполненные И. А. Трофимовой «Субъективная модальность в художественном тексте (на материале прозаических произведений А. П. Чехова)» (Калининград, 2004), И. В. Островерхой «Средства выражения модального значения возможности в романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина” (функционально-семантический аспект)» (Калининград, 2004), Л. Ю. Подручной «Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора: функционально-семантический анализ» (Калининград, 2011), О. В. Девинной «Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского» (Калининград, 2012). Ряд диссертационных исследований, наряду с обращением к проблемам авторской модальности на материале текстов художественной литературы, включает в себя еще и сопоставительный аспект, что, безусловно, расширяет проблемное поле калининградской школы модальности. Среди них, например, диссертации М. В. Лопатюк «Ситуативная модальность в романе Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” и в его испаноязычном переводе: функционально-семантический анализ» (Калининград, 2009), Л. В. Коковиной «Модальные значения уверенности —

неуверенности в поэме Н. В. Гоголя “Мертвые души” и ее переводах на английский язык: функционально-семантический анализ» (Калининград, 2013), Е. В. Булатой «Ирония как имплицитная форма выражения авторской модальности в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя и их немецкоязычного перевода)» (Калининград, 2017).

Такое исследовательское направление вполне объяснимо, поскольку художественный текст, по справедливому замечанию Л. Г. Бабенко, — «это всегда уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста, представляющий собой индивидуально-авторскую картину мира» [1, с. 143].

Логично и органично это направление было дополнено изучением модальности иных текстов, например текстов СМИ и рекламы в их современном состоянии и срезе, в том числе в сопоставительном аспекте. Среди исследований такого рода, выполненных под научным руководством профессора Ваулиной (их доля составляет 19%), — диссертационные работы И. Р. Федоровой «Способы выражения ситуативной модальности в современном русском языке (на материале газет)» (Тверь, 1997), Ю. В. Гапоновой «Средства выражения значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы» (Калининград, 2007), А. И. Ткаченко «Текстообразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе: на материале новостных заметок и аналитических статей» (Калининград, 2011). И среди научных исследований этой направленности находим диссертации, в которых изучение модальности текстов СМИ и рекламы происходит в сопоставительном аспекте: это исследования И. А. Демидовой «Средства выражения волеизъявления в русском и английском языках (на материале газет)» (Калининград, 2005) и Т. Ю. Собко «Побудительная модальность в дискурсе русскоязычной социальной рекламы (с привлечением данных немецкого и английского языков)» (Калининград, 2017).

Линию на сравнительно-сопоставительное изучение функционирования категории модальности укрепляют кандидатские диссертации К. А. Степаненко «Категория лица в функционально-семантическом аспекте: на материале русского и португальского языков» (Калининград, 2009) и Е. Н. Магдалинской «Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современного русского и польского языков)» (Калининград, 2015).

Еще две работы под руководством профессора Ваулиной посвящены анализу модальности вопросительных конструкций на материале современного русского языка: это работы Е. В. Рагозиной «Модальность вопросительных предложений в современном русском языке» (Калининград, 2008) и Н. А. Пробста «Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке» (Калининград, 2014).

На стыке диахронического и синхронического подходов выполнена работа И. Ю. Вертеловой «Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: психические состояния печали» (Калининград, 2001).

*Развитие научной школы профессора Ваулиной:
организация и проведение конференций*

Еще одно важное направление в развитии проблематики модальности — организация и проведение конференций разного статуса, главным образом всероссийских и международных, и уже не разовых, а регулярных, с систематической периодичностью.

Организации масштабных конференций в Калининграде предшествовало персональное приглашение профессора Ваулиной на международный симпозиум «Модальность в славянских языках: новые перспективы», состоявшийся в ноябре 2004 года в Регенсбурге (Германия). Симпозиум стал едва ли не единственным международным научным событием, посвя-

ценным именно теме изучения языковой модальности. Светлану Сергеевну по публикациям нашел профессор Бьёрн Ханзен, лингвист, исследователь модальности, в частности модальных вспомогательных слов в славянских языках. На симпозиуме в Регенсбурге возникла еще более масштабная идея типологического проекта, посвященного описанию модальных вспомогательных слов во всех языках Европы, которую взяла в разработку интернациональная группа ученых из Бельгии, Германии, США.

После симпозиума в Регенсбурге родилась и идея организации подобных конференций в Калининграде, поскольку задел в русле изучения языковой модальности на тот момент был уже значительный: аспиранты, кандидаты наук, защитившиеся под руководством С. С. Ваулиной, массив публикаций, признание в национальном и международном масштабе.

До 2007 года по инициативе и под руководством Светланы Сергеевны в университете проводились научные конференции по довольно широкой филологической тематике, например: «Актуальные проблемы и перспективы филологии» (сентябрь 1994), «Актуальные проблемы лингвистической семантики» (апрель 1996), «Текст в лингводидактическом аспекте» (октябрь 2002), «Семантико-дискурсивные исследования: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов» (сентябрь 2005), что позволяло участвовать в них практически каждому исследователю, при этом в программах большинства конференций были и отдельные секции, посвященные вопросам изучения модальности.

С 2007 года в фокусе внимания масштабных конференций уже оказывается проблематика языковой модальности. Первая международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению», организованная С. С. Ваулиной при финансовой поддержке РФФИ, состоялась в октябре 2007 года в Калининграде — Светлогорске. Закономерно, что «предложенная тема конференции, главной целью которой явилось всестороннее обсуждение вышеуказанных и связан-

ных с ними теоретических проблем категории модальности в языке и речи, а также выработка общей стратегии и оптимальной методики соответствующего анализа, вызвала большой интерес со стороны специалистов, свидетельством чему может служить тот факт, что в ее работе приняли участие более 70 человек, в том числе известные ученые из 11 ведущих вузов и академических институтов России, а также из университетов Германии, Польши, Белоруссии» [5, с. 28]. На четырех пленарных и трех секционных заседаниях конференции было представлено и обсуждено 60 докладов.

Пленарные заседания были посвящены рассмотрению «современных концепций модальности и основных направлений ее исследования, грамматических, а также основных аспектов изучения модальности текста» [3, с. 7]. Среди участников пленарных заседаний — известнейшие лингвисты, легендарные исследователи категории модальности, чьи имена знакомы каждому, кто так или иначе связан с этой научной темой: член-корреспондент РАН А. В. Бондарко (Санкт-Петербург), профессора Г. А. Золотова (Москва), Т. В. Шмелева (Великий Новгород), Л. П. Дронова (Томск), Х. Р. Мелиг (Киль, Германия), Б. Ханзен (Регенсбург, Германия), Н. Ю. Павловская (Минск) и, конечно, сама профессор С. С. Ваулина (Калининград). На пленарном заседании выступили крупные ученые-лингвисты, для которых, в том числе и под влиянием профессора Ваулиной, тема модальности стала «заразительной», захватывающей. Разным аспектам этой многогранной темы они и посвятили свои доклады на конференции. Среди них были знаковые личности: на тот момент профессор, ныне академик РАН В. А. Плуныян, профессора М. А. Кронгауз, М. Ю. Федосюк (Москва), В. В. Химик (Санкт-Петербург), Л. Г. Бабенко, Д. Р. Шарафутдинов (Екатеринбург), М. А. Кормилицына (Саратов), С. Я. Гехтляр (Брянск), И. А. Королева (Смоленск), Е. М. Шептухина (Волгоград), З. Л. Новоженова (Гданьск, Польша), калининградские ученые профессора Г. И. Берестнев, Р. В. Алимпиева, Н. Г. Бабенко и другие.

Показательно, что именно на этой первой конференции в Калининграде профессор Б. Ханзен (Регенсбург, Германия) представил предварительные результаты обширного типологического исследования модальности в большинстве европейских языков на основе анализа модальных вспомогательных слов, идея которого зародилась на международном симпозиуме по модальности в 2004 году.

Тематика секционных заседаний была посвящена рассмотрению «диахронического и сопоставительного аспектов изучения модальности, а также установлению функциональной специфики модальных значений и способов их выражения в текстах различной жанрово-стилистической принадлежности» [3, с. 7].

На заключительном заседании участники конференции единодушно высоко оценили уровень организации конференции, за что выразили глубочайшую благодарность оргкомитету и его руководителю профессору С.С. Ваулиной. Важным итогом конференции стало общее мнение о необходимости дальнейшей разработки актуальных проблем модальности на основе новых подходов к ее изучению, обозначенных в ходе работы конференции.

И в течение нескольких следующих лет эта идея первой конференции была блестяще реализована С.С. Ваулиной в процессе организации и проведения международных научных конференций с ярко выраженной междисциплинарной направленностью: «Оценки и ценности в современном научном познании» (июнь 2008), «Модели в современной науке: единство и многообразие» (сентябрь 2009); «Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: научные теории и социальная практика» (сентябрь 2012). Участие в данных конференциях приняли уже не только филологи, лингвисты, но и философы, историки, социологи, политологи, математики. Одной из центральных тем конференций (даже без специального обозначения в названии) продолжала оставаться языковая модальность, поскольку ее категориальные, смысловые, содержательно-функциональные связи с категорией оценки, моде-

лированием картины мира, с прагматическими аспектами коммуникации актуализировались участниками конференций на разном материале, на разных уровнях анализа, применительно к разным объектам.

В юбилейных для Светланы Сергеевны 2015 и 2020 годах ею же были организованы международные конференции «Категория модальности в речевой коммуникации» (сентябрь 2015) и «Модальность. Коммуникация. Текст» (сентябрь 2020), которые неизменно собирали на интереснейшие научные дискуссии и исследователей категории модальности, и почитателей научного таланта профессора Ваулиной, способной «обратить в веру» модальности буквально любого ученого.

Разумеется, проведение таких масштабных и глубоких конференций именно на базе университета напрямую связано с тем, что в нем в течение многих лет велась активная разработка проблем модальности, а также с авторитетом Светланы Сергеевны в научных кругах России и Европы, с ее талантом ученого, руководителя, организатора науки. Многие из участников первой конференции 2007 года стали постоянными докладчиками на «конференциях Ваулиной», и это постоянство красноречиво свидетельствует и об уровне данных мероприятий, и о степени признания калининградской школы модальности в научном мире.

В том числе и поэтому на протяжении нескольких лет профессор С. С. Ваулина возглавляла инициативный исследовательский проект «Модальность как универсальная категория: соотношение традиционных и новейших подходов к исследованию», получивший финансовую поддержку РФФИ.

*Развитие научной школы профессора Ваулиной:
публикационная активность*

Значимым событием для исследователей модальности стала коллективная монография под редакцией С. С. Ваулиной «Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхро-

нии русского языка» (Калининград, изд-во БФУ им. И. Канта, 2018). Структура монографии и логика изложения определена инициатором ее создания, автором идеи ключевой фундаментальной главы, главным «двигателем» самого замысла и редактором. Книга включила четыре главы: теоретическую, в которой представлены ключевые дискуссионные вопросы, «связанные с квалификацией модальности как функционально-семантической и коммуникативной категории, спецификой ее межкатегориальных отношений», и три исследовательские главы, в которых представлены результаты проведенного учениками С. С. Ваулиной анализа «особенностей реализации коммуникативного потенциала категории модальности в исторической динамике функционирования русского языка и в его современном состоянии на материале различных источников» [8, с. 6].

Безусловно, научная школа может существовать только под руководством признанного лидера, ученого, который собственным авторитетом способен объединить в рамках общей научной повестки, методологии, исследовательской программы и повести за собой как опытных коллег, так и делающих первые шаги в науке учеников. Лидерство Светланы Сергеевны, наряду с ее профессиональными и человеческими качествами, определяют и подтверждают в числе прочего объективные наукометрические показатели. По данным базы eLibrary.ru, количество публикаций профессора Ваулиной составляет 223 работы с общим числом цитирований 1509, в том числе в РИНЦ — 83 с общим числом цитирований 763. Индекс Хирша по этой базе составляет 11, что для гуманитарных наук более чем достойный показатель. Все зафиксированные в базе данных eLibrary.ru публикации авторства Светланы Сергеевны объединены ключевым словом «модальность» (без учета публикаций по этой же тематике ее учеников), что, в свою очередь, объективно обозначает проблематику калининградской научной школы профессора Ваулиной.

*Направления дальнейшего исследования категории
языковой модальности*

В завершение логично обозначить те направления дальнейшего исследования категории языковой модальности, которые считала перспективными сама С. С. Ваулина:

— изучение «плана выражения функционально-семантической категории модальности применительно к отдельным временным периодам в истории русского языка: практически не исследованным остается начальный период становления русского литературного языка, т. е. период, предшествующий пушкинской эпохе» [2, с. 11];

— более пристальное рассмотрение «особенностей и причин эволюционных изменений в функциональной иерархии разнообразных модальных экспликаторов» [Там же];

— более широкое системное описание таких детерминирующих средств «выявления модальных значений, как лексические и грамматические элементы контекста» [Там же];

— продолжение «диахронического изучения модальности в русском, как, впрочем, и в других близко- и неблизкородственных языках... поскольку большинство исследований по проблемам модальности выполнено на языковом материале современного синхронного среза» [Там же];

— «определение функционального статуса так называемой вопросительной модальности» [2, с. 14];

— «выявление специфики модальных отношений в различных видах дискурса в синхронии и диахронии русского языка» [Там же];

— «создание словаря терминов, относящихся к сфере модальности» [5, с. 32].

Реализовать эти планы без профессора Ваулиной чрезвычайно сложно, если не невозможно, но, по крайней мере, «Ваулинские чтения», посвященные 80-летию профессора, — хороший повод для продолжения научного изучения темы модальности в БФУ им. И. Канта.

Важно и то, что в год юбилея и первых Ваулинских чтений переиздана монография Светланы Сергеевны, которая стала раритетом и получила достойное признание в научном мире, судя по количеству цитирований. В предисловии к репринтному переизданию изложены основные вехи научного и профессионального пути Светланы Сергеевны, сам репринт предваряет стихотворение ее друга и наставника Р. В. Алимпиевой.

2025 год должен был стать годом очередной конференции по модальности, приуроченной к очередному же юбилею Светланы Сергеевны. И к этим событиям готовились и ученики, и коллектив университета, и она сама. Никто не мог предположить тогда, что все это произойдет, но уже без ее непосредственного участия.

И тем не менее конференция — не только дань памяти и уважения научному таланту и личности Светланы Сергеевны, но и органичное, закономерное продолжение дела ее жизни.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании* : сб. науч. тр., Калининград, 20—22 июня 2008 года. Ч. 2. Калининград, 2009. С. 133—142.

2. *Ваулина С. С.* Исследование модальности в РГУ им. И. Канта: некоторые результаты и перспективы // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению* : сб. науч. тр., Калининград, 14—30 января 2008 года. Калининград, 2008. С. 8—16.

3. *Ваулина С. С.* От редколлегии // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению* : сб. науч. тр., Калининград, 14—30 января 2008 года. Калининград, 2008. С. 6—7.

4. *Ваулина С. С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1988. 144 с.

5. *Ваулина С. С., Кукса И. Ю.* Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. 2008. № 2 (58). С. 29—33.

6. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С 53—88.

7. *Грезнева О. Ю.* Научные школы: принципы классификации // Высшее образование в России. 2004. №5. С. 42—48.

8. *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка.* Калининград, 2018.

9. *Криворученко В. К.* Научные школы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/ (дата обращения: 21.10.2025).

10. *Логонова Н. А.* Антропологическая психология в петербургской психологической школе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. 2007. Вып. 2, ч. 1. С. 129—138.

11. *Ярошевский М. Г.* Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические аспекты науки. М., 1973. С. 174—184.

ВОСПОМИНАНИЯ

Покорение Судьбы

«Умру, как споткнусь». Эта периодически произносимая Светланой Сергеевной фраза как желаемый образ ухода вынуждает почти примириться со случившимся 15 мая 2024 года. Ощущение, что у нее свои договоренности с Судьбой, не покидает...

Пять лет моей студенческой, 28 лет университетской «взрослой» и 4 года внеуниверситетской жизни связаны с профессором, доктором филологических наук, моим наставником Светланой Сергеевной Ваулиной. Неразрывно, непрерывно, накрепко. Многими людьми, событиями, ситуациями (порой и трагическими, и радостными). Не на одну книгу хватит. И даже смерть 25 лет назад уже пыталась забрать ее у нас — и не смогла. Сила воли, сила духа, сила ума, сила характера хрупкой женщины тогда победили.

Семьей и смыслом жизни Светланы Сергеевны всегда был университет и «ее» люди (не все достаивались): коллеги, ученики, родные...

Равных ее таланту управленца — мало. Декан крупнейшего в КГУ образца лихих 90-х ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО факультета, который по многим параметрам был центровым. Вместе с коллегами-деканами она не просто удержала сложный корабль на плаву, но и создала прочную основу для развития в нулевых и дальше. Председатель диссовета по филологии — бессменный с 2001 года. Диссовет — ее детище, ее гордость, столько сил и души вложено — не передать.

Равных ее таланту УЧЕНОГО и организатора науки — тоже немного, свидетели тому — не одно поколение заботливо

выращенных кандидатов филологических наук. А еще — созданная, выпестованная уникальная научная КАЛИНИНГРАДСКАЯ школа языковой модальности.

Равных ее актерскому таланту — тоже мало. Роли примы студенческого театра Воронежского университета; учительницы с «кызыл» дипломом в Средней Азии; молодого преподавателя Калининградского университета, влюбившего в себя студентов рабфака; первоклассного специалиста по истории русского языка (великие Колесов и Хабургаев ценили!); исследователя модальности в диахронии (великие Бондарко, Золотова и др. тоже ценили!); декана (коллеги-деканы, ректоры-проректоры тоже ценили, уважали, любили и даже побаивались иногда...) и другие роли не исполнялись — проживались Светланой Сергеевной с полной отдачей и с полным погружением. Особенно — роль друга: наша Роза Васильевна тому свидетель... да и не только она, но она — самый-самый...

Профессор Ваулина могла быть такой разной: грозной и жесткой (и словом припечатать еще как), ранимой и трепетной, принципиальной и решительной, юморной и ироничной, порой саркастичной (не дай бог попасть «под горячую руку»), серьезной и сосредоточенной — но всегда любящей: дело своей жизни, саму жизнь и людей, которые эту жизнь с ней делили...

Масштаб ЛИЧНОСТИ, определившей, создавшей целую ЭПОХУ в университете, поражал, восхищал и воодушевлял многих и всегда.

«Ну есть же грани?!» — одна из самых известных ее цитат, выражающих недовольство кем-то или чем-то, вошедшая в лексикон близких ей по духу людей. Но для нее самой граней, границ, рамок возможностей практически не было, для многих Светлана Сергеевна стала судьбоносным человеком, предопределив профессиональный и жизненный путь, обладая удивительным даром пробуждать в других созидательную энергию, веру в свои силы и в беспредельность возможностей.

Не замечая преград на пути, она решала любые задачи, любая сложность была ей по силам, сама судьба ей покорялась...

С первого дня работы в университете (она, тогда декан Ваулина, и дала мне эту работу) буквально до последнего дня ее физического присутствия на этой земле (вечером накануне говорили по телефону...) — бóльшая часть моей жизни — с ней, рядом. Так и будет дальше. Потому что в сердце, в душе — она навсегда. А теперь — и в памяти...

В день прощания мы вспоминали строки Роберта Рождественского, цитату откуда периодически повторяла Светлана Сергеевна:

Я зла не имею.
Я сердцем не лгу.
Живу, как умею.
Живу, как могу.
Живу, как лечу.
Умру, как споткнусь.
Земле прокричу:
«Я ливнем вернусь!»

И что вы думаете?.. Грянул ливень. Она, она управляла своей судьбой, а не наоборот, как и судьбой многих дорогих ей людей.

Порой, как это часто бывает после горьких потерь, накатывает ощущение безысходности и бессмысленности: «И как же дальше? Что же теперь?..» И на это есть ответ у Светланы Сергеевны Ваулиной: жить так, чтобы «была культура и не было измены».

И. Ю. Кукса, канд. филол. наук, доц.

Вспоминая Светлану Сергеевну

Первая личная встреча со Светланой Сергеевной случилась давно, в 1992 году, на железнодорожном вокзале в Твери — профессор Ваулина приехала в этот город на защиту диссер-

тации в качестве оппонента. Мы встречали «строгую ученого», а из вагона легкой быстрой походкой вышла модная молодая женщина с озорным взглядом, на каблуках, без шапки, несмотря на срывающийся снежок.

Последняя встреча запомнилась расставанием: мы были в Калининграде, ехали вместе со Светланой Сергеевной из университета на трамвае. Она вышла на своей остановке и, не оглядываясь, пошла домой: все той же легкой походкой, в красивом платье, как будто юная, а мы с восхищением и грустью, с едва уловимым предчувствием смотрели ей вслед...

А между этими встречами больше 30 лет настоящей, неформальной дружбы, которая была даже больше, чем дружба.

Нам посчастливилось познакомиться со Светланой Сергеевной, когда мы только начинали работать в Волгоградском государственном университете. Конечно, мы знали о ней как о большом ученом, читали ее научные труды и даже издалека видели Светлану Сергеевну в нашем университете на одном важном всесоюзном научном мероприятии. Нас познакомила, правильнее сказать, щедро подарила это знакомство, наш научный руководитель, профессор София Петровна Лопушанская.

Мы понимали масштаб личности Светланы Сергеевны как известного ученого, основоположника Калининградской лингвистической школы, но даже не предполагали, что когда-то жизнь соединит нас и что так много будет значить для нас этот человек!

Наши отношения строились прежде всего на профессиональной основе: серьезное обсуждение научных и учебных вопросов, участие в работе ГАК, в заседаниях диссертационного совета, в программах повышения квалификации и др. Этому помогли «личностная совместимость» и взаимопонимание.

Для Волгоградского государственного университета профессор С. С. Ваулина — особенный человек. Здесь ее очень ценят как талантливого лингвиста, который внес большой вклад в изучение вопросов русского исторического языкозна-

ния, общей теории модальности, стилистики художественной речи, методологии и методов исследования, сохраняя и творчески развивая лучшие традиции отечественной филологической науки. Ей благодарны за многолетнее плодотворное сотрудничество: выступлениями на конференциях и оппонированием на заседаниях диссертационного совета, чтением лекций для студентов ВолГУ она задавала высокий уровень профессионального взаимодействия.

Имея высокий статус в научном мире, Светлана Сергеевна была доступной в общении с коллегами — и неважно, аспирант ты или профессор. Ее отличали широчайшая научная эрудиция, неординарность и искренность, порядочность и тактичность, внутренняя свобода и независимость, тонкое чувство юмора, ирония и самоирония, невероятная сердечность и почти детская ранимость. Она притягивала к себе людей, наверное, потому, что сама относилась к ним с доверием, искренностью, пониманием. Она была умной, доброй и оптимистичной. Говорить о ней можно только в модальности любви.

С уходом Светланы Сергеевны ушел большой, особенный ее мир. Мы ценим то, что были включены в этот мир, что могли называться «ее волгоградцами».

*М. В. Косова, д-р филол. наук, проф. ВолГУ,
Е. М. Шептухина, д-р филол. наук, проф. ВолГУ*

Ярким пламенем светит в века...

Светлана Сергеевна Ваулина...Выдающийся ученый, блестящий филолог. Чуткий и отзывчивый человек, мой земляк (Светлана Сергеевна всегда с удовольствием говорила о своих воронежских корнях), подаривший всем знавшим ее счастье общения.

Целеустремленная, глубоко преданная науке, создавшая школу языковой модальности. В научных вопросах Светлана Сергеевна — принципиальна и строга, но справедлива и чест-

на. В общении всегда весьма проста и доступна, активна и импульсивна; способна окружить заботой и вниманием каждого человека и открыть в нем лучшие качества. Тонкая, обладающая прекрасным вкусом, аристократическими манерами и обостренным чувством собственного достоинства. Интересный собеседник, увлеченный своим делом и никогда не терявший интереса к жизни.

Человек яркий, уникальный, разносторонний, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди руководства университета и коллег, не знавший отдыха, живший работой и общением с учениками.

Однажды мы пошли со Светланой Сергеевной в театр, однако посмотреть спектакль не получилось: телефон звонил не переставая, и каждый звонок был для нее важен. И я запомнила фразу, которую в сердцах тогда сказала С.С. Ваулина: «Нельзя мне ходить по театрам: я нужна людям».

Светлана Сергеевна очень нужна людям... Слишком нужна... Она осветила ярким пламенем жизни многих людей, наполнив их смыслом... И прошедшее время совсем не о ней...

*Г. А. Заварзина, д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой русского языка, современной русской
и зарубежной литературы ВГПУ*

«Живая жизнь»

Мое знакомство со Светланой Сергеевной состоялось на международной конференции в Минском государственном лингвистическом университете. И с тех пор мы всегда поддерживали наши дружеские и профессиональные связи. Светлана Сергеевна была исключительно продуктивно работающим ученым, мудрым и проницательным, умеющим замечать такие аспекты разрабатываемого исследовательского направления, которые обладали обширным эвристическим потенциалом в течение длительного времени, оставаясь перспективны-

ми и сейчас. Теория текстовой модальности, предложенная и многоаспектно разрабатывавшаяся Светланой Сергеевной, свидетельствует не только о ее отчетливом стремлении к достижению научной истины, но и о широчайшем кругозоре, благодаря чему изучение художественного текста в отечественной науке о языке перешло на абсолютно новый уровень.

Читая работы С.С. Ваулиной, невольно вовлекаешься в строго выстроенную научную аргументацию. При этом в трудах профессора Ваулиной не обнаружишь ни шаблонных фраз, ни клише: стиль ее работ всегда точен, ясен, прост и одновременно метафорически насыщен и изобразителен. Работы Светланы Сергеевны не утяжелены терминологическими заимствованиями, поскольку профессор Ваулина всегда стояла на страже чистоты русского языка, утверждая своей научной деятельностью его богатые возможности в выражении любой, самой сложной мысли.

Светлана Сергеевна была прекрасным педагогом и научным руководителем, под чьим началом выросло много значительных для развития отечественной лингвистики исследователей. Мне всегда была близка активная гражданская и жизненная позиция Светланы Сергеевны, и мы с ней находили взаимопонимание во многих сферах, не связанных с наукой. И конечно, всегда вспоминаю ее оптимизм, чувство юмора, ту самую «живую жизнь», о которой так ярко писал И.С. Тургенев. Светлая память о Светлане Сергеевне всегда будет со мной.

А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. ЮФУ

Потенциал модальности

Всестороннее глубокое изучение столь сложного и неоднозначного феномена, каковым является модальность, — *magnum labor* многогранной научной деятельности профессора Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктора филологических наук Светланы Сергеевны Ваулиной.

Масштабное исследование указанной категории в русле комплексной методологии, разработанной в рамках сравнительно-исторической и функциональной парадигм на основе объединения диахронического и синхронического подходов, позволило Светлане Сергеевне и плеяде ее учеников раскрыть потенциал модальности в различных областях коммуникации. За годы кропотливой напряженной работы им удалось описать самые разные коммуникативные аспекты данной категории, обусловленные ментально-прагматическими факторами и требованиями речевой ситуации, а также выявить особенности реализации коммуникативного потенциала модальности в текстах различной жанрово-стилевой принадлежности и временной отнесенности.

Именно перу профессора Ваулиной принадлежит оригинальная, теоретически стройная и логически последовательная концепция категории модальности, послужившая мощной идейной основой для последующих трудов в области исследования эволюции и перспектив функционирования модальности в русском языке. В многочисленных работах Светланы Сергеевны, заложивших фундамент уникальной калининградской школы модалистики, затрагивается целый комплекс проблем, касающихся важнейших сторон структурно-содержательного объема и функциональной значимости категории модальности. Перечень изученных Светланой Сергеевной и ее учениками вопросов включает в себя разграничение философского (в том числе логического) и лингвистического понимания модальности как стержнеобразующей семантической языковой категории, применение функционального и полевого подходов к изучению модальности, ее интерпретацию как коммуникативной категории, а также проблемы взаимосвязи категорий модальности и наклонения, модальности и оценочности etc. Базирующаяся на мощном потенциале функциональной лингвистики, оригинальная концепция модальности прошла апробацию в огромном массиве научных публикаций (от статей в сборниках конференций до кандидатских и докторских работ) и принята научным сообществом как в России, так и за рубежом.

Мы полагаем, что даже это очень краткое описание достижений Светланы Сергеевны на ниве изучения категории модальности позволяет представить масштаб проведенной ею за долгую и плодотворную научную жизнь работы, которая дала ей право без всяких оговорок называться родоначальником калининградской школы модальности. И сберечь и приумножить созданное Светланой Сергеевной Ваулиной научное наследие мы считаем священным долгом ее учеников.

З. Л. Новоженова, д-р филол. наук, проф.

«Модальность мне снится...»

Светлана Сергеевна занимает совершенно особое место в моей жизни. Именно она приобщила меня к науке, «заразила» своей любовью к модальности, показала, как интересно заниматься филологическими исследованиями. Светлана Сергеевна для меня — пример и образец настоящего ученого: эрудированного, преданного науке. И с другой стороны — заботливого и внимательного к своим подопечным. Когда я только начала писать диссертацию под руководством Светланы Сергеевны, у меня сами собой сложились следующие строчки:

Модальность мне снится
И ночью и днем.
Выходит, в модальном мы мире живем.
Могу отдыхать, работать обязана.
Вся жизнь моя ныне с модальностью связана.
Царица модальности — свет наш Светлана.
Мы знания черпаем, как из фонтана.
Всегда энергична, свежа и бодра.
Своих аспирантов любит она.

Л. В. Коковина, канд. филол. наук, доц.

Мудрый учитель и наставник

В 2002 году я окончила Калининградский государственный университет, и мне очень повезло, что я попала на работу на кафедру к Светлане Сергеевне Ваулиной в должности заведующего кабинетом кафедры истории русского языка и сравнительного языкознания.

Вскоре я поступила в аспирантуру к Светлане Сергеевне и в 2006 году защитила кандидатскую диссертацию под ее руководством на тему «Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII — первой четверти XVIII века».

Также на протяжении многих лет мне довелось быть помощником в организации международных научных конференций, которые организовывала Светлана Сергеевна.

Она запомнилась как выдающийся ученый, прекрасный организатор и великолепный руководитель. Светлана Сергеевна Ваулина была человеком, который уважал каждого, не смотря на его статус и занимаемую должность.

Она очень много сделала для факультета и для университета в целом.

Тяжело осознавать уход такого человека... Для меня она была мудрым учителем и наставником, всегда готовым прийти на помощь.

Очень жаль, что Светлана Сергеевна покинула нас так рано, не успев воплотить еще очень многое...

*Н. В. Панина (Старовойтова),
канд. филол. наук, асп. С. С. Ваулиной в 2003—2006 гг.*

Настоящий друг

Мое знакомство со Светланой Сергеевной произошло в 90-е годы прошлого века, когда я привезла на кафедру русского языка документы, необходимые для защиты докторской

диссертации. В это время я работала по направлению Министерства просвещения в Лейпцигском университете ГДР. Свою диссертацию я должна была защищать в Ленинградском университете на кафедре русского языка у Владимира Викторовича Колесова. Он мне и рассказал, что первой будет защищать диссертацию Светлана Сергеевна, а я — уже за ней. Это положило начало нашему знакомству.

Мы часто разговаривали по телефону: последний раз вечером того дня, когда она абсолютно неожиданно для меня ушла. Все эти годы мы постоянно общались. Светлана Сергеевна была настоящим другом: во всех случаях всегда помогала мне. Ее преданность науке, своим друзьям была поистине безотказной. Она была исключительно активным человеком и замечательным организатором — в меру строгим, преданным своему делу, своему призванию. У нее была масса учеников, которых она любила, считала самыми умными и всегда помогала им во всем.

У меня остались от Светланы Сергеевны самые светлые воспоминания. Я считала ее уникальным человеком, умным, сердечным, настоящим, бесконечно преданным своему призванию!

М. А. Кормилицына, д-р филол. наук, проф. СГУ

«Модальность стала магнитом...»

Светлана Сергеевна... она жила в полете, увлеченная тем, что считала своим делом! Она обладала сильнейшим магнетизмом, создавала такое поле притяжения реальной междисциплинарности!

Светлана Сергеевна не только создала научную школу в Калининграде, она со своими учениками и коллегами обнажила такую многогранность категории модальности в ее миромоделирующей функции настоящего и прошлого, что модаль-

ность стала огромным магнитом, в поле воздействия которого оказались лингвисты разных направлений нашей страны и ряда стран Европы. Могу только благодарить судьбу за встречу с таким Человеком! Светлая память!

Л. П. Дронова, д-р филол. наук, проф. ТГУ

Воспоминание о диалектологической практике

В далеком 1978 году группа студентов-филологов отправилась в Псковскую область на диалектологическую практику. Руководили группой студентов Роза Васильевна Алимпиева и Светлана Сергеевна Ваулина. Мы даже не подозревали, чем обернется для нас это путешествие!

Практика стала открытием таких заповедных мест, как Изборск, один из древнейших русских городов, место, где «Русью пахнет», Пушкинские горы, Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь.

Только по прошествии ряда лет мы поняли, что посещение этих мест не было обязательным для диалектологической практики. Открытием истории и Пушкина мы обязаны исключительно энтузиазму наших руководителей: Розы Васильевны и Светланы Сергеевны. Их неиссякаемая энергия, желание и умение делиться прекрасным и приобщать студентов к истокам русской истории и культуры поистине достойны восхищения. Это были важнейшие жизненные уроки.

Благодаря им я, мой муж и дети неоднократно бывали в этих благословенных местах, обретая душевные силы и с благодарностью вспоминая наших преподавателей, которые открыли нам дорогу к Храму.

*Л. Н. Калининкова, канд. филол. наук, доц.,
зав. кафедрой русского языка КГТУ*

О модальности и фразеологии Светланы Сергеевны

«*Есть же грани!*» — фраза, которую часто слышали коллеги и друзья от Светланы Сергеевны Ваулиной, доктора филологических наук, профессора, председателя диссертационного совета Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. И это не единственное устойчивое выражение, которое создала Светлана Сергеевна. В ее фразеологизмах — выражение живой реакции на поступки людей, ценностной культуры, искрометного юмора и, конечно, модальности, приверженность к которой и в жизни, и в науке стала кредо Светланы Сергеевны.

Она легко, с интересом творила фразеологию, «заражала» ею речь своих коллег. И в результате в ней родился еще один фразеологизм: «как говорит Светлана Сергеевна». В нем не просто указание на автора устойчивой фразы, а выражение сопричастности к ее культуре ценностей, меткому взгляду на происходящее в рабочей или иной ситуации.

Светлана Сергеевна изучала фразеологию в модальном аспекте вместе со своими учениками. Мой первый научный опыт исследования фразеологизмов в художественной литературной речи не остался незамеченным ею. Мне посчастливилось стать ее аспиранткой и выпала особая честь написать научную работу о фразеологизмах делового русского языка второй половины XVII — начала XVIII веков как средствах выражения значения возможности. И писали мы работу о фразеологизмах и с фразеологизмами: «Ну вы даете! Мой хороший!» — поддерживала и направляла в научных изысканиях Светлана Сергеевна. Сколько энергии, чуткости, понимания проявляла она, не оставляя шанса на провал! Фразеологическая возможность, в языке наших предков чаще всего детерминированная выражением *по (до) воли Божию*, была определена Светланой Сергеевной иначе: *в ее руках было* почти все, что происходило в ее жизни, жизни коллег, учеников, друзей, — *в ее руках была* судьба.

Выражая благодарность Светлане Сергеевне, храня память о ней, скажу с помощью формулы языка наших предков: я *(вечный) раб твои (милости твоеи), (вечный) работник твои, слуга (услужник) твои (вашей милости), вскормленник твои (милости твоеи).*

Н. А. Суворова, канд. филол. наук, доц.

Один из самых ярких уроков

В жизни каждого исследователя есть знаковые фигуры, которые влияют на их становление в науке. Это люди, с которыми чувствуешь духовную общность и душевную близость. Таким человеком для меня стала доктор филологических наук, профессор С. С. Ваулина.

Наше знакомство со Светланой Сергеевной произошло в далеком 2003 году, когда я готовилась к защите кандидатской диссертации. Мой научный руководитель, доктор филологических наук, профессор С. М. Прохорова, была членом диссертационного совета, который возглавляла С. С. Ваулина. Она предложила мне пройти мою научную инициацию именно в этом высоком научном собрании. Навсегда в памяти осталась атмосфера заинтересованного участия и строгого арбитража, созданная авторитетными учеными под руководством Светланы Сергеевны!

Дальше были многочисленные встречи на различных научных форумах, как в Калининграде, так и в Минске, освещенные радостью общения с человеком, несущим свет знаний и вдохновение научного поиска своим ученикам и коллегам! Светлана Сергеевна стала для меня, как и для многих других, Учителем, чей светлый образ, яркие идеи, бесконечная любовь к своему делу, широчайшая эрудиция, искрометное чувство юмора навсегда остаются одним из самых ярких и мотивирующих в жизни уроков!

О. А. Полетаева, канд. филол. наук, доц. БГУИЯ

Мои встречи со Светланой Сергеевной

Со Светланой Сергеевной я познакомилась еще в безмятежные доковидные времена.

Мы встречались в Калининграде на регулярных конференциях по модальности, организованных Светланой Сергеевной, а также на заседаниях диссертационного совета, которым она много лет четко и мудро руководила. Наше дружеское сотрудничество началось с телефонного звонка, когда Светлана Сергеевна попросила меня дать внешний отзыв для ее совета. С тех пор мы не раз общались по телефону по разным поводам: это были и серьезные консультации, связанные с работой диссовета, и просто веселые разговоры, когда Светлана Сергеевна рассказывала о разных курьезных случаях.

Меня всегда поражали в Светлане Сергеевне ее неиссякаемое жизнелюбие, творческая энергия, трогательная забота о коллегах. Каким-то непостижимым образом она, несмотря на всю свою сумасшедшую занятость, успевала контролировать ситуацию и заботиться об окружающих. Так, во время празднования 75-летнего юбилея Светланы Сергеевны мне нужно было уехать в другой город на конференцию. Светлана Сергеевна помнила о моем отъезде и сама позаботилась о транспорте до автостанции.

И так она заботилась о каждом, кто ее окружал!

Светлая память большому ученому и прекрасному человеку Светлане Сергеевне Ваулиной!

*Л. В. Рацибурская, д-р филол. наук, проф.,
зав. кафедрой современного русского языка
и общего языкознания ННГУ*

Несовременный человек

Есть люди, которые никак не вписываются в прокрустово ложе актуальных представлений о «правильной жизни». Этим людей часто называют отставшими от жизни, несовременными, их считают чужаками.

Такие несовременные люди нередко игнорируют нынешние священные правила повседневной коммуникации, когда, выражаясь словами героя комедии Гайдая, «к людям нужно быть мягше, а на вещи смотреть ширше» (что на деле обычно означает классическое «мягко стелет...»). Они, когда это необходимо, могут прямо сказать неудобную правду, жестко потребовать, бескомпромиссно отстаивать свою правоту, они сохраняют верность традиционным ценностям вопреки моде на моральную гибкость и идейный плюрализм. Когда стержневым принципом жизненного устройства объявляется заповедь «возлюби себя», несовременные люди любят других — своих близких, коллег, учеников. Когда принято помнить лишь о тех, кто полезен и пока полезен, они никогда не забывают своих друзей, всегда помнят о тех, кто оставлен даже собственными родными. В самые суровые времена несовременные люди сохраняют любовь к нашей стране и ее народу, не обращая внимания на ироничные усмешки «прогрессивных и свободомыслящих» коллег и знакомых.

Да, определенно — эти люди и впрямь не соответствуют нынешним экзистенциальным моделям. Но именно вокруг таких несовременных людей формируются устойчивые коллективы, они находятся в центре по-настоящему больших дел, благодаря им претворяются в жизнь проекты, кажущиеся нереализуемыми. Именно трудами таких несовременных людей современный мир не скатывается окончательно в пропасть.

Да, дорогая Светлана Сергеевна, это все о Вас. И, вспоминая Вас, так хочется быть хоть чуточку несовременным...

Н. А. Пробст, канд. филол. наук, доц.

Звезда по имени Солнце

Есть ключевые, знаковые фигуры в университете — ЭПО-ХАльные... без исключения к ним относится Светлана Сергеевна Ваулина. Ученый с мировым именем, профессор с большой буквы, талантливый руководитель, вдохновляющий педагог, прекрасный Учитель.

Невозможно переоценить масштаб личности Светланы Сергеевны и ее заслуги, тот неоценимый вклад, который она внесла в развитие отечественной филологии в целом и университета в частности. Многогранность Светланы Сергеевны, ее ценностные ориентиры, беззаветное служение делу, неутомимая энергия и задор определили всю ее судьбу.

В ближнюю периферию окружения Светланы Сергеевны я попала в 2005 году, когда, будучи студенткой второго курса филфака, выбирала самого лучшего научного руководителя. Я тогда вообще не знала, что такое наука, а слова «аспирантура» и «диссертация» казались не про меня. И вот я помню, как иду по длинному коридору второго этажа к заведующему кафедрой истории русского языка и сравнительного языкознания, а сама дорогой повторяю заученную фразу, малопонятную мне: «Модальность — широкая семантическая категория, содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяется... номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами...» Открываю дверь кафедры, а там, в кабинете с распахнутой дверью — Светлана Сергеевна, как всегда, за компьютером. Здравуюсь и представляюсь, она приглашает меня войти, отрывается от своих дел, поворачивается ко мне, не снимая очки, уточняет, что бы я хотела исследовать. И я, чтобы ни в коем случае не передумать, отвечаю: «Модальность!» «Модальность?! Так интересно?! А что вы знаете о модальности?» — спрашивает она. Ну, тут я, конечно, блеснула выученной фразой из статьи

Ваулиной. Светлана Сергеевна улыбнулась и сказала: «Давайте попробуем!» И с этого момента в моей жизни друг за другом, как в калейдоскопе, стали чередоваться яркими событиями научные семинары и конференции, исследовательские командировки и проекты, защиты кандидатских диссертаций и публикации сборников научных трудов, незабываемые (и каждый раз удивительные и уникальные) встречи с учеными (академиками, профессорами и доцентами), личными контактами с которыми так щедро делилась Светлана Сергеевна. Казалось, что так будет всегда... Но 15 мая 2024 года все изменилось... навсегда...

Светлана Сергеевна Ваулина — звезда, самая яркая звезда — она Солнце. Рядом с которой находится порой невозможно, но без которой совершенно точно — нельзя. Уникальная, остромуная, надежная, преданная, сильная, харизматичная, притягательная, любящая, любимая, дорогая и всегда такая необходимая, для каждого — своя!

Такой Светлана Сергеевна и останется в моем сердце!

А. И. Ткаченко, канд. филол. наук, доц.

Роман в стихах по мотивам Евгения Онегина в очень вольной авторской модальности

Банкет уж полон, вина плещут
И гости вилками скрипят;
И с неизменным восхищеньем
На юбиляршу все глядят.
Блистательна, полувоздушна,
Толпой гостей окружена,
Сидит Ваулина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит...

Ее пробег по коридору
Сравним лишь с арабеском Терпсихоры,
Стремглав влетает в кабинеты,
Чеканя командирский шаг,
Взыскуя граней и культуры
Руководя аспирантурой,
Легко и твердо, как заправский маг.
Стройна, мгновенна, вдохновенна,
Готова к бою ежедневно,
Хоть робкою себя считает,
Но больше в робость всех кругом вгоняет.
Статьи писать всех побуждает,
И в Скопус дружно загоняет,
Всех страждущих остепеняет
И каждый день менять наряды успеваает.
Одна лишь страсть владеет ею,
Одна, но пламенная страсть:
Всегда модальности верна!
Друзья-коллеги, больше рифм я не имею,
Так выпьем за С. С. до дна!

Т. М. Шкапенко

МОДАЛЬНОСТЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Л. П. Дронова

(Томск)

lpdronova@mail.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (к вопросу о «новых» восточнославянских языках)

Новый уровень исторических исследований в области восточнославянских языков в связи с введением в исследовательское поле материалов русинского языка (карпатских языков) и «раскопанного» новгородского языка (языка новгородских словен и псковских кривичей) ставит новые задачи в области исторического изучения базовой лексики разных периодов истории славян, в том числе диагностической в этом плане модально-оценочной лексики.

Ключевые слова: русинский язык, новгородский язык, карпатские языки, карпатистика, модальная лексика

Отмечая заслуги школы калининградских лингвистов и ее руководителя С. С. Ваулиной в области изучения истории русского языка, хочется обратить внимание на перспективность одного из исследовательских направлений. Новый уровень изучения истории древнерусского языка появился в связи с начавшимся теоретическим описанием еще двух восточнославянских языков — русинского языка (карпатские языки бойков, гуцулов, лемков) и «раскапываемого» языка псковских кривичей и новгородских словен.

Славянское заселение Карпат, по мнению историков, археологов и антропологов, являлось частью переселенческого потока славян на юг, на Балканы и в обход Карпат на равнину между Карпатами и Днестром. Значительную трудность представляет определение культуры юго-западных групп восточнославянских племен — уличей (Южное Поднепровье и Побужье), древлян (Восточная Волынь), тиверцев (Прутско-Днестровское междуречье), хорватов (Прикарпатье и Закарпатье), дулебов / бужан, волынян (Западная Волынь и Верхний Днестр) [15, с. 161]. На данном этнокультурном перекрестке и формировалась языковая основа Закарпатья, в отличие от иного варианта праславянской основы восточных славян (поляне, дреговичи и др.), ныне украинцев и белорусов.

С 70-х годов V века археологи отмечают продвижение склавинов, носителей пражской культуры, в южном и юго-западном направлении: славяне заселили обширные территории центральной и западной части Европы за полстолетия до прихода туда аваров. Движение аваров из Причерноморских степей на запад вовлекло в миграционную волну другую славянскую группировку — антов, сформировавшихся в условиях славяно-иранского (скифо-сарматского) симбиоза в составе пестрой в этническом отношении черняховской культуры междуречья Днестра и нижнего Дуная [9, с. 196, 229 и др.]. Существует мнение, что в результате миграционно-интеграционных процессов первой волны заселения (склавины) и второй (анты) сформировался позднее словацкий язык с гетерогенной праславянской основой [2, с. 46—55]. Сопоставление словацкого языка с его исторической основой показывает, насколько сложнее определить вероятную гетерогенную праоснову для карпато-русинского языка. Ее установление осложняет подерживаемый многими лингвистами (как и историками) подход к нему исключительно как к диалекту украинского языка, что находит свое отражение в лексикографических источниках.

Задача историка языка — попытаться установить с помощью этимологических и культурно-исторических средств, с

привлечением исторических и археологических данных, ту «цепочку», по которой осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку, и выявить таким образом генетическое «ядро» карпато-русинского языка. О таком способе выявления исторической диалектной базы в карпатских языках писал еще в 1989 году В. Э. Орел, обсуждая вопрос о границах этимологического изучения карпатской лексики: «С этимологической точки зрения совокупность карпатской лексики есть не что иное, как множество разнонаправленных заимствований. <...> ...Для карпатистики полезна не этимология как таковая, а установление этимологическими средствами “цепочек”, по которым осуществлялась передача карпатизмов от языка к языку... при этом выявляются и основные направления внутрикарпатского взаимовлияния. Это существенно для создания целостной картины этнического влияния» [6, с. 100—101].

В результате разных политических событий 1990—2000-х годов обострился вопрос статуса карпатских языков: язык русинов — еще один восточнославянский язык или диалект украинского? Проект сопоставления русинского с западно- и южнославянскими языками реализовывался в Институте славяноведения на рубеже 1980—1990-х годов (руководители Л. А. Гиндин и И. А. Калужская) [3, с. 14—35], но, к сожалению, был закрыт. Полагаем, что в нынешней ситуации в решении этого вопроса объектом анализа может послужить культурно значимая лексика, характеризующая различные этапы истории заселения Карпат. Это позволит понять, насколько глубоки восточнославянские черты в русинском языке и в какой степени они соотносятся с разными зонами восточно-, западно- или южнославянского ареала.

Что нам способна показать история модально-оценочной лексики? Сохранность и широкая представленность в русинском языке такого архаического языкового «осколка», как *яльий* ‘должный, такой, как нужно, подобающий’, *неяльий* ‘неприличный, непристойный’, *яло* ‘прилично, как следует’ (*неяло уд тебе сякое* ‘не прилично тебе такое’), *ялоба*, *ялобность*

‘приличие, пристойность’ (Керча), *ялити* (безлич.) ‘приличествовать’ (*Богачеви все йалос’і*), ‘начинать’ (*Йялос’а звір’а красно просити*) (Онышкевич), свидетельствует об особенностях проживающего в этом специфическом районе Карпат этноса. Близкородственная лексика отмечается в украинском языке: *яло* ‘уместный’, *ялося* ‘годится, слід’, производная от *яти ся, яти*, как осторожно предполагается в этимологическом словаре украинского языка (III: 545) [4, с. 111]. В этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ) приведенные русинские и украинские лексемы отсутствуют, не приводятся они и в этимологическом гнезде праслав. *ęti. Предполагаем, что в данном случае мы имеем дело с сохранившимся архаическим праславянским образованием (или следом субстрата — исчезнувших древнеевропейских языков Балкан) — отглагольным прилагательным с суффиксом *-л-*, отмеченным только как диал. олон. *ялся* ‘хотел’ (Г. Куликовский (1898) со ссылкой на Е. Барсова), относящимся к этимологическому гнезду праслав. *ęti [4, с. 112].

Пример сравнения в русинском языке общеоценочного прилагательного *планый* ‘плохой’ (один из синонимов ряда *пудлый, злый; нефайный, недобрый, паскудный; слабый; лихий*) с его безоценочным эквивалентом в значении ‘дикий (о яблоне)’ [5, с. 86] отсылает нас к истокам формирования общеотрицательного значения: в данном случае оно возникает как оценка дикого, бесплодного, пустого пространства и служит свидетельством реакции славян-земледельцев при расселении в горном регионе Карпат, ср. диал. слов. *řlaný* ‘злой’ (о человеке), ‘плохой’ (о воздухе, погоде), наряду с литер. ‘плохой; пустой, бесплодный’ [5, с. 86; 18, с. 113]. Источником его распространения в словацкий, чешский языки в общеоценочном значении считаются диалекты польского языка [16, с. 471], ср. польск. диал. *řlony* ‘łichy, nędzny, nieřlodny, biedny’, *řlono* ‘kiepsko, licho’ при польск. литер. *řlonny* (уст. *řlony*) ‘несбыточный; безрезультатный; бесплодный’ (синоним *řróżny* ‘пустой, напрасный’) [17, с. 302]. То есть это ареальная западно-

славянская семантическая инновация, в которую вовлечен и русинский язык ('дикий, неплодоносящий, неурожайный' → 'пустой, плохой'). Сравнение однокорневых образований русского языка — литер. *полюй* 'имеющий внутри ничем не заполненное пространство; пустой' и '(о воде, реке) вышедший из берегов' при диал. *полюй, полой* 'ничем не заслоненный, доступный взору' (олон.; 1895), 'ничем не заполненный, порожний' (волог.; 1852) [11, с. 174; 14, с. 54] — со ст.-чеш. *роло* 'полое, пустое место' [16, с. 471] позволяет определить исходное значение как 'пустое, ничем не заполненное, пространство' > 'ровная, безлесная, невозделанная земля; полонина'. С историко-культурной точки зрения оказывается, что эта лексика связана с исходным этапом расселения славян на пригодных и непригодных для земледелия пространствах. В языке славян это отразилось и в том, что наряду с русин. *планый*, польск. *plony*, рус. *полюй* и другими прилагательными, определяющими пустое, равнинное пространство и его оценку с точки зрения хозяйственной значимости, существует общеславянское родственное образование **role*, связанное в основном с обозначением земледельческой практики славян, хотя сохраняющее и отголоски старшего значения: обозначение равнинных, безлесных пространств перешло на обозначение обрабатываемой, пахотной земли, пашни, что и отражают рефлексы слав. **role*, ср. др.-рус. *поле* 'безлесная равнина; пастбище; степь' и 'обрабатываемая земля' [10, с. 114].

Из анализа становления базовой земледельческой лексики русинского языка видим вписанность ее в общую картину особенностей расселения и освоения славянами разных территорий, различающихся по рельефу и возможности хозяйственной деятельности на них.

Рассмотрим пример из другого исторического периода — периода становления морально-этической лексики в Средневековье, в период утверждения христианства. Понятие «должен» в русинском языке выражено лексемой *довжен* (*довжний*), имеющей два значения, как и в русском языке: мо-

дальное ‘должен, обязан’ и немодальное, продолжающее значение производящего — ‘(имеющий) денежный долг’, ср. русин. *довжно* ‘необходимо, нужно, следует’, *довжний* ‘винен, такой, що має борг’, ‘повинен, zobовязаний’ (*довжен изробити, довжен сто рублюв, довжити* ‘быть в долгу’). Такое выражение семантики долга отмечается не во всех славянских языках: с функционально-семантической точки зрения русинский совпадает со старославянским, древнерусским, русским, болгарским и сербохорватским языками, то есть языками *Slavia orthodoxa*. В других славянских языках (укр., блр., словен., чеш., словц., польск., лужиц.), имеющих также продолжение праслав. *dъlgъ, за этим словом сохранилось исторически исходное значение — ‘взятое/данное взаймы (о деньгах)’, а значение ‘обязан, обязанность’ выражают славянские образования с ясной внутренней формой: укр. *обов’язок, повинність*, блр. *абавязак*, чеш. *pořinnost, závazek* ‘обязательство’, с.-хорв. *обавѣзати (се)* ‘обязать(ся)’ и т.п., как и русин. *убязаный*. Заимствования в модальной лексике — *належний, слушний, мусай, мусити* — отражают тесные контакты русин с западными славянами (чехами, словаками, поляками), *валушний, гія* — с венграми [4, с. 109]. В данном случае это пример формирования понятия в русинском языке в зоне влияния, с одной стороны, православия, старославянского / церковнославянского языка и с другой — соседних, западнославянских языков.

Такой подход — помещение карпатских языков в центр «треугольника» исторических языковых связей (восточнославянские — южнославянские — западнославянские), учитывая уже известные сепаратные связи между отдельными языками, — представляется актуальным и эффективным при решении вопроса о статусе карпатских языков. История нынешних русин, расселившихся на Карпатах (в Прикарпатье и Закарпатье) и оказавшихся на перекрестке разных исторических событий между Восточной и Западной Европой, сложна и полна драматических событий, как и языковая история этих народов, а также судьба посвященных изучению русин трудов [1, с. 179—197;

7; 8; 12; 13, с. 73—97]. В целом перед историками языка стоит непростая, но важная задача выявить специфику и вклад русинского и псковско-новгородского языков в формирование восточнославянского языкового континуума и определить исторически сложную, «пеструю» картину русинского языка как форпоста восточнославянских языков на западе.

Список литературы

1. *Алимов Д. Е.* Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. №4 (50). С. 179—197.

2. *Браксаторис М., Ондрейчик М.* Гетерогенность праславянской основы словацкого языка как следствие склавинско-аварского воздействия // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. к юбилею проф. Н. Е. Ананьевой. М., 2017. С. 46—67.

3. *Гиндин Л. А., Калужская И. А.* Реконструкция карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных языковых семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков / А. С. Мельничук, Л. А. Гиндин, И. А. Калужская [и др.]. М., 1991. С. 14—35.

4. *Дронова Л. П.* Лексические средства выражения необходимости в русинском языке: ареально-исторический аспект // Русин. 2016. №3 (45). С. 107—118.

5. *Керча И.* Русинско-русский словарь : в 2 т. Свыше 58 000 слов. Ужгород, 2007. Т. 2.

6. *Орел В. Э.* К границам этимологического изучения карпатской лексики // Лексика в ОКДА. М., 1989. С. 99—104.

7. *Русины: вопросы истории и культуры.* Пряшов, 1994.

8. *Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность* // По материалам международной научно-практической конференции «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси [конец XIX — начало XXI вв.]» в г. Ростов-на Дону, 19 декабря 2008 г. Ростов н/Д, 2010.

9. *Седов В. В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

10. *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*. Т. 1—8. М., 2004.
11. *Словарь русских народных говоров*. СПб., 1995. Вып. 29.
12. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.
13. *Суляк С.Г.* О языке славяно-молдавских грамот XIV—XVII вв. (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. №4 (42). С. 73—97.
14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994. Т. 2.
15. *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев, 1985.
16. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Brno, 2001.
17. *Słownik synonimów polskich*. Warszawa, 2003.
18. *Velký slovensko-ruský slovník*. III. diel. Bratislava, 1986.

Е. М. Шептухина
(Волгоград)
sheptukhina@yandex.ru

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА XVIII ВЕКА В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

В аспекте категории модальности охарактеризованы дипломатические письма, адресантом которых был тайный советник В. Н. Татищев в бытность его астраханским губернатором и главой Калмыцкой комиссии. Выявлено, что доминирующей в них является прагматическая модальность побуждения. Показано, что она может быть выражена эксплицитными и имплицитными способами, отражающими различия в степени директивности побуждения.

Ключевые слова: история русского языка, деловая письменность, дипломатическое письмо, модальность, Татищев

Дипломатическая переписка XVIII века представляет лингвистический интерес по многим причинам. Она отражает, во-первых, формирование жанровой парадигмы дипломатических документов, во-вторых, становление формуляра дипломатического письма во всех его разновидностях, в-третьих, развитие вербального дипломатического этикета, в том числе для выражения интенций адресанта эпистолярного текста. Именно они (интенции) определяют функцию документа, которая обуславливает его модальность.

В понимании модальности мы опираемся на исследования профессора С.С. Ваулиной и ее учеников, где языковая модальность трактуется как сложная семантическая категория, включающая пропозициональную и прагматическую модальность. «Составляющими пропозициональной модальности являются объективная модальность, включающая значения ре-

альности / ирреальности (она образует ядро функционально-семантической категории модальности); и модальность ситуативная (в иной терминологии, внутрисинтаксическая, предметная), включающая значения действительности, возможности, необходимости, желательности (она выступает в качестве микрополей, формирующих периферию рассматриваемой функционально-семантической категории). В числе основных содержательных компонентов коммуникативной (прагматической) модальности находятся субъективная модальность, вопрос, побуждение» [2, с. 29].

В данной статье мы обратились к переписке тайного советника В. Н. Татищева, который с 1741 по 1744 год был астраханским губернатором и руководил Калмыцкой комиссией при Коллегии иностранных дел. Материалом для изучения избранными документами фонда «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе, г. Астрахань» бюджетного учреждения республики Калмыкия «Национальный архив» (НАКР. Ф. 36. Оп. 1). Фонд включает 423 дела (1713—1773). Для работы отобрано дело 141, которое содержит исходящие документы, датированные 1742 годом (всего 520 листов). Большинство этих документов — деловая переписка В. Н. Татищева, которая представлена документами двух групп: 1) официальные письма, адресованные высокопоставленным лицам, выполнявшим на управляемой губернатором территории различные поручения центральной власти, комендантам волжских городов и крепостей и другим военным и гражданским лицам, обеспечивавшим деятельность Комиссии и губернских учреждений (о модальности писем этой группы см. в наших предыдущих работах [9]); 2) письма дипломатического характера, адресованные наместнику Калмыцкого ханства, калмыцким, киргиз-кайсацким, татарским, кабардинским владельцам, салтанаульским (ногайским) мурзам и др.; на модальной характеристике этих писем мы и сосредоточим свое внимание. Отметим, что в строгом смысле слова не все из этих писем являются дипломатическими, поскольку Калмыцкое ханство,

Младший жуз Казахского ханства уже входили в состав Российской империи. Однако эти этнополитические образования имели традиционную систему организации и вели самостоятельную внешнюю политику (см., напр.: [8]), поэтому письменное взаимодействие с ними имело черты дипломатической переписки.

Тематика анализируемых писем обусловлена ситуацией на юге Российской империи в начале 40-х годов XVIII века: В. Н. Татищев стремился предотвратить борьбу калмыцких владельцев за ханский престол, поддерживать мирное сосуществование соседних народов, развивать с ними экономические связи и т. д. (подробно об этом см.: [1; 5; 6]). Следовательно, основной функцией (целью) составленных тайным советником писем была функция регулирования, определявшая в качестве доминирующей прагматическую модальность побуждения адресата к выполнению нужных адресанту действий или значимому бездействию, сохранению или изменению существующего положения дел. Интенции адресанта обуславливают вербальные средства, которые он применяет для реализации своего замысла. Однако специфика дипломатического взаимодействия, которая проявляется прежде всего в дипломатическом этикете [7; 10], накладывает ограничения на выбор речевых средств выражения интенций адресанта, в том числе побуждения, связанного с волеизъявлением адресанта. В дипломатических письмах В. Н. Татищева побудительная модальность выражена разными способами: от эксплицитных, основанных на использовании регулярных средств реализации побудительности, до имплицитных, основанных на возможности интерпретации того или иного высказывания как стимула к совершению действия. Проиллюстрируем сказанное примерами из анализируемых писем.

Побуждение адресата к совершению желаемых для адресанта действий может быть представлено как предписание и выражено кратким страдательным причастием от глагола

с семантикой волеизъявления в сочетании с инфинитивом или независимым инфинитивом (примеры приводятся в упрощенной графике):

(1) Крещеных калмык всех по указу Ея имп. вел. [сокращено в тексте] **повелено** отсюда **вывести** а которые некрещеные лживо себя называют крещеными таковых по явному свидетельству наказавъ **возвратить** в прежние улусы (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 39);

(2) Калмыки что без надзирания у русских и татарь крадутъ оное весма худо и для того по вашему разсуждению владельцомъ комуждо своего улуса калмыкъ **разобрать** и над ними зайсанговъ сотниковъ и десятниковъ **определить**... (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 39).

Прямое предписание встречается только в письмах, адресованных наместнику Дундук-Даши, видимо, потому, что непосредственное управление Калмыцким ханством осуществлял астраханский губернатор и глава Калмыцкой комиссии, и оно постепенно встраивалось в административную систему российского государства. Однако и в этих письмах подчиняющее волеизъявление, как правило, смягчается, например, указанием на то, что окончательное решение принимает адресат письма (*по вашему разсуждению*), чего не наблюдается в деловых письмах, адресованных высокопоставленным лицам, выполнявшим на управляемой В.Н. Татищевым территории различные поручения центральной власти, комендантам волжских городов и крепостей и другим военным и гражданским лицам, обеспечивавшим деятельность Комиссии и губернских учреждений (см. об этом: [9]).

Побуждение может быть представлено как предписание, которое выражено сочетанием императива *извольте* и инфинитива глагола, обозначающего предписанное к исполнению действие. Подобное сочетание представляет собой формулу вежливости [3, с. 35—36; 7, с. 8]:

(3) а если вамъ что-либо казатся будеть, то **изволте писать** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 43);

(4) того ради оных ваших посланцовъ если вы не замешкаете, то **изволте прислать** суда (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 75 об.).

Этикетная формула, отчасти снижая категоричность предписания, сближает его с просьбой, однако при этом актуализируется соответствие предписанного действия высочайшим распоряжениям, а потому и необходимость его выполнения:

(5) а вы никакимъ деиствомъ в то **вступать не изволте** какъ и всемилостивейшею Ея импер. вел. [сокращено в тексте] грамотою повелено (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 43).

Значительное количество контекстов содержит побуждение, выраженное в мягкой форме или имплицитно. Так, смягченное побуждение эксплицируется глаголами речевой деятельности *советовать* в перформативном употреблении:

(6) а что после за его безпутные поступки онъ убить дундукъ даше вамъ мстить и злится причинъ нетъ и онъ с вами дружбу иметь по прежнему не отрицается если токмо вы о томъ к нему пришлете в чемъ и я для спокоиства обсчего вамъ **советую** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42 об.).

Совет оставляет адресату возможность выбора, предполагает необязательность совершения действия, поэтому адресант мотивирует его целесообразность (*для спокоиства обсчего*), стараясь решить проблему на основе уважительного отношения ко всем заинтересованным сторонам.

В большинстве же исследуемых писем В. Н. Татищева побуждение имплицитно, оно вытекает из содержания высказывания. Как показано Л. В. Колобковой, исследовавшей эпистолярные тексты XVII — начала XVIII века, выражение воле-

изъявления «наиболее часто сопровождается обращением говорящего / пишущего к широкой сфере эмоциональной и качественной оценки, через призму которой описывается насущное положение дел, требующее, с точки зрения говорящего, изменения или сохранения» [4, с. 288]. Это утверждение справедливо и для анализируемых нами писем.

Например, в письме кабардинскому князю Магомеду Кургокину с братьями от 20 января 1742 года читаем:

(7) Ваше письмо к кизлярскому воеводе я получил немало удивился что вы пишете якобы для давной съсоры а особливо за убивство вами Бахти Гирея с Дундукъ Дашею помирится не можете, о которомъ я Дундукъ Даше обявляъ и онъ сказалъ что с Бахти Гиреем онъ дружбу имель по представлению тогда кабардинскихъ владельцев в котором и вы сами участник были (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42 об.).

В письме ханше Джан от 19 января 1742 года В. Н. Татищев пишет:

(8) С великим удивлениемъ невероное я известие через приехавших от васъ калмыкъ получилъ якобы вы намерены в кабарду съ улусами откочевать, которому я не могу верить (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 42).

Оба контекста (7 и 8), на наш взгляд, содержат побуждение. Во-первых, они представляют ситуацию через ее эмоциональное восприятие адресантом: использованы лексические единицы, передающие интенсивную эмоцию удивления (*немало удивился, с великим удивлениемъ*). Во-вторых, подвергается сомнению достоверность полученных сведений: использованы изъяснительный союз *якобы*, прилагательное *невероятный* (= невозможный, неправдоподобный), модальный глагол с отрицанием, выражающий невозможность (*не могу верить*). Указанные средства в совокупности формируют контекст, который можно трактовать как побуждение адресата

к изменению ситуации, к совершению желательных для адресанта действий: в одном случае это примирение с соседями, в другом — отмена решения о кочевье.

В письмах тайного советника В. Н. Татищева способом побуждения адресата к совершению желаемых для адресанта действий, изменению / сохранению ситуации является выражение адресантом положительной или отрицательной оценки поведения адресата, его намерений, существующего положения дел. Например:

(9) С приехавшимъ посланцомъ от Дженьбекъ Батрякаемъ вашъ посланецъ Джулдубай Давлетбаевъ здесь явился и при том доносил что вы с калмыцкимъ народомъ желаете быть в согласии и для того пришлете посланцовъ за что васъ весма **похваляю** (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 141. Л. 76).

Положительная оценка, выраженная глаголом речевой деятельности *похвалять*, усиленная наречием *весма*, может служить стимулом к продолжению действий адресата, направленных на создание условий для разрешения существующих противоречий между калмыками и киргиз-кайсаками.

Таким образом, в исследуемых деловых письмах, обеспечивающих дипломатическую коммуникацию, свойственная им функция регулирования обуславливает реализацию прагматической модальности побуждения, которая может быть выражена эксплицитными и имплицитными способами. Связанные с необходимостью соблюдения дипломатического этикета ограничения на выбор речевых средств приводят к снижению директивности побуждения: от регулярного смягчения при его эксплицитном выражении до минимизации вплоть до полного отсутствия при имплицитном выражении.

Анализ деловых бумаг в аспекте категории модальности, рассмотрение специфики ее реализации в условиях дипломатического общения расширит сложившиеся в науке представления о закономерностях порождения делового письма в целом и об обусловленных экстралингвистическими факторами возможностях разноуровневых языковых средств выражать интенции адресанта — в частности.

Список литературы

1. Батмаев М.М., Кольцов П.М., Мургаев С.М., Умгаев С.А. В.Н. Татищев и вопросы улучшения экономического положения калмыцкого народа // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, №5. С. 910—918.
2. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // *Модальность как семантическая универсалия* : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25—34.
3. Горбань О.А., Крамарова Т.В. Формулы речевого этикета в документах учреждений юга России XVIII века // *Восьмые Моисеевские чтения* : материалы междунар. науч. конф. студентов и преподавателей, посвященной памяти Бориса Александровича Моисеева. Оренбург, 22 ноября 2023 г. Оренбург, 2024. С. 32—37.
4. Колобкова Л.В. Имплицитное волеизъявление: неочевидное — вероятное // *Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению* : сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной. Калининград, 2008. С. 285—292.
5. Сусеева Д.А. В.Н. Татищев как глава Калмыцкой комиссии // *Восточный архив*. 2018. №1 (37). С. 4—7.
6. Торопыцын И.В., Сусеева Д.А., Кундакбаева Ж.Б. «Повелено мне киргиз кайсацкой народ с калмыцким примирить, чтоб оные оба народы между собою жили в согласии». К деятельности В.Н. Татищева на посту руководителя Калмыцкой комиссии. Первая половина 1740-х гг. // *Вестник архивиста*. 2020. №2. С. 343—354.
7. Удалых Г.Д. Дипломатическое письмо и его разновидности // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2: Языкознание. 2007. Вып. 6. С. 7—13.
8. Цюрюмов А.В., Куратов А.А. Эволюция политического статуса Калмыцкого ханства в составе России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2021. №1 (66). С. 9—15.
9. Шептухина Е.М. Деловые письма В.Н. Татищева в жанровом аспекте (на материале документов национального архива республики Калмыкия) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2: Языкознание. 2024. Т. 23, №6. С. 125—140.
10. Ярмаркина Г.М. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714—1715 гг.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, №5. С. 1102—1110.

М. В. Косова
(Волгоград)
kosowa@mail.ru

МОДАЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМОСТИ И ДОЛЖЕНСТVOВАНИЯ В ТЕКСТЕ РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ДОКУМЕНТА

Рассматриваются виды регламентирующих документов, выполняющих общую функцию регулирования, но реализующих разные интенции адресанта: директивную и разъяснения. Установлено, что модальность долженствования объективирует директивную интенцию, модальность необходимости — интенцию разъяснения. Характеризуются лексико-грамматические средства языка, репрезентирующие названные модальные значения в тексте документа. Показана текстообразующая роль категории модальности.

Ключевые слова: деловая коммуникация, регламентирующий текст, категория модальности, ситуативная модальность, модальные значения необходимости и долженствования

Модальность — одна из универсальных семантических категорий в языке. Ей посвящено немало научных трудов, и в первую очередь это труды профессора С.С. Ваулиной и ее учеников. Между тем многие аспекты этой категории остаются недостаточно изученными и продолжают вызывать исследовательский интерес, в их числе — специфика модальной организации документного текста.

Современная деловая коммуникация приобрела новые формы. Использование IT-технологий как канала передачи информации, расширение сферы делового общения, усиление ориентированности на адресата — эти и другие факторы привели к внедрению в делопроизводственную практику электронных документов, динамике документных систем, появле-

нию новых «документных объектов», к преобразованию жанровой структуры документных текстов, их стилевой неоднородности. Все это «делает необходимым иное осмысление феномена официально-деловой коммуникации, ее основополагающих категорий, системных свойств» [5, с. 269], ставит перед лингвистикой задачи научной оценки документа, его жанрово-видовых особенностей, типологии документов, организации документных систем и др.

В свете вышесказанного целесообразным представляется обращение к категории модальности как одной из наиболее значимых для документного текста.

В качестве исходных для анализа этой категории примем теоретические положения, сформулированные в работах профессора С. С. Ваулиной. Основными структурно-содержательными компонентами модальности как сложной семантической категории являются пропозициональная и коммуникативная (прагматическая) модальность. Пропозициональная модальность фиксирует факты, события внеязыковой действительности и ее основные свойства, коммуникативная (прагматическая) преломляет эти факты в сознании говорящего, констатирует важные для слушателя параметры ситуации общения — цель сообщения, его достоверность и пр. [2, с. 8]. В состав пропозициональной модальности входят модальность объективная, включающая значений реальности / ирреальности, и ситуативная, включающая значения действительности, возможности, необходимости, желательности [3, с. 29].

В документных текстах представлен широкий диапазон значений модальности, но чаще всего отмечаются два вида ситуативной модальности — семантически емкие, пересекающиеся микрополя необходимости и долженствования. Их смысловая емкость становится очевидной прежде всего в тексте, где «стройность и четкость дифференциальных модальных значений утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересекаемость и взаимодействие» [1, с. 134]. Однако необходимость и долженствование, безусловно, имеют

свою собственную семантику, актуализация которой в тексте связана с его функцией. Различия данных значений модальности отчетливо проявляются в документном тексте.

Обратимся к одной из подсистем управленческих документов, использующихся в различных сферах деловой деятельности, — к регламентирующим документам. Эта подсистема включает документы разных видов: регламент, кодекс, инструкцию, порядок, правила, положения, методические рекомендации и др., которые объединяет общая функция регулирования — они предназначены для установления порядка каких-либо действий адресата или функционирования организации.

Наблюдения над видами регламентирующих документов показывают неодинаковую реализацию в них функции регулирования, что обусловлено интенцией адресанта, его коммуникативной целью. Так, можно выделить две разновидности регламентирующих документов: 1) документы, реализующие *директивную* интенцию (директива — обязательное для исполнения руководящее указание вышестоящего органа), например кодекс, положение, правила, регламент, порядок и др.; 2) документы, реализующие интенцию *разъяснения* (разъяснить — сделать ясным, понятным, объяснив что-либо), например руководство пользователя, методические рекомендации, инструкция и др. Речевая организация текста объективирует интенцию адресанта и вместе с ней функцию документа разными средствами — это единицы языка и категории, в том числе и категория модальности.

Рассмотрим семантику необходимости и долженствования на материале текстов двух видов регламентирующих документов, реализующих разные интенции адресанта: этического кодекса [7] и руководства пользователя [4].

1. Регламентирующий документ, выражающий директивную интенцию.

Этический кодекс — документ, который содержит систему правил или этических принципов, управляющих поведением

членов определенного сообщества (социальной, профессиональной или этнической группы) и выражающих понимание достойного поведения в соответствии с этическими принципами, моралью данного сообщества.

Модальность **необходимости** в тексте этого документа практически не представлена: отмечен только один случай употребления, в котором данная семантика эксплицирована сочетанием безличного глагола *следует* с зависимым инфинитивом: *При выполнении должностных обязанностей работникам **следует исходить** из конституционного положения о том, что человек, его права и свободы является высшей ценностью.*

Основным модальным значением в тексте рассматриваемого документа является **долженствование**, вербализацией которого служат выступающие в роли сказуемого следующие единицы:

— краткое прилагательное **должен** + **инфинитив**: *Каждый работник **должен выполнять** нормы данного Кодекса;*

— краткое прилагательное **обязан** + **инфинитив**: *Работники **обязаны знать и соблюдать** настоящий Кодекс;*

— краткое прилагательное **обязательны**: *Положения данного Кодекса **обязательны** для соблюдения всеми работниками;*

— устойчивое глагольное словосочетание **иметь право / не иметь права** + **инфинитив**: *Работники университета **имеют право: вносить** предложения, **обращаться** в комиссию...; **не имеют права унижать** личное достоинство коллег.*

Указанные средства выражения модальности используются в составе простых действительных синтаксических конструкций.

2. Регламентирующий документ, реализующий интенцию разъяснения.

Руководство пользователя — регламентирующий документ, предназначенный для разъяснения адресату (пользователю компьютерной программой) алгоритма необходимых действий.

Основным видом модальности в тексте этого документа является модальность **необходимости**; однако отметим, что необходимость здесь близка к семантике информирования и даже совета.

В качестве экспликаторов семантики необходимости в тексте руководства используются:

— предикативное наречие **необходимо** + **инфинитив**: *Для редактирования информации в разделе курса **необходимо перейти** в Режим редактирования;*

— предикативное наречие **достаточно** + **инфинитив**: *Для загрузки файлов **достаточно перейти** в Режим редактирования и добавить контент в раздел Содержимое, для чего **достаточно выделить** файлы с материалами в Вашей папке на компьютере и перетащить их в область загрузки;*

— предикативное наречие **надо** + **инфинитив**: *Для того чтобы восстановить или скопировать существующий курс, **надо перейти** в курс-реципиент;*

— безличный глагол **следует** + **инфинитив**: *При успешном создании резервной копии **следует нажать** кнопку Продолжить;*

— безличный глагол **не рекомендуется** + **инфинитив**: ***Вносить изменения** в раздел Оценка качества и его содержимое **не рекомендуется**.*

Функция регулирования, характерная для руководства пользователя и соответствующая интенции адресанта — разработчика программного продукта, определяет задачу «использовать в тексте документа разнообразные ресурсы языка, что способствует обстоятельному, подробному и доступному для адресата представлению информации о работе в электронной системе» [6, с. 100]. Такими средствами являются, например, наречия и предлоги, которые включаются в состав синтаксических конструкций.

Интенция разъяснения, выраженная сочетаниями модальных слов с инфинитивом, поддерживается в контексте наречием **обязательно**, усиливающим семантику необходимости в рамках односоставных инфинитивных предложений: *Откро-*

*ется форма добавления новой гиперссылки, где следует обязательно заполнить Название и Адрес (URL), или прилагательным **обязательный** в роли предиката **обязательным** является: **Обязательным** для заполнения является поле Содержание страницы.*

Средством, поддерживающим разъяснение необходимости действия, служат предлоги, например предлог для со значением цели: *Для просмотра содержимого дисциплины в СДО... необходимо выбрать ее в списке*; предлог после со значением последовательности действий: *После заполнения необходимо нажать на кнопку Сохранить и вернуться к курсу.*

Используются также сложные предложения с придаточными цели, поясняющие, что необходимо сделать для достижения определенной цели: *Для того чтобы восстановить или скопировать существующий курс (видео резервной копии) в другой курс, надо перейти в курс-реципиент. Чтобы скопировать материалы из сохраненного ранее на Вашем компьютере файла, следует выбрать файл, используя кнопку Выберите файл.*

Отмечены и синтаксические конструкции с независимым инфинитивом: *Поле Название секции **оставить** без изменений.*

Модальность долженствования в тексте руководства представлена единичным случаем и близка к семантике информирования: она эксплицирована кратким прилагательным *должен* в сочетании с зависимым инфинитивом, однако здесь эта семантика близка скорее к информированию: *В разделе Наука **должны содержаться ссылки** на научные статьи и материалы, размещенные в разделе «Публикации» личных страниц преподавателей.*

Таким образом, как показывают наблюдения, тексты регламентирующих документов характеризуются ситуативной модальностью необходимости и долженствования, что связано с их общей функцией регулирования. Реализация модальных значений в документах разных видов, входящих в эту систему, обусловлена интенцией адресанта: директивная интенция актуализирует модальность долженствования, тогда как интен-

ция разъяснения — модальность необходимости. Изучение категории модальности, ее семантики и средств реализации в документных текстах позволяет выявить их жанрово-видовые особенности, систематизировать представления о роли модальности как текстообразующей категории.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Куксы. Калининград, 2010. С. 133—142.
2. *Ваулина С. С.* Модальность как научный феномен // Категория модальности в речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Куксы. Калининград, 2016. С. 6—9.
3. *Ваулина С. С., Кукса И. Ю.* Модальность предложения — модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 25—34.
4. *Руководство* пользователя сервиса «Личный кабинет студента» электронной информационно-образовательной среды Волгоградского государственного университета. 2019. URL: <https://lk.volsu.ru/files/Guid.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).
5. *Сологуб О. П.* Изучение официально-деловой речи: прошлое, настоящее, будущее // Медиалингвистика, 2013. № S1. С. 260—270.
6. *Шентухин М. К.* Способы и средства объективации интенции разъяснения в регламентирующем тексте // Девятые Моисеевские чтения : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти Бориса Александровича Моисеева. Оренбург, 22 ноября 2024 г. Оренбург, 2025. С. 99—103.
7. *Этический кодекс* работника ВолГУ. URL: <https://volsu.ru/upload/medialibrary/147/Этический%20кодекс%2022.05.2017.pdf> (дата обращения: 20.04.2025).

Н. А. Суворова
(Калининград)
nsuvorova@kantiana.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ЭКСПЛИКАТОРОВ
МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

На материале памятников деловой письменности разных жанров второй половины XVII — начала XVIII века рассматриваются особенности фразеологической экспликации модальной семантики возможности. Разная степень семантической слитности слов, раздельность компонентов фразеологизма, грамматическая динамичность являются условиями особого выражения модального значения возможности. Фразеологизмы определяются как функциональные, стилевые и этикетные маркеры письменности делового содержания.

Ключевые слова: деловая письменность, фразеологизмы, формулы, фразеологические сочетания, модальная семантика возможности, «сложная» модальность, социальный и культурный маркеры

Фразеологизмы русского языка в научном представлении определены как культурный код русской картины мира. В наблюдениях над функционированием фразеологизмов в жанрах деловой письменности, относящихся к разным периодам становления национального русского языка, обнаруживается их культурная и социальная маркированность. Например, в текстах челобитных второй половины XVII— начала XVIII века таким маркером выступают формулы [4, с. 14]. Выражение просьбы с помощью формул как текстообразующих клише в части формуляра челобитной представлено сквозь призму отношений адресанта и адресата, носящих устойчивый характер

[5, с. 22]. Содержание этих отношений проявляется в оппозиции состояний невозможности адресанта и возможности адресата, при этом каузация модальной семантики определена пишущим с помощью формул, относимым к несобственно модальным модификаторам [3, с. 24]. Однако их внутренняя форма включает детерминацию частного значения внутренней невозможности, испытываемой адресантом как просящим лицом, и деонтической (внешней) возможности, которой наделялся адресат челобитной, и регулярно на основе причинно-следственных связей воссоздает социально обусловленные ситуации невозможности в жизни крестьян и ситуацию возможности царя или вельможи, обладающего властью. Оппозиция семантики невозможности / возможности, выраженная в результате функционирования формул челобитной, приобретает главенствующий характер: она определяет причину обращения просящего как ключевой смыслообразующий компонент текста, отсылает к репрезентации социально значимых характерных ситуаций в жизненном укладе людей, живших во второй половине XVII — начале XVIII века, выступает жанрообразующим средством челобитной и формирует письменную деловую культуру названного периода:

Царю. государю... бьють челомъ сироты твои Руженя, посадские людишка, старостишко Ивашко Тимоофевъ ...а мы тое Съзжую избу стережемъ многіе люди другой годъ, и отъ той государеви сторожи мы, бѣдные **въ конецъ погибли**. ...и по тѣмъ отпискамъ твоего указу не бывало, а мы отъ той сторожи **въ конецъ погибли**....Милосердый государь, царь..., пожалуй насъ, вели тое Съзжую избу распечатать съ посадскими и съ уѣздными всякихъ чиновъ людьми и дѣла воеводѣ Игнатью Захряпину принять, а нас отъ сторожи освободить, и о томъ намъ дать в Рузу къ воеводѣ свою грамоту, чтобъ намъ беднымъ, и впредь отъ той сторожи **въ конецъ не погнбнуть!** [1, с. 190—191].

В то же время фразеологизмы представлены в деловом языке второй половины XVII — начала XVIII века не только фор-

мулами, но и фразеологическими сочетаниями, идиомами. Разная степень семантической слитности компонентов-слов во фразеологизмах влияет на степень проявления внутренней формы фразеологизма, а значит, по-разному позволяет выстраивать предметную ситуацию возможности или невозможности, в структуре которой детерминирующий фактор является каузатором модальной предметной ситуации.

Детерминация фразеологической семантики возможности / невозможности с помощью формул приобретает характер прямой обусловленности, когда содержание образа является проекцией на реальную или мыслимую ситуацию, создаваемую в силу культурного и религиозного убеждения, зафиксированного в сознании носителя языка. Так, формула *какъ тебѣ о насъ) Богъ извѣститъ* писалась в челобитных и была связана с представлением, что царь, государь, — наместник Бога. Структурирование потенциальной ситуации возможности восходило к условию, не зависящему от воли государя как субъекта предметной ситуации возможности, поскольку, согласно содержанию формулы, именно Бог наделял человека возможностью. Таким образом обнаруживается культурно-религиозная манифестация деонтической возможности государя. На пример:

...пожалуй насъ бѣдныхъ и до конца розоренныхъ за наши многія службишки и для нашей бѣдности хлѣбного недороду своимъ денежнымъ жалованьемъ, **какъ тебѣ о насъ Богъ извѣститъ**, и противъ бѣлогородскихъ и яблоновскихъ станичниковъ. Чтобъ намъ будучи на твоихъ службахъ въ конецъ не погибнуть и твоей службы не отбыть и розно бы не розбресться [1, с. 158].

Обратим внимание, что семантическая слитность компонентов формулы могла проявляться в разной степени, в зависимости от контекста, наличия рядом формул-синонимов, которые варьировали детерминированность модальной семантики возможности. Это приводило к «оживлению» предметной

ситуации возможности, представленной во внутреннем образе формулы. Динамика внутреннего образа возникала в связи с раздельнооформленностью формул, пишущий деловой текст подвергал формулу грамматической изменчивости. Актуализация внутренней формы при функционировании в разных структурно-семантических предикатах могла приводить к выражению двух модальных значений. Отношения между модальными значениями носили характер подчинения: грамматическая модальность «подавляла» лексико-семантический детерминант предметной модальной ситуации, которой была характерна имплицитность или полное замещение грамматической модальностью. Наблюдаемая модальность может быть определена как «сложная» модальность. Например, в ранее приведенном тексте: «...пожалуй насъ бѣдныхъ и до конца розоренныхъ за наши многія службишки и для нашей бѣдности хлѣбного недороду своимъ денежнымъ жалованьемъ... **Чтобъ намъ** будучи на твоихъ службахъ **въ конецъ не погибнуть** и **твоей службы не отбыть** и **розно бы не розбрестся**» [1, с. 158] — грамматика придаточного предложения цели выражена инфинитивной конструкцией формул челобитных, которые реализуют модальную семантику желательности, при этом на основе отрицания семантики невозможности формируется положительная семантика возможности в подчинении желательности — «хотим мочь».

Фразеологические сочетания иначе выражают «сложную» модальность. *Долженствование* и *возможность* могут быть репрезентированы посредством ФС как две самостоятельные модальные семы и обнаруживаются на примере функционирования сочетания *(не) (быти) в воле*. Главенство глагольного компонента в аналитической грамматике фразеологического сочетания определяет его способность формировать разные типы предиката предложения-высказывания. Инфинитивные, индикативные, императивные предикаты фразеологического сочетания *(не) (быти) в воле* реализуют семантику долженствования в законодательных документах.

Структура предметной ситуации *долженствования* выявляется при обнаружении глагольного управления существительным в дательном падеже, номинирующим субъекта предметной ситуации, детерминантом которой является воля государя. Десемантизация глагола фразеологического сочетания является условием реализации семантики предложно-падежной конструкции *в воле*. На основе ее функционирования в предикате структурируется предметная ситуация *возможности*, субъект которой назван зависимой формой имени существительного, согласованной с именным компонентом *воля*. Таким образом, обозначение субъектов предметной ситуации *долженствования* и *возможности* благодаря аналитической грамматике фразеологического сочетания создается разными именами, вступающими в синтагматические связи как с глаголом, так и с именным компонентом *воля*.

Экспликация модальной семантики *долженствования* и *возможности* фразеологическим сочетанием *(не) (быти) в воле* объясняется тем, что согласно речевой установке говорящий, осознавая свой долг, накладывал на себя обязательства по отношению к государю, в воле которого эти обязательства находились. Ср.: «...ты, гетманъ, клятвы подносишь на всемъ на томъ, что бытии тебѣ въ воли и въ послушаньѣ у великого государя нашего» [2, с. 150] = гетман обязан, а государь может; «...гетманъ Иванъ Выговской присягалъ на томъ на всемъ, что ему, гетману, великому государю нашему царю... служити и прямити и всякого добра хотѣти и быти во всей его государственой воли» [2, с. 159] = гетман обязан, а государь может. Разносубъектные предметные ситуации *долженствования* и *возможности* выражаются и другими ФС: А после сказаль, что гетманъ присягалъ королю, что ему быть у короля въ подданстве попрежнему, и для де того къ королю гетман посылаетъ пословъ своихъ [2, с. 166] = гетман обязан, а король может.

Таким образом, структурирование разносубъектных потенциальных ситуаций *возможности* и *долженствования* в

предикации фразеологическим сочетанием дает возможность заметить их наложение: долженствующий характер отношений подчинен главенствующей возможности. Но если модальные ситуации определены относительно одного субъекта, грамматически обусловленная семантика долженствования «накладывается» на лексемно каузированную семантику возможности.

Модальная семантика фразеологизмов как выразителей потенциальной ситуации возможности / невозможности и связанных с ней модальных значений в текстах деловой письменности второй половины XVII — начала XVIII века имеет полифункциональную направленность на уровне как его лексико-грамматического оформления, так и стилистической и коммуникативной ролей в тексте. Так, репрезентированная формулами челобитных ситуация невозможности могла быть представлена весьма эмоционально в контексте концентрации однородных формул, варьирующих каузацию предметной ситуации возможности. Экспрессивность такого контекста делает модальную семантику возможности более воздействующей, чем контекст с одной формулой-экспликатором. Маркирование фразеологизмом социальных отношений согласно принятым нормам общения определяет *этикетную* функцию. Применительно к установленному жанру делового документа фразеологическая экспликация возможности имеет разноаспектную маркированность, окрашенную стилистически. Так как стилистическая специфика отмечается практически у всех проанализированных фразеологизмов, не остается сомнений в их участии в формировании стилей русского литературного языка во второй половине XVII — начале XVIII века.

Исследование функционирования фразеологических средств выражения модального значения возможности в деловом языке второй половины XVII — начала XVIII века представляет безусловный интерес с точки зрения функциональной грамматики, прагматики, фразеологии и когнитивного подхода к изучению языка. Эксплицируемое ими многообразие частных ва-

риантов значения возможности позволяет не только составить более полное представление о содержательном объеме трех разновидностей описываемого значения (*внутренней, внешней (недеонтической) и деонтической*), но и расширить знание о сущности этого модального состояния, становление и развитие которого обнаруживается в наблюдении над предметной ситуацией возможности. Фразеологизмы, будучи компонентным лексико-грамматическим комплексом, в функции предиката обнаруживают способность выражать два модальных значения. Синтагматические связи фразеологизма лежат в основе структурирования предметных модальных ситуаций выражаемых модальных значений.

Список литературы

1. *Акты* Московского государства, изданные Императорской академиею наук / под ред. Д. Я. Самоквасова. СПб., 1901. Т. III.
2. *Акты*, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1863. Т. IV.
3. *Ваулина С. С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1988.
4. *Ваулина С. С., Суворова Н. А.* Оппозиция модальных значений в формулах челобитных как отражение письменной деловой культуры в русском языке второй половины XVII — начала XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. №3. С. 14—21.
5. *Кортава Т. В.* Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998.

МОДАЛЬНОСТЬ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

Т. В. Шмелева

(Великий Новгород)

tatyana.shmeleva@novsu.ru

ИРРЕАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В АВТОРСКОМ НАЧАЛЕ МЕДИАТЕКСТА

Проблема ирреальной модальности рассматривается на материале медиажанра авторской колонки в рамках грамматики текста и его важнейшей составляющей — авторского начала. Текстocентричный подход позволяет продемонстрировать, как ирреальная модальность выступает одной из линий авторских квалификаций, обеспечивая полифонию текста. Выявляется общий состав грамматических и лексических средств, репрезентирующих модальность ирреальности в избранном медиажанре.

Ключевые слова: медиалингвистика, авторская колонка, ирреальная модальность, полифония медиатекста

Проблема, к которой привлекается внимание в настоящей работе, относится к грамматике текста, составляющими которой, как было показано в научной [6] и учебной литературе [7], оказываются тематическая основа, рематический сюжет и авторское начало. В состав последнего входит ряд смысловых категорий, в том числе и модальные оценки. Обращаясь к одному из их видов, обозначенных здесь как ирреальная модальность, можно увидеть их проявления в медиатекстах.

Внимание лингвистов к модальности в текстах массовой коммуникации — одна из традиций ее изучения, что подчеркивала С. С. Ваулина, приводя примеры диссертаций, защищенных в Калининграде [3, с. 13]. При этом понятно, что модальность такого текста во многом определяется интенцией соответствующего жанра; так, побудительная интенция рекламы «задает» императивную модальность ее текстов, что не исключает, как показано в работе Ю. В. Гапоновой, проявление модальности необходимости и возможности [3, с. 13].

В настоящей работе речь пойдет о медиажанре, который получил наименование «авторская колонка». Он пользуется заметным вниманием лингвистов, о чем говорит число публикаций в РИНЦ — 77 — и их библиографические списки [2]. При всей дискуссионности представлений о жанровой природе колонки большинство исследователей сходится в том, что ее главная черта — персонализированная точка зрения автора и свобода в ее выражении [Там же].

Что касается ирреальной модальности, на изучение которой было направлено наше внимание, она включает в себя не только случаи, когда используется техника сослагательного наклонения типа *Другой бы спорил*, но и все модальные оценки, которые включают ирреальность в пресуппозицию, обозначая различные повороты оцениваемого события к осуществленности — возможность, желательность, опасение, необходимость, долженствование, вынужденность и т. п. Такое общее представление об этом круге модальных значений было сформулировано автором много лет назад и одобрительно, как нам представляется, процитировано А. В. Бондарко [5, с. 77—78]. Вышеуказанное понимание объема ирреальной модальности может быть принято за исходное в обсуждении поставленной проблемы.

Саму же проблему можно сформулировать следующим образом. По отношению к авторской колонке важно выявить, каково место ирреальной модальности в ее авторском начале и какими языковыми техниками для ее выражения воспользо-

вался автор. Неочевидность проблемы заключается в том, что ирреальная модальность как бы не согласуется с тем, что автор колонки рассуждает и оценивает факты реальной действительности. Иначе говоря, зачем ему ирреальная модальность? Стоит сказать, что подобные вопросы обсуждаются лингвистами; так, в статье [4] ирреальная модальность рассматривается как прием воздействия на читателя психологической литературы; в другой работе предложения с ирреальной модальностью рассматриваются в евангельских текстах [1]. Насколько можно судить по публикациям, включенным в РИНЦ, по отношению к авторской колонке проблема, однако, не рассматривалась.

Анализ материала, в качестве которого послужили тексты рубрики «Мнения. Авторы» издания «Газета.ру» (<https://www.gazeta.ru/comments/column/>), опубликованные в мае — июне 2025 года, позволил отметить следующее.

Прежде всего нельзя не заметить, что конструкции с ирреальной модальностью встречаются в заголовках авторских колонок. Именно так выглядят колонки З. Лобановой «Они же дети или взрослые? Когда **пора** отпускать ребенка в клуб» (<https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/21181820.shtml>); А. Мироновой «**Может**, убьют, **а может, и не убьют**: почему дети просятся в детдом» (<https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/21161036.shtml>); О. Климахиной «**Почему нельзя отменять ЕГЭ**. Отупляет и пугает до истерики — в чем неправы противники ЕГЭ» (<https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/21054980.shtml>); М. Ярдаевой «Квартиры **не могут** доставаться даром: что не так с рынком недвижимости в России» (<https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/21196736.shtml>). Примеры, разумеется, можно приводить еще. Отмечу только, что в подобных заголовках можно встретить модельные показатели *нельзя, пора, стоит, способен, надо, пытаться, хотеть* и др. Этот небольшой корпус заголовков позволяет заключить, что рассуждать о событиях действительности невозможно, не обращаясь к их своевременности, необходимости и

невозможности, к желаниям и способностям участников событий. Иначе говоря, ирреальная модальность помогает высветить необходимые для рассуждений автора аспекты оцениваемых событий, явлений, персон, чем и объясняется актуальность ирреальной модальности для авторских колонок. Более того, такие модальные смыслы становятся ключевыми для этих текстов. Наблюдения над ними показывают, что список ирреальных модальностей, востребованных в авторских колонках, стоит расширить.

Показательна в этом отношении авторская колонка З. Лобанова «Онижедети или взрослые? Когда пора отпускать ребенка в клуб» (09.06.2025). Содержание текста сосредоточено вокруг оценки одной ситуации, описывающей поведение родителей взрослых детей. Здесь реальная модальность ситуации («выпускники школ и их родители повисли между мирами») противопоставляется серии воображаемых — вызывающих опасения, необходимых и желательных: «**Мало ли** кто напьется»; «Родители **нужны** подросткам, чтобы поймать их, подхватить, когда сложно»; «...жизнь все поправит. И часто совсем не так, как **хотим мы**». Обсуждаемая в колонке ситуация «отцы и дети» оказывается на перекрестке модальных оценок — опасения, необходимости, желания, а вывод автора заключается в утверждении необходимости своевременного изменения отношения родителей к детям. Таким образом, «пучок» модальностей приводит автора к финальной модальной оценке.

Кроме того, нельзя не заметить функционирования в тексте модальности кажимости, но она относится не к обсуждаемой ситуации, а к мнению автора: «Как мне кажется, это очень печальная тенденция»; «Мне кажется иногда, самое большое, что могут сделать родители, — это отойти уже и не мешать».

Таким образом, ирреальная модальность составляет ментальный сюжет текста, выходя на первый план в его авторском начале, при этом множественность средств ее экспликации и их принадлежность разным субъектам — типичный родитель

и автор текста — создает полифонию медиатекста, что весьма характерно для современной медиасферы в целом и авторской колонки в частности.

В колонке А. Мироновой значимость ирреальной модальности подчеркивается вынесением в заголовок конструкции с модальностью возможности «Может, убьют, а может, и не убьют...» (05.06.2025). Эта конструкция, как выясняется при знакомстве с текстом, оказывается квазичитатой, в которой автор представляет логику чиновников от опеки, предпочитающих оставлять детей в семье, даже если там им грозит смертельная опасность. Рассматривая эту ситуацию, автор строит полифоничный текст, «сталкивая» в нем модальные оценки. «По мнению чиновницы, за пять лет численность резидентов учреждений для детей **можно** уполовинить»; «Омбудсмен считает, что минимум четверть оказались там в результате плохой работы с семьей и **должны** быть возвращены семье, для этого **надо** в том числе помещать детей на реабилитацию вместе с родителями, алкоголиками и наркоманами, в специальные центры».

Оценивая эту позицию чиновницы фразой «в **готовность** это сделать и в **возможность** охотно верю», автор колонки излагает общие суждения и конкретные примеры, доказывающие, что есть семьи, у которых детей «**надо** забирать» или «их **надо** хотя бы спрашивать, **желают ли** они уйти в детский дом». Автор подчеркивает, что есть ситуации, когда «детей **нельзя** спасти практически», «потому что они никому дома не **нужны**». Именно поэтому детские дома «**надо** улучшать, а не сворачивать».

Таким образом, «семьесберегающий подход» органов опеки оценивается в колонке как невозможный, обозначаются меры, которые необходимы, вводится третий субъект модальной оценки **желательности** — дети из неблагополучных семей. Полифоничность медиатекста возрастает: авторская оценка формулируется на фоне позиции чиновников и не учитываемых никем потребностей детей.

В колонке О. Климахиной «Почему нельзя отменять ЕГЭ» (17.05.2025) в центре внимания оказывается авторская оценка невозможности отмены экзамена, о необходимости которой так много говорят и пишут сейчас. Интересно, что в этой колонке ирреальная модальность сочетается с вопросительностью: «Такая прыть вызывает ряд вопросов. Например, **нужно ли** подвести итоги обучения в старшей школе? **Нужно. Стоит ли** для этого ввести общий по стране стандарт экзаменов, который бы опирался на школьные образовательные программы? **Было бы** неплохо»; «Может, мы перестанем лепить из него монстра, эдакое чудовище, к которому страшно подступиться?» Следует подчеркнуть, что именно в этой колонке обнаруживаем использование «чистой» ирреальной модальности («который бы опирался...» и «Было бы неплохо»). Правда, в последнем случае она относится не к событиям, а к оценке автора, что из модальных оценок переводит ее в плоскость этикета. В довольно большом по объему тексте явно преобладает реальная модальность, ведь автор излагает факты, объясняющие появление ЕГЭ, говоря о собственном «доегэшном» опыте и существовании его аналогов в других странах. Финальный абзац текста, в котором заключается позиция автора и его ответ на поставленный в заголовке вопрос, насыщен высказываниями с ирреальной модальностью: «Интеллектуальная, физическая и психическая нагрузка всегда сопровождает рубежные моменты нашей жизни, а пора единых экзаменов — это этап, к которому мы **должны** готовить себя и своих детей... В конце концов, в реальной жизни выигрывают те, кто **не склонен** катастрофизировать происходящее и **умеет** стойко держать удар. **Берегите** свою психику, ребята, и — ни пуха ни пера!»

Таким образом, невозможность отмены ЕГЭ автор колонки обосновывает его оценкой как не призванного чему-то учить и нужного, а также серией модальных оценок школьников, которые не должны быть склонны к одному и должны уметь

другое, после чего рекомендует им беречь психику. В итоге текст, по замыслу полифоничный, потому что участвует в массовой полемике и подразумевает ответ коллеге, строится как «одноголосый» — с изложением только авторской позиции, а объектом модальных оценок оказывается не только экзаме́н, но и те, кому он предстоит.

Рассмотренные авторские колонки убеждают в том, что ирреальная модальность может выступать одной из важных линий авторского начала текста, обеспечивая полифоничность текста, его полемическую направленность и объемный взгляд на обсуждаемые проблемы. Что касается техники выражения ирреальной модальности, то, как показывают иллюстрации из проанализированного материала, их состав включает грамматические формы глаголов (сослагательное и повелительное наклонение), также частотна лексика типа *нельзя*, *может*, *умеет*, *возможность*, *готовность*.

В завершение стоит отметить, что продемонстрированный здесь текстоцентричный подход к изучению модальности помогает увидеть важные моменты не только в разных жанрах медиатекстов, но и в самой категории модальности, семантические и конструктивные возможности которой нельзя назвать исчерпывающе изученными.

Список литературы

1. Балута А. А. Способы выражения ирреальной модальности в сложноподчиненных условных предложениях греческого койне в сопоставлении с латинским, церковнославянским и русским языками (на материале Евангельских текстов) // Научный альманах. 2024. № 10-2 (120). С. 66—69.

2. Игнатова И. Б. Трансформация авторской колонки в цифровом дискурсе // Наука и школа. 2022. № 1. С. 54—60.

3. *Модальность* в языке и речи: новые подходы к изучению : сб. науч. трудов. Калининград, 2008.

4. *Нор-Аревян Е. С.* Ирреальная модальность как прием лингвистического воздействия (на материале книг М. Литвака) // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия*. Ростов н/Д, 2016. Т. 6. С. 284—288.

5. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Л., 1990.

6. *Шмелева Т. В.* Текст сквозь призму метафоры тканья // *Вопросы стилистики*. Саратов, 1998. Вып. 27. С. 68—75.

7. *Шмелева Т. В.* Грамматика текста // *Современный русский язык : учебник для вузов*. СПб., 2014. С. 324—337.

Л. М. Бондарева
(Калининград)
bondareva.koenig@mail.ru

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК ФОРМА АКТУАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается соотношение понятий «модальность» и «оценочность». Формулируется мысль о значимости оценочного фактора в условиях формирования текстов ретроспективного дискурса. Анализируются релевантные примеры из немецкоязычных автобиографий XIX—XX веков, демонстрирующие вариативность способов авторской самопрезентации при реконструкции личного прошлого опыта. Отдельное внимание уделяется объективирующим автономинациям как актуальному языковому средству, обладающему богатым коннотативным потенциалом эмоционально-оценочного характера.

Ключевые слова: модальность, оценочность, ретроспективный дискурс, автобиография, автономинации, самообъективация

В настоящее время в поле повышенного внимания филологов, ведущих свои исследования в рамках актуальной антропоцентрически ориентированной парадигмы научного мышления, продолжают оставаться проблемы, связанные с категорией модальности. Объектом серьезных дискуссий является прежде всего характер соотношения таких базовых понятий, релевантных при интерпретации данной категории, как «объективность», «субъективность», «оценочность» и «эмоциональность». Идущая еще от Шарля Балли идея о наличии в высказывании двух элементов — диктума и модуса, то есть элементов объективного и субъективного характера — нашла

свое развитие в исследованиях многих отечественных ученых (В. В. Виноградов, Г. А. Золотова, А. В. Бондарко, Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова и др.), однако природа взаимодействия этих феноменов так и не получила однозначного толкования в лингвистических кругах.

В плане *языка*, по мнению Т. А. Сергуниной, объективная модальность имеет субъективный компонент различной степени выраженности и может быть определена с помощью категории оценочности [8, с. 112]. В свою очередь, немецкие лингвисты Йоахим Буша и Герхард Хельбиг выводят оценку **за** пределы категории модальности, утверждая, что эмоциональная оценка не равна оценке модальной. Модальная оценка, полагают ученые, касается реальности, то есть известной точности высказывания, в то время как эмоциональная оценка сводится к констатации отсутствия какой-либо корреляции между оценкой говорящим конкретного факта реальной действительности и аутентичным характером этого факта [10, с. 507].

На наш взгляд, вполне очевидно, что в обоих случаях, только под разным углом зрения, осуществляется дифференциация общеизвестных видов объективной и субъективной модальности, в то время как **оценочность** предстает в качестве их связующего звена. Не подлежит сомнению тот факт, что оценочность а priori заложена в основе нашей когнитивной деятельности, способствуя реализации процессов концептуализации и категоризации, но обладая при этом либо конвенционально, либо индивидуально обусловленным характером.

Достаточно сложным является решение проблемы соотношения объективного и субъективного начал в категории модальности при анализе *текстового целого*, в особенности в сфере литературной коммуникации. Так, согласно И. Р. Гальперину, объективная модальность **чужда** природе художественного текста [6], в то время как, например, Л. Г. Бабенко полагает, что объективная модальность **присуща** художественному тексту, но имеет специфическое содержание, являясь

уникальным вариантом интерпретации действительности. Исследователь говорит также о том, что содержание текста может иметь разную степень соответствия действительности, однако, в отличие от языка, в основе концептуального пространства текста всегда лежит именно субъектно-оценочная модальность [2, с. 134].

Мы считаем, что в данной связи заслуживает внимания вполне справедливое суждение С. С. Ваулиной о том, что подразумеваемая субъектно-оценочная модальность включает не только соответствующие субъективные модальные значения, но и объективные значения, а именно и прежде всего значения **ситуативной** модальности (возможность, желательность, необходимость), которые при реализации в тексте способны приобретать оценочную функцию [5, с. 25].

Наконец, безусловный интерес вызывает корреляция таких терминов, как «субъективная модальность» и «**авторская** модальность», которые, как отмечает С. С. Ваулина, с позиций узкого подхода могут трактоваться в качестве синонимов, а в глобальном плане категорию субъективной модальности следует рассматривать как родовое понятие в соотношении с видовым положением авторской модальности [Там же, с. 40—41].

Впрочем, в контексте интерпретируемой проблемы важным для нас является то обстоятельство, что оценочность, будучи квалификативной категорией, согласно Н. Д. Арутюновой [1], приобретает первостепенную значимость в условиях текстов, циркулирующих в пространстве *ретроспективного дискурса*. В рамках современной парадигмы когнитивно-дискурсивных исследований мы предлагаем понимать под этим типом дискурса вид ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической деятельности речевого субъекта, актуализирующийся в форме определенных жанрово обусловленных типов текста, в которых фиксируются реконструируемые факты, события и переживания из личного или чужого прошлого опыта. В условиях функционирования механизмов автобиографической и коллективной памяти ретроспективная

концептуализация подразумеваемых фрагментов прошлого предполагает органический синтез текстовой информации фактуального и фикционального характера [4, с. 34—35].

Наиболее показательным примером текстов ретроспективного дискурса служат, безусловно, *тексты мемуарно-автобиографического жанра*, где авторская оценочность целиком и полностью зависит от интенциональных установок писателя, его индивидуальной картины мира, личностных особенностей и характера функционирования автобиографической памяти, что предполагает неизбежную долю вымысла и домысла в любом субъективном изложении прошлых событий реальной действительности. В результате таким текстам присущ онтологически обусловленный синкретизм, а их формирование осуществляется не в зоне абсолютной фактографии, а на стыке документальной и художественной прозы.

Итак, совершенно ясно, что все воспоминания о собственной жизни претендуют на воссоздание их авторами исторического реального прошлого, то есть фактов и событий, действительно имевших место в жизни речевого субъекта. Однако, с другой стороны, не менее очевидно, что ожидания читателей получить аутентичную информацию об автобиографе, что называется, «из первых рук», не могут быть удовлетворены в полной мере, поскольку ни один писатель, стремясь максимально беспристрастно восстановить и описать факты пережитого прошлого, не может при этом выйти за рамки личной перспективы восприятия окружающей действительности, так как познание себя и других есть результат когнитивной деятельности нашего индивидуального сознания.

Неслучайно одна из самых известных в истории мировой литературы автобиографий — книга немецкого классика И. В. Гёте — носит название «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit», то есть дословно «Из моей жизни. **Поэзия** и правда», а не «**Правда** и поэзия», в отличие от первоначального замысла. Достаточно симптоматично, что в данном заглавии в итоге речь идет не просто о правде, а о некоей «правде» более

высокого порядка, своего рода «высшей истине», которая нередко противоречит логике жизненного пути великого писателя. Об этом говорил сам Гёте, согласно записям его многолетнего собеседника Иоганна Петера Эккермана от 30 марта 1831 года [9, с. 428].

Возвышающаяся над фактами гётевская «правда» является, что вполне понятно, результатом серьезной оценочной деятельности писателя по переработке и обработке фрагментов лично пережитого, их селекции, нередко под влиянием конфабуляции (додумывания) и контаминации (перепутывания), то есть, по сути, речь идет о переосмыслении и творческой реконструкции автором собственного жизненного пути.

С учетом подобного подхода автобиографов к воспроизведению лично пережитого вполне закономерным представляется вывод о неизбежности проявления этой же тенденции при реализации различных способов авторской самопрезентации на страницах автобиографических произведений.

Что касается лингвистической трактовки термина «самопрезентация», то речь следует вести прежде всего о коммуникативной стратегии, цель которой состоит в управлении впечатлением адресата о говорящем [7, с. 74]. В контексте нашего исследования под этим понятием подразумевается функционирование в ретроспективном повествовании языковых сигналов, свидетельствующих об авторском присутствии в тексте и реализующихся в эксплицитной и имплицитной формах.

Не вызывает сомнений тот факт, что ведущим средством эксплицитной формы авторской самопрезентации в немецкоязычных автобиографических текстах служит местоимение 1-го лица единственного числа *ich*, которое является в принципе главным средством автономинатии речевого субъекта, то есть речевым воплощением самой категории субъекта, на что указывал еще Эмиль Бенвенист [3, с. 296].

Следующим достаточно распространенным способом авторской самопрезентации может быть личное местоимение 1-го л. множественного числа *wir*, которое при своем постоян-

ном конвенционале (я + кто-то другой) функционирует в субъективированных текстах в эксклюзивной и инклюзивной формах. Однако данные местоимения как маркеры авторского присутствия не представляют для нас интереса с точки зрения их оценочного потенциала.

Определенной релевантностью в этом плане обладают в немецкоязычных автобиографиях неопределенно-личное местоимение *man* и авторский антропоним, которые могут становиться стилистическим средством создания эффекта самоиронии в ходе объективации речевым субъектом собственного прошлого, более молодого «я». Однако гораздо чаще при объективированной форме самопрезентации автобиографы употребляют имена нарицательные, обладающие различными коннотациями эмоционально-оценочного характера. В частности, воспоминания о «золотом» детстве могут быть окрашены в мягкие, лирические тона, когда писатель с известной долей умиления описывает факт своего рождения, что имеет место в «детской» (или камерной) автобиографии Э. Кестнера «Als ich ein kleiner Junge war». Автор упоминает о появлении на свет 23 февраля 1899 г. маленького мальчика с густыми, нежными, как шелк, золотистыми локонами, правда, добавляя ироничный комментарий о том, что продержались эти локоны недолго. Доказательством описываемого факта является, как пишет Э. Кестнер, сохранившаяся вплоть до момента написания воспоминаний пожелтевшая от времени детская фотография.

Достойной отдельного внимания является специфика авторской самопрезентации, имеющей место в автобиографических воспоминаниях Клауса Манна — старшего сына всемирно известного немецкого классика XX века Томаса Манна. Как известно, эта книга была изначально издана на английском языке под названием «The Turning Point» (в немецком варианте — «Der Wende punkt. Ein Lebensbericht»). Данное произведение литературоведы называют венцом творчества К. Манна, представляющим собой художественную мозаику, в которой органично сочетаются личные воспоминания автора, дневники и письма.

Писатель, постоянно мучительно размышлявший над смыслом собственного бытия, часто прибегает на страницах этой книги к стилистическому приему объективации своего детского и юношеского «Я». При этом значительная часть объективированных автономинаций содержит положительную оценку взрослым К. Манном Клауса Манна — мальчика, подростка и юноши: писатель называет себя «жадным до знаний мальчиком» (*der wissensdurstige Knabe*), «жаждущим учиться шестнадцатилетним» (*der lernbegierige Sechzehnjährige*) и пр., но на протяжении всей своей жизни он тяжело переживает наличие нависающей над ним величественной тени своего знаменитого отца (*magni nominis umbra* — «тень великого имени»), не позволяющей ему утвердиться в качестве самостоятельного писателя.

Вспоминая о начале своей писательской карьеры, К. Манн оценивает себя, с одной стороны, как независимого «восемнадцатилетнего молодого немца» (*ein achtzehnjähriger junger Deutscher*), страстно стремящегося полностью реализовать в сфере литературного творчества. Однако при этом он вынужден одновременно именовать себя «сыном волшебника» (*der Sohn des Zauberers*), «сыном известного писателя» (*der Sohn eines bekannten Schriftstellers*), поскольку именно так его продолжают воспринимать современники, что свидетельствует о невозможности для К. Манна разорвать тяжкие семейные узы, которые обрекают начинающего литератора на вечную роль только лишь «сына» великого Томаса Манна.

В целом, обобщая результаты вышеизложенного, следует резюмировать, что авторская самопрезентация в текстах автобиографического дискурса характеризуется значительной вариабельностью и богатством возможностей своей реализации, однако при этом открытым всегда будет оставаться вопрос об адекватности подобной самооценки и степени ее соответствия реальной действительности. Тем не менее, при всей своей уязвимости в плане аутентичности воспроизводимого реального прошлого, автобиографический дискурс был и остается аргюи

тем текстовым пространством, где эгоцентризм и порой явный солипсизм представляют собой необходимый базис, на котором автором возводится «нерукотворный памятник» самому себе.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт и типология модусных категорий. М., 1988.
2. *Бабенко Л.Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании.* Калининград, 2009. С. 133—142.
3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 2002.
4. *Бондарева Л.М.* Лингвокогнитивные и текстотипологические параметры ретроспективного дискурса (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2019.
5. *Ваулина С.С.* Традиционное и дискуссионное в научных подходах к модальности // *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка : монография.* Калининград, 2018. С. 7—42.
6. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. *Латто М.А.* Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Психология.* 2012. Т. 6. С. 72—76.
8. *Сергунина Т.А.* Роль модальности в определении семантики высказывания и текста // *Русское языкознание.* Киев, 1990. Вып. 2. С. 108—114.
9. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте. М., 2003.
10. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländer-Unterricht. Aufl. 9, unverändert. Leipzig, 1986.

Н. А. Пробст
(Калининград)
mr.shadov@mail.ru

РЕЧЕВОЙ АКТ НАСМЕШКИ КАК ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В РУССКОЯЗЫЧНОМ СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ (на примере жанра интернет-комментария)

В настоящей статье рассматривается модальная специфика одного из значимых экспликаторов речевой агрессии — насмешки. На примере текстов русскоязычных интернет-комментариев изучается возможность реализации различных модальных значений в содержательном пространстве соответствующих актов, а также делается вывод о модальном потенциале последних.

Ключевые слова: категория модальности, речевая агрессия, речевой акт, насмешка, субъективная модальность

Речевая агрессия, в том числе в сфере интернет-дискурса, характеризуется устойчивым вниманием со стороны лингвистов. При этом остается сравнительно мало освещенным ряд вопросов, одним из которых является модальный статус различных средств ее выражения. В рамках данной статьи мы в общих чертах рассмотрим вопрос о реализации модальных значений в содержательном поле такой значимой и интересной формы вербальной агрессии, как речевой акт насмешки.

Речевой акт (далее — РА) насмешки является частью тактики осмеяния. Последняя относится к ярким и распространённым в русскоязычном интернет-дискурсе инструментам дискредитации цели посредством представления различных ее аспектов в уничижительном свете (см., напр.: [5; 6]). Собственно речевой акт насмешки представляет собой «обидную

шутку, язвительное замечание, продиктованное стремлением говорящего сказать собеседнику неприятное, подвергнуть осмеянию» [7, с. 179]. С точки зрения речеактовой природы насмешка обладает двоякой иллокутивной установкой: «Во-первых, она нацелена на выражение враждебности к кому-либо. Но вместе с тем она сохраняет и “кооперативную” функцию, свойственную всякой шутке, которая используется здесь для сохранения *comme il faut* перед третьим лицом — свидетелем конфликта» [4, с. 81].

На наш взгляд, насмешка является одним из самых интересных для лингвистического исследования речевых актов, что обусловлено богатством его семантического потенциала и широкой вариативностью способов формального выражения; иллокутивная сила насмешки обеспечивается за счет применения инструментов языкового воздействия разнообразного диапазона (в первую очередь различных средств выразительности вроде антифразиса, антитезы, метафоры и т. д.), позволяющих избежать ошибки в интерпретации замысла автора его целевой аудиторией. На практике перечисленные обстоятельства определяют сложность комплексной систематизации семантических и формально-языковых конститuentов исследуемого акта. В этом плане изучение последнего в русле модального (в его функционально-семантической итерации) подхода представляется нам весьма перспективным.

Здесь необходимо указать, что в данном случае мы понимаем под категорией модальности и какие ее значения рассматриваем в качестве основных.

В нашем исследовании мы придерживаемся функционально-семантического подхода к пониманию категории модальности, являющегося базовым для калининградской школы модалистики. В соответствии с данным подходом категория модальности представляет собой сложную структуру, «содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двуаспектностью предложения, а именно его номинативным (пропозициональным) и коммуни-

кативным (прагматическим) аспектами. В рамках номинативного аспекта, фиксирующего определенные факты, события внешней языковой действительности и ее основные свойства, выделяется пропозициональная модальность; в рамках прагматического аспекта, «преломляющего» эти факты в сознании говорящего, раскрывающего коммуникативную перспективу высказывания (его цель, степень достоверности и т. п.), — модальность прагматическая» [1, с. 16]. Пропозициональную модальность формируют значения модальности объективной и ситуативной, прагматическую — побудительной, вопросительной и субъективной [2; 3].

Рассмотрим, какие значения категории модальности в аспекте функционально-семантического подхода может выражать изучаемый РА. Материалом для исследования послужили маркированные по признаку агрессии тексты интернет-комментариев, извлеченных методом сплошной выборки из веток обсуждения, размещенных к медиаматериалам (видеороликам, постам и статьям исторического, культурного, религиозного содержания) на популярных русскоязычных интернет-площадках — VK, YouTube, Яндекс. Дзен, Пикабу.

Начнем с объективной модальности. Здесь необходимо сделать следующую оговорку. Речевая суть акта насмешки состоит, если говорить в общем смысле, в нарочито некорректном (комическом) отражении действительности в конкретном высказывании. На наш взгляд, это подразумевает, что объективная модальность в условно чистом виде не может быть модальной основой рассматриваемого РА — ее средства либо дополняют, либо «маскируют» семантические аспекты высказывания, связанные со значениями субъективной модальности. Однако содержание исследуемых высказываний часто все-таки предполагает утверждение / опровержение (пусть и в опосредованной форме) существования некоего факта действительности; в этих случаях объективная модальность выступает как важная часть модальной архитектуры соответствующих актов.

Наглядно иллюстрирует данный тезис комментарий в ветке обсуждения вопроса о масштабе человеческих жертв в процессе христианизации Руси:

(1) ...А население на Руси с 12 миллионов до трех само сократилось — ушли, видать (VK)¹.

Функциональная специфика данного текста определяется двумя задачами:

1) сообщение о значительном сокращении населения древнерусского государства в рассматриваемый исторический период (то есть описывается реальное с точки зрения автора — сторонника «альтернативной» истории — состояние действительности, что находится в плоскости пропозициональной (объективной) модальности);

2) дискредитация позиции оппонентов, отрицающих миф о геноциде князем Владимиром языческого населения, основанная на ироническом допущении, что исчезновение девяти миллионов человек случилось само по себе, в результате каких-то спонтанных миграционных процессов (то есть вербализуется личное отношение автора к обсуждаемому с точки зрения достоверности / недостоверности, что находится уже в плоскости субъективной модальности).

С формальной точки зрения в данном ССП представлены элементы, отражающие значения объективной (глаголы изъявительного наклонения (*само*) *сократилось*, *ушли*) и субъективной (вводная конструкция *видать*, отражающая значение предположения) модальности.

Значения возможности, необходимости и желательности, составляющие содержательную основу ситуативной модальности, в исследуемых текстах также фиксируются с достаточной высокой частотностью, например:

¹ Здесь и далее примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

(2) *игорь Игнашов*: Кстати не подскажите где вы преподаёте? Детей **надо** отгородить (Дзен) (*модальность необходимости*).

(3) *Миля Зотч*: игорь Игнашов, спасибо за комментарий, но **не стоило** так сильно напрягаться. Я не **смогу** с таким умником на равных) чтобы я смог, мне надо преодолеть пропасть необъятную (Дзен) (*значения необходимости и возможности*).

(4) *Инкогнито 2387*: О, светоч науки, **не желаете ли** рассказать нам, темным, куда же делись 7000 лет великой истории нашего государства? (VK) (*значение желательности*).

Анализ исследуемого материала демонстрирует, что РА насмешки вполне репрезентативен и в плане реализации всего комплекса значений прагматической модальности.

Так, вопросительная модальность представлена в тексте следующего комментария, размещенного под материалом о пантеоне древних славян:

(5) *Инкогнито 1657*: Что там по темным лохососям, ежам и всем остальным смешарикам? Как они с вот этим пантеоном связаны? (Дзен).

В высказывании присутствуют формальные признаки вопросительной модальности: вопросительные слова *что* и *как*, передаваемая с помощью соответствующего знака вопросительная интонация. Вместе с тем использование неологизма (*темные*) *лохососи* и лексемы *смешарики* (название персонажей одноименной серии детских мультфильмов) указывает на ключевую функцию анализируемого высказывания — выражение интенции насмешки; объектом последней в данном случае являются познания создателя статьи в области древнеславянского мифологического бестиария. Таким образом, в рассматриваемом комментарии присутствует не запрос относительно актуального состояния дел в некоей области действительности (что является функциональным признаком вопросительной модальности), а выражение отношения говорящего к обсуждаемому (то есть модальности субъективной).

Ту же функцию, но в еще менее приятной для контентмейкера форме выполняет другое высказывание, размещенное под вышеупомянутым материалом:

(6) *Александр Шлыков*: Автор, траву где берёшь или уже на рубероид перешёл? (Дзен).

Значение побудительной модальности, выраженные с помощью императивов, также широко представлены в текстах исследуемых иллюкутивных конструкций:

(7) *Deleted*: Татьяна Бондаренко, **просветите** нас грешников! Просим! (Дзен).

(8) *@user-uebgv4bt9p*: @TheUmpre да да, именно поэтому золотой век Эллинизма и Римской империи приходится на язычество;) Поменьше **нервничай**, древние Боги вернутся хочешь ты этого или нет. Чао (Youtube).

При этом собственно побудительная составляющая интенционально-содержательного поля вышеуказанных актов является по сути вторичной: очевидно, что адресанта сообщения в действительности не интересует реализация каузируемого действия (*просветить, не нервничать*) — он не нуждается в просвещении и не беспокоится о душевном комфорте слушающего, что явно должно осознаваться и адресатом сообщения. Следовательно, цель таких директивных по форме актов — продемонстрировать эмоциональное, лично-окрашенное (пренебрежительное) отношение к высказываемой оппонентом позиции, что относится к функциональной сфере субъективной модальности.

Проведенный анализ демонстрирует, что в содержательном поле речевого акта насмешки находят отражение любые конститuentы категории модальности, что позволяет говорить о полимодальной природе данного акта. При этом наличие в содержательном поле абсолютного большинства исследуемых текстов компонентов, связанных с выражением личностного

отношения говорящего к высказываемому, свидетельствует, на наш взгляд, о стержневом характере субъективной модальности в модальной архитектуре акта насмешки.

Изучение в русле модального подхода этого и других видов РА, отражающих различные значения речевой агрессии, позволяет несколько с иной стороны взглянуть на их семантическую и прагмакоммуникативную специфику. В конечном счете это дает ключ к более глубокому пониманию смыслообразующих и индивидуально-языковых механизмов реализации речевой агрессии в текстах различной жанровой направленности.

Список литературы

1. *Ваулина С.С.* Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI—XVII вв.). Л., 1988.
2. *Ваулина С.С.* Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
3. *Ваулина С.С.* Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8 : Филологические науки. С. 7—12.
4. *Доронина С.В.* Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки // Юрислингвистика. 2002. №3. С. 78—85.
5. *Пробст Н.А.* Модальная специфика вопросительно-побудительных конструкций с интенцией насмешки // Модальность. Коммуникация. Текст : сб. науч. тр. междунар. науч. конф., Калининград, 29—30 сентября 2020 года. Калининград, 2021. С. 180—188.
6. *Темиргазина З.К., Бачурка М.С.* Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе // Жанры речи. 2017. №1 (15). С. 51—57.
7. *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. М., 2008.

Л. А. Усманова
(Казань)
usmanova77@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СНОВИДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлен лингвистический анализ модальных значений в сновидческом дискурсе. Определяются основные типы модальности (эпистемическая, деонтическая, алетическая, аксиологическая и др.), исследуется их выражение в текстах сновидений. Анализируются частота и доминантность модальностей в описаниях снов с опорой на примеры из русскоязычных онлайн-форумов сновидений.

Ключевые слова: модальность; эпистемическая модальность; деонтическая модальность; алетическая модальность; аксиологическая модальность; сновидческий дискурс

Сновидения — неотъемлемая часть жизни человека, многогранный феномен, изучаемый философией, психологией, культурологией и лингвистикой. Они раскрывают невысказываемое, и существует возможность «прочитывания» посредством естественного языка образов сновидений, которые являются знаками этого невысказываемого, «резервом семиотической неопределенности», «сложным и противоречивым семиотическим клубком, плавающим в семиотическом пространстве» [9, с. 225—226].

В лингвистике под *сновидческим дискурсом* понимаются тексты описаний снов (авторские рассказы о приснившемся) с характерной структурой и использованием языковых средств [8; 11—13]. Нереальная реальность, для описания которой естественный язык является средством метаописания образов сновидений, может быть истолкована благодаря когнитивным

алгоритмам, опирающимся на языковые механизмы (символы, метафору, метонимию, прагматическое расширение, паронимические связи и др.) [2, с. 11—12].

Структура сновидческого дискурса имеет не только линейный, но и иерархический аспект, исходя из чего каждая единица дискурса связана с другими сетью дискурсивных отношений [5, с. 548]. Его анализ позволяет выявить особенности языка при описании сновидений.

Одним из ключевых аспектов языковой стороны выражения сновидений является изучение модальности — категории, отражающей отношение говорящего к содержанию высказывания [1, с. 237]. Модальность показывает, как говорящий оценивает соотнесенность сообщения с действительностью, выражает уверенность, волю, оценку и др.

Цель настоящей статьи — определить виды модальности и проследить их частотность и функциональную роль в сновидческом дискурсе. Анализ употребления разных видов модальности проводится на примере рассказов о сновидениях, размещенных на сновидческих форумах («Мир снов» [10], «Сны и мы» [14], «Тонкий мир» [15] и др.). На данных площадках пользователи размещают рассказы о своих снах, делятся образами и эмоциями, которые возникают во сне, другие пользователи или психологи-эксперты анализируют детали сновидений, пытаются разобраться в их значении, дают рекомендации по толкованию снов или пониманию психологических концепций, связанных со сновидениями. При таком взаимодействии существенно расширяются возможности понимания и интерпретации сновидческого опыта, поскольку индивидуальный опыт становится частью коллективного, а личные смыслы — частью общего культурного поля.

Языковая актуализация образов «тонкого мира» и динамика выражения отношения сновидца к другой, сновидческой реальности осуществляются через единство объективных и субъективных аспектов модальности, отражающей мировосприятие и мироосмысление индивида.

Семантическая категория модальности может выражаться различными грамматическими и лексическими средствами (формами наклонения глагола, интонацией, порядком слов, вводными словами, междометиями, повторами, модальными словами и т. п.). Эта категория включает разные виды отношений — от оценки достоверности высказывания до выражения воли, разрешений или запретов. Модальность как «существенный конструктивный признак» [4, с. 55] является неизменным компонентом любого предложения и «охватывает всю ткань речи» [4, с. 57]. С ней переплетаются «разные виды и типы эмоциональной экспрессии» [4, с. 62].

Модальный ландшафт русской языковой картины мира опирается на «семантический универсум» русского языка, аккумулирующий в себе такие национально-специфические свойства, как эмоциональность, иррациональность, неагентивность и любовь к морали [3, с. 33—34].

Традиционно различают по крайней мере четыре группы модальности: эпистемическую, деонтическую, алетическую и аксиологическую (эмоциональную). Некоторые авторы выделяют также динамическую модальность (способность / невозможность субъекта совершить действие) и др. [6; 7]. В общем плане модальность часто подразделяется на *субъективную* (связана с установками говорящего — эпистемическая, аксиологическая) и *объективную* (связана с самим содержанием — алетическая, деонтическая). Однако в нашем анализе важнее рассматривать именно перечисленные виды модальных значений и их языковые маркеры.

Эпистемическая модальность связана со знанием или мнением говорящего о событии: она отражает сомнение, уверенность, предположение и выражается словами и конструкциями, означающими степень уверенности, типа «доказуемо», «вероятно», «наверное», «сомнительно» и т. п. Деонтическая модальность передает требования, нормы, разрешения и запреты — то, что должно или не должно быть сделано. Деонтические высказывания часто содержат слова «можно», «нель-

зя», «надо», «должен», «следует», «разрешено», «запрещено». Алетическая модальность (также называемая логической модальностью) выражает необходимость или возможность события по законам природы или логики, например: «это должно быть так», «так или иначе», «неизбежно». В текстах она может быть представлена благодаря лексическим единицам «невозможно», «обязательно», «вряд ли» и т. п.

Особое место занимает аксиологическая (ценностная, или эмоциональная) модальность, отражающая оценочное отношение говорящего — положительную или отрицательную оценку факта, события или высказывания. Аксиологическая модальность проявляется через оценочные слова и вводные конструкции «к счастью», «к сожалению», «ужасно», «приятно» и др., а также через экспрессивно-эмоциональную лексику. С этой модальностью тесно связаны чувства и оценки, которые говорящий вкладывает в описание.

Анализ дискурса рассказов о сновидениях показывает, что в описаниях снов наиболее часто встречаются маркеры эпистемической и аксиологической модальности. Эпистемическая модальность проявляется через выражения неуверенности, предположения и описания субъективных ощущений. Например, сновидцы нередко используют вводные фразы и словатверждения о собственной уверенности: *Мне казалось; я был уверен; наверное, это сон; не может быть настоящим* и т. д. Такие эпистемические маркеры отражают сомнение говорящего в реальности происходящего.

На одном из форумов, где участники описывали свои сны, пользователь признается: *Я во сне знаю, что я сплю, и если снится кошмар, говорю себе, что я должна проснуться — и просыпаюсь* [14]. В этой фразе наглядно представлены два вида модальности: эпистемическая (*я знаю, что я сплю*) и деонтическая (*я должна проснуться*). Слово «знаю» указывает на уверенность в собственном состоянии, а «должна» выражает предписание самому себе прервать сон. Этот пример демонстрирует, что нередко сознательный сновидец сочетает оценку своего знания с волевой установкой.

Эпистемические глаголы и вводные слова типичны также для описаний того, что «кажется» или во что «верится» во сне. Так, сновидец может говорить: *кажется, что я лечу*, или *это, наверное, сон*. На форумах такие фразы встречаются часто, когда пользователи пытаются понять происходящее во сне и высказывают свои предположения, например: *...а потом **понятно**, что это был сон...* (эпистемическая модальность) или ***вероятно**, мне снятся страхи из детства* [10].

Деонтическая модальность в сновидениях выражается реже, но заметно проявляется в высказываниях о необходимости и возможности. Иногда сновидец сталкивается с запретами или обязательствами, которые отражаются в словах «нельзя», «разрешено», «надо»: *мне **нельзя** раскрыть глаза, иначе кошмар усилится; во сне **нельзя** упасть, иначе проснешься; мне **разрешено** делать то, чего в реальности делать нельзя* [15]. На форумах можно встретить нарративы, где рассказчик буквально устанавливает для себя правила поведения во сне: *я чувствую, что **не должна** убежать*, или *мне **нельзя** сказать об этом вслух*.

Алетическая модальность (оценка событий с точки зрения объективной невозможности) проявляется в сновидениях реже, поскольку логические законы во сне часто нарушаются. Тем не менее встречаются высказывания «состояний невозможности» типа: *такое **не может быть** в реальности; **невозможно** продержаться так долго; это **невозможно**, чтобы в реальности я падал с такой высоты* [10]. Эти высказывания подчеркивают ирреальность происходящего во сне. Алетические конструкции в сновидческом дискурсе обычно связаны с удивлением или недоверием к тому, что снится.

Аксиологические модальные средства достаточно широко распространены в описаниях сновидений. В одном из обсуждений участница говорит об эмоциональном оттенке сновидения: *меня **очень напугало**, что я не могла пошевелиться*, или ***к счастью**, я проснулась вовремя*. Оценочные вводные слова (к

сожалению, обнадеживающе, ужасно, замечательно) и прилагательные (*страшно, весело* и т. п.) придают рассказам о снах экспрессивность. Сновидцы эмоционально оценивают увиденное: *мне стало **страшно**; было **приятно** видеть...; к **сожалению**, сон кончился прежде, чем я узнал исход испытания* [10].

В целом анализ примеров с форумов показывает, что в размещенных там сообщениях доминируют эпистемическая и аксиологическая модальности. Эпистемические формы часто встречаются при попытках интерпретировать сон (сомнения, предположения), а эмоциональные (аксиологические) — при описании впечатлений. Также нередки агентивные формы (*могу, не могу*), особенно если говорящий осознаёт себя во сне: *я **могла** управлять полетом*. Деонтические формы встречаются в сюжетах сновидений, где упоминается о чувстве долга или запрете. Алетическая модальность обычно выражается в виде словосочетания *не может быть*, подчеркивающего ирреальность сна.

Таким образом, наиболее частые модальные значения в сновидческом дискурсе — это эпистемические оценки (*кажется, наверное, знаю, верю* и т. п.) и эмоционально-оценочные высказывания (*жаль, хорошо, страшно* и др.). В частности, один из авторов на форуме, описывая свой сон, отмечает: *Мне **кажется**, что это не реальность, **вероятно**, это только сон*. В этой фразе содержатся два типичных эпистемических маркера. С другой стороны, эмоциональные отголоски сна выражаются так: ***ужасно**, когда во сне теряешь близких, а к **счастью**, проснулась до конца кошмара* (аксиологические модусы). Такая комбинация модальных значений подчеркивает субъективную направленность сновидческого повествования.

В представленных примерах выявляется широкий спектр модальных значений, отражающих отношение говорящего к содержанию сна. Эпистемическая модальность (достоверность и предположения) и аксиологическая модальность (оценка и эмоции) оказываются доминирующими в сновидческом дис-

курсе. Деонтические высказывания проявляются в ситуациях обязательства или запрета во сне, алетические — при указании на нереалистичность. Лингвистический анализ показывает, что описания снов насыщены модальными маркерами, что соответствует прагматической целеустановке сновидца — передать не только факты сна, но и свое отношение к ним. Исследование модальности в сновидениях важно для понимания психолингвистических аспектов речи и особенностей восприятия реальности во сне.

Список литературы

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
2. *Берестнев Г. И., Васильева И. Б., Цветкова А. А.* Пророческие сновидения: язык, образность, когнитивные механизмы : монография. Калининград, 2024.
3. *Вежибицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике : Избр. тр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1975. С. 53—78.
5. *Кибрик А. А., Подлесская В. И.* Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
6. *Козлова А. Ю.* Модальные конструкции современного русского языка. М., 2015.
7. *Костюченко В. Ю.* Категория модальности с точки зрения логики и лингвистики: сходства, различия и перспективы синтеза // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. №3. С. 71—82.
8. *Лазарева А. А.* Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
9. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.
10. *Мир снов.* URL: <https://forum.mirsnov.com/forums/34/page-2> (дата обращения: 30.03.2025).
11. *Садова Т. С.* Структурно-семантические характеристики устного сновидческого рассказа // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1 (4). С. 273—283.

12. *Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М., 2016.

13. *Симонова Т.Г.* Сновидческий дискурс как форма авторской рефлексии в повести И.С. Тургенева «Призраки» // Мир в слове. Слово в мире. Вып. 2. Гродно, 2017. С. 36—45.

14. *Сны и Мы.* URL: <https://luuna.ru/viewtopic.php?f=1&t=14888&p=62148&hilit=полет#p62148> (дата обращения: 30.03.2025).

15. *Тонкий мир.* URL: <https://tonkimir.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

А. М. Мубаракшина, Н. Н. Фаттахова

(Казань)

blondy010888@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В МЕДИАГОРОСКОПЕ

Статья посвящена исследованию авторской модальности в текстах современных медиагороскопов как инструмента суггестивного воздействия на читателя. Анализируются основные лексические средства выражения модальности, включая модальные глаголы со значением вероятности, долженствования, совета, уверенности, а также грамматические конструкции с повелительным наклоном, которые формируют особый тип коммуникации между автором и реципиентом.

Ключевые слова: медиагороскоп, авторская модальность, модальные глаголы, повелительное наклонение, персуазивные установки

Антропоцентрическая парадигма современных лингвистических исследований обусловила интерес к модальности как языковой категории, способной максимально точно передать отношение автора к создаваемому тексту и позволяющей читателю понять заложенный автором суггестивный посыл. В этой связи особое внимание исследователей привлекает авторская модальность, которая, согласно С. С. Ваулиной, выступает родовым понятием по отношению к субъективной модальности и охватывает уровень не только предложения-высказывания, но и текста, имея широкий арсенал языковых средств выражения модальных оттенков [2, с. 14].

Выражение авторской модальности представляется интересным рассмотреть на материале текстов современного медиагороскопа. Данный жанр получил широкую популярность

© Мубаракшина А. М., Фаттахова Н. Н., 2025

под влиянием повсеместной цифровизации, отличается небольшим форматом и сочетает в себе черты разных стилей. Медиапредсказания ориентированы на ближайшее будущее (чаще всего на день), «при этом суггестивный потенциал подобных максимально обобщенных астропрогнозов интенсифицируется посредством реализации речевых тактик с использованием сложного набора лексико-семантических и синтактико-стилистических средств языка» [4, с. 39].

В отличие от традиционных астропрогнозов, медиагороскопы содержат выраженную субъективную оценку, а также демонстрируют индивидуальный стиль изложения (поскольку всегда написаны практикующими астрологами), проявляющийся в использовании специфических языковых средств для воздействия на аудиторию. Модальность гороскопа рождается в результате понимания астрологом «вторичности своих мыслей по отношению к обозначаемой денотативной ситуации» [1, с. 273], однако автор всегда маскируется под «проводника космических сил», что подтверждают конструкции типа: *Луна рекомендует, гороскоп предостерегает, звезды советуют, Марс диктует* и т. д. (здесь и далее примеры приводятся с тематического интернет-сайта «Гороскопы365.ру») [2].

Наиболее распространенными модальными маркерами в гороскопе являются модальные глаголы, которые можно отнести к разным тематическим группам.

1. Глаголы вероятности, возможности прогнозируемого действия: *Этот день **может** показаться Тельцу бесконечным; Необычайной близости Рак **сможет** достичь в понедельник с любимыми людьми; Самые смелые планы Весов в пятницу **могут** осуществиться.* Гипотетический сценарий развития событий в подобных примерах лишает гороскоп категоричности, поскольку автор условно предлагает разделить ответственность за возможные последствия собственных действий.

2. Глаголы долженствования: *Тельцу **стоит** воспользоваться этим потенциалом, чтобы убраться из ко-*

*лес; При общении с новыми знакомыми Овну во вторник **следует** больше прислушиваться к внутреннему голосу; Козерогу **стоит** заранее подумать о правильном распределении времени.*

Как можно заметить в контексте, использование конструкций *стоит + инфинитив* и *следует + инфинитив* создает эффект ненавязчивого совета, что типично для гороскопического дискурса. В то же время персонификация через астрологический символ усиливает иллюзию индивидуального прогноза для каждого знака зодиака. Все глаголы подаются как следствие астрологической логики («поскольку Вы Телец / Овен...»), а не субъективного мнения автора.

3. Глаголы с семантикой совета, рекомендации, предостережения: *Вот почему гороскоп **рекомендует** во вторник Тельцу отказаться от развлечений и посвятить этот день делам; Чтобы этого не произошло, гороскоп **советует** ему выпустить пар в безопасном месте; Гороскоп **призывает** Близнецов испытать силу своего обаяния в том числе на деловых партнерах, коллегах, начальстве; Гороскоп **предостерегает** Рака в среду от чрезмерной активности и траты любых ресурсов, неважно, энергетических, физических или материальных.*

Основная цель медиагороскопа — привлечь внимание максимального количества реципиентов, именно с этой целью автор апеллирует к «высшим знаниям». Таким образом, автор гороскопа создает эффект доверия за счет квазинаучного тона высказывания. Кроме того, можно отметить градацию категоричности глаголов от умеренной до максимально строгой степени: *рекомендует — советует — призывает — предостерегает*. Подобный прием акцентирует степень важности описываемых событий в судьбе адресата.

4. Глаголы уверенности, утверждения: *В пятницу гороскоп **сулит** Овну замечательный день: дела **обещают** пойти как по маслу; Впрочем, при всей напряженности, день **обещает** быть продуктивным; Сегодня Луна **гарантирует** успех в косметических процедурах.*

В данных примерах можно также наблюдать градацию уверенности, которую внушает реципиенту автор по отношению к прогнозируемым событиям, подкрепляя удачный сценарий эмоционально-оценочной лексикой: *замечательный, успех, как по маслу*. Подобная эмоциональная вовлеченность программирует читателя на ожидание («мне обещали удачу — значит, она будет»).

Особенностью употребления всех перечисленных групп глаголов является их регулярность, которая производит «гипнотический» эффект на реципиента. Эти глаголы создают характерную для гороскопов модальную рамку, сочетающую псевдообъективность, субъективную интерпретацию и мягкое внушение.

С грамматической точки зрения обращает на себя внимание высокая частотность примеров реализации авторской модальности посредством глаголов разной тематики в форме повелительного наклонения, часто в восклицательных предложениях: *В среду **не бойтесь** думать нестандартно; **Помните**, куда ведет дорога, высланная благими намерениями! Особое удовольствие Близнецы получают в воскресенье, делая что-то своими руками: **готовьте, рисуйте, займитесь** мелким ремонтом, словом, смело **сочетайте** приятное с полезным!*

Глаголы в повелительном наклонении в гороскопе выполняют несколько функций. Во-первых, директивную, поскольку формируют модель поведения реципиента в сочетании с другими модальными словами: *Лучше **придумайте** себе приятную премию за труды — **купите** билеты в театр или **закажите** аппетитную пиццу прямо на дом; **Придумайте** необычное занятие для компании, **проведите** вечер за настольной игрой или **прогуляйтесь** на свежем воздухе.*

Во-вторых, глаголы повелительного наклонения вовлекают реципиента в предложенный сценарий событий, реализуя персуазивную функцию: *Чтобы не заработать репутацию упряма, **прислушивайтесь** к мнению окружающих; Другими словами, гороскоп **предостерегает** Козерога во вторник от*

«превышения полномочий» — *будьте снисходительны к мелким слабостям и недостаткам тех, кто с вами рядом.* В отличие от директивных, персуазивные установки апеллируют к ценностным ориентирам адресата.

Восклицательные конструкции с призывами зачастую превращают предсказания в лозунги: *Держайте! Гороскоп на вашей стороне! А вот монотонные занятия во вторник способны довести Стрельца до белого каления: **долгой однообразия!** В воскресенье отличное время попробовать свои силы в любовной баталии: **стреляйте глазами и бомбите комплиментами!*** Этот эффект значительно усиливает запоминание формулировок и интенсифицирует эмоциональный эффект от прочтения текста.

Таким образом, проведенный анализ глаголов, выражающих авторскую модальность в тексте медиагороскопа, позволяет утверждать, что автор выступает не только в качестве проводника «скрытого» знания, но и в роли провидца, советчика, друга, психолога и рассказчика. Несмотря на притязания текстов гороскопов на научное обоснование и объективность изложения фактов, предполагающие отстраненность автора от субъективных суждений, гороскоп в не меньшей степени, чем любой текст медиапространства, содержит многочисленные языковые средства выражения авторской модальности, что делает его уникальным образцом **массовой суггестивной коммуникации** в цифровую эпоху. Особенность авторской модальности при этом проявляется в сочетании категоричности формы («делайте!») и условности содержания («может получиться»). Этот парадокс и составляет основу воздействующего потенциала гороскопического дискурса.

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. М., 2005.
2. *Ваулина С. С., Девина О. В.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8 : Сер. Филологические науки. С. 8—13.
3. *Гороскопы 365.* URL: <https://goroskop365.ru/nedelya/aries/> (дата обращения: 10.06.2025).
4. *Мубаракшина А. М.* Гороскоп в медиaprостранстве: лингвокоммуникативный аспект // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3. С. 38—43.

А. Р. Нурутдинова

(Казань)

airnurutdinova@kpfu.ru

**ЛИНГВОСЕНСОРИКА МОДАЛЬНОСТИ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛОВИЦ
С СОМАТИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Исследуется прагматический потенциал соматических пословиц в разноструктурных языках (русском, английском, японском) через призму лингвосенсорики и модальной семантики. Выявляется, как телесные образы (соматизмы) становятся носителями модальных значений (необходимости, возможности, побуждения, оценки) в различных языковых системах. Доказывается, что соматический код служит универсальным механизмом передачи модальности, но его реализация зависит от типологических особенностей языка. Сенсорные ассоциации (боль, движение, тактильность) усиливают прагматическое воздействие модальных высказываний, обеспечивая их кросс-культурную узнаваемость при типологически вариативной реализации.

Ключевые слова: лингвосенсорика, модальность, прагматика телесного кода, соматические пословицы, разноструктурные языки, лингвокультурологическое поле

Соматическая лексика, будучи универсальной основой концептуализации мира, приобретает особую значимость в паремиологическом фонде языка, выступая носителем модальных значений и культурно-специфических смыслов. Настоящее исследование ставит целью выявить и проанализировать прагматический потенциал пословиц с соматизмами в русском, английском и японском языках сквозь призму лингво-

сенсорики, рассматривающей язык как систему, имманентно связанную с телесным и сенсорным опытом человека [1; 10; 12]. Центральным тезисом является утверждение, что соматический код, базирующийся на универсальных физиологических и перцептивных основаниях, служит ключевым механизмом репрезентации и актуализации модальности (необходимости, возможности, побуждения, оценочности), однако конкретные лингвистические и прагматические реализации детерминированы типологическими особенностями языка и глубинными структурами соответствующей лингвокультуры [8; 11; 17].

Соматические пословицы конденсируют в себе многовековой опыт телесного взаимодействия человека с миром, трансформируя конкретные физиологические ощущения и действия в абстрактные модальные концепты. Тактильный опыт прикосновения, кинестетическое чувство движения, проприоцептивное осознание положения тела, а также интенсивные сенсорные переживания (боль, напряжение, облегчение) становятся сенсорной основой для выражения долженствования, способности, совета или запрета [19].

Например, русская пословица *Глаза боятся, а руки делают* [2] актуализирует кинестетический опыт преодоления страха через действие: модальность побуждения к действию, несмотря на опасения, кодируется через оппозицию статичного органа восприятия «глаза» и динамичного органа действия «руки», где сенсорика движения «делают» преодолевает сенсорнику визуального страха «боятся». Английский эквивалент *The proof of the pudding is in the eating* [9] (*Доказательство пудинга — в его поедании*) опирается на сенсорный опыт вкуса и тактильного ощущения пищи во рту как единственного критерия истинности (эпистемическая модальность необходимости проверки на практике), что подчеркивает прагматическую установку на эмпирическое подтверждение любой теории [5]. Японская пословица *腹が立つ* *Hara ga tatsu* [20] (*Живот встает / Пучит живот*) использует соматизм «живот» (*хара*) как центр эмоциональной и волевой жизни, а сенсорное ощу-

щение его физического «подъема» (вздутия от гнева) становится сенсорным маркером интенсивной модальности гнева и невозможности сдержаться, отражая культурную концепцию «хара» как вместилища истинных чувств и духа [15].

Типологическая дистанция между аналитическим английским, флективным русским и агглютинативным японским с их принципиально разными системами выражения грамматических отношений и модальности ярко проявляется в способах прагматического использования соматизмов в пословицах.

1. Для русского языка характерны выраженная оппозиционность и динамика в представлении соматических концептов, часто связанных с модальностью морального выбора, долженствования, преодоления. Пространственное и силовое взаимодействие частей тела служит моделью для выражения конфликта или согласованности воли, разума и чувства:

— в пословице *У кого что болит, тот о том и говорит* [6] используется соматизм «болит» как сенсорный индикатор актуальности и необходимости (деонтическая модальность) высказывания: постоянная боль становится прагматическим маркером неизбежности обращения к теме, вызывающей дискомфорт [6];

— выражение *Держи язык за зубами* [2] кодирует модальность запрета и необходимости сдержанности через кинестетическую метафору физического удержания органа речи «язык» за барьером «зубы», где тактильное ощущение сжатия передает императив контроля;

— в контрастной паре *Сердце соколом, а смелость вороном* [2] противопоставляются соматический центр жизненной силы «сердце», модальность желания / порыва, и абстрактное качество «смелость», модальность способности, подчеркивая несоответствие намерения и реальных возможностей через зооморфные сенсорные образы.

2. Английский язык отличается высокой метафоричностью соматизмов, часто с акцентом на визуальное восприятие и

практическое действие / результат, обслуживая прагматику рационального совета, предостережения или констатации возможности / невозможности:

— пословица *Don't bite the hand that feeds you* [16] (*Не кусай руку, которая тебя кормит*) актуализирует тактильную сенсорику кормления («рука») и болевую сенсорику укуса для выражения императива запрета на неблагодарность (деонтическая модальность), где телесный образ делает абстрактную моральную норму осязаемой и общепонятной [18];

— в основе идиомы *see eye to eye* [16] (русский эквивалент: *смотреть в одном направлении*) лежит когнитивная метафора «согласие — это совместный зрительный обзор» («*agreement is a shared visual field*»). Визуальный образ синхронизированного взгляда, сфокусированного на одном объекте, проецируется из сенсорного опыта в абстрактную концептуальную сферу, формируя значение полного согласия и взаимопонимания и выражая модальность согласия, единомыслия и возможности совместного действия (эпистемическая и интеракционная модальность);

— в высказывании *The spirit is willing, but the flesh is weak* [9] (русский эквивалент: *Дух бодр, но плоть немощна* (Матф. 26: 41)) модальность волеизъявления / намерения (*spirit is willing*) находится в оппозиции с модальностью неспособности / ограниченной возможности (*flesh is weak*). Этот контраст опирается на универсальный сенсорно-телесный опыт (соматический код) физического утомления и немощи, где компонент *flesh* («плоть») выступает как сенсорный референт, делающий абстрактное понятие внутреннего конфликта осязаемым и психологически достоверным.

3. В японском языке широко представлены культурно-специфическая локализация эмоций и воли в области живота (*хара*) и акцент на внутреннем состоянии / чувстве (*кокоро* — сердце-дух-разум), что определяет уникальную прагматику соматических пословиц, часто выражающих глубокие внутренние переживания, социальную гармонию или неизбежность:

— в идиоме 腹を割って話す [20] (*Hara o watte hanasu* — *Говорить, распоров себе живот*) используются соматизм «хара» и сенсорно-тактильный глагол «распороть» для выражения модальности предельной искренности и необходимости полного доверия, а физическая метафора вскрытия живота (места истинных чувств) становится прагматическим императивом откровенности [15];

— в пословице 目は口ほどにものを言う [21] (*Me wa kuchi hodo ni mono o iu* — *Глаза говорят не хуже рта*) демонстрируется опора на визуальную сенсорнику, когда глазам приписывается модальность способности к коммуникации, равной вербальной («рот»), что подчеркивает важность невербальных сигналов в японской культуре;

— выражение 泣く子と地頭には勝てぬ [23] (*Naku ko to jitō ni wa katenu* — *Плачущего ребенка и судью не победить*), хотя и не содержит прямого соматизма, но имплицитно отсылает к сенсорному опыту непрекращающегося плача ребенка и непререкаемой власти судьи, выражая модальность невозможности противостоять неоспоримой силе или неразумной, но настойчивой потребности [3; 12].

Прагматическая сила пословиц с соматическим компонентом заключается в их укорененности в лингвокультурологическом поле, где соматизмы функционируют как ключевые культурные концепты [13; 16]. Сенсорные ассоциации (боль, движение, тактильность, визуальный контакт, внутреннее напряжение / расслабление), сопровождающие телесный опыт, являются универсальной основой, обеспечивающей кросс-культурную узнаваемость базовых модальных смыслов [14]. Сенсорный образ физической боли в русском выражении *Достал до печёнок* [7] (модальность предельной негативной оценки и невозможности дальнейшего терпения), дискомфорта от укуса в английской идиоме *Bite the bullet* [14] (модальность необходимости терпения и стоицизма перед лицом трудностей) и ощущения внутреннего «переполнения» в японском выраже-

нии 腹の虫が治まらない [22] (*Hara no mushi ga osamaranai* — *Червь в животе не успокаивается*: модальность неконтролируемого гнева и утраты самообладания) — все эти соматические образы служат для вербализации абстрактной модальности, делая ее осязаемой и психологически достоверной.

Как очевидно, реализация этих сенсорно-модальных связей глубоко специфична: доминирующие соматизмы («сердце», «голова», «руки» / «ноги» в русском; «рука», «глаз», «спина» в английском; «живот», «глаза», «сердце»-*kokoro* в японском языке), их культурные коннотации (*hara* как центр личности в Японии) и характерные для языка модели метафорических переносов создают уникальное прагматическое пространство каждой лингвокультуры.

Анализ соматических пословиц в диахроническом аспекте демонстрирует явную устойчивость их прагматического потенциала, несмотря на изменения в языке и обществе. Телесный опыт как основа восприятия и категоризации мира остается константой человеческого существования. Пословицы, аккумулирующие этот опыт в сжатых, образных формулах, сохраняют свою актуальность как эффективные инструменты воздействия именно благодаря своей сенсорной нагруженности и связи с базовыми модальными смыслами. Так, например, в русской пословице *Береги платье снову, а честь смолоду* [5] соматизм «честь» воспринимается как нечто целостное и ценное, требующее бережности, подобно материальному объекту (платью). Эта метафорическая телесность, актуализируемая через глагол императива «береги», служит ключевым механизмом для передачи деонтической модальности — должностования постоянной заботы и сохранения нравственных устоев на протяжении всей жизни. Как очевидно, основная прагматическая нагрузка ложится на соматизированный образ чести в его противопоставлении вещественной ценности. Английское выражение *turn a blind eye* [16] (досл. «отвернуть слепой глаз»), восходящее к историческому эпизоду с адмира-

лом Нельсоном, эксплуатирует универсальную сенсорную зрению для выражения модальности намеренного игнорирования и допустимости невмешательства. В свою очередь, в японской пословице 初心忘るべからず [23] (*Shoshin wasuru bekarazu*, в более развернутом переводе — *Не забывай сознание новичка* или *Не теряй первоначальную чистоту помыслов* [3]), приписываемой мастеру театра Но Дзэами, используется соматически-духовный концепт «кокоро» (сердце / дух / сознание), обозначающий внутренний настрой. В сочетании с архаичной императивной формой запрета *bekarazu* этот соматизм передает непреходящую модальность необходимости сохранять первоначальные чистые помыслы [24].

Исследование прагматического потенциала соматических пословиц в русском, английском и японском языках подтверждает гипотезу о соматическом коде как универсальном, но культурно и типологически вариативном механизме репрезентации модальных значений. Лингвосенсорика предоставляет ключ к пониманию того, как телесный и сенсорный опыт (боль, движение, тактильность, зрительное восприятие, внутренние ощущения) становится основой для концептуализации и прагматически эффективной передачи абстрактных модальных категорий (необходимости, возможности, побуждения, оценки).

Осуществленный в ходе работы сравнительно-сопоставительный анализ выявил как общие закономерности (опора на универсальные сенсорные ассоциации для усиления прагматического воздействия), так и специфические черты лингвокультурной реализации соматических образов, обусловленные структурой языка и особенностями лингвокультурологического поля (доминирующие соматические концепты типа «хара» в Японии, оппозитивность в русских пословицах, практико-ориентированная метафорика в английских). Прагматический потенциал пословиц, содержащих соматические компоненты, детерминирован их сенсорной насыщенностью и укорененностью в коллективном телесном опыте, что обуслови-

вает их высокую коммуникативную эффективность и культурную устойчивость даже в условиях значительных языковых и социальных трансформаций. Универсальность соматической основы модальных значений обеспечивает кросс-культурную понятность базовых смыслов, тогда как культурно-типологическая специфика формирует уникальное прагматическое пространство каждого языка, что делает указанные паремиологические единицы перспективным объектом контрастивной лингвистики и лингвокультурологии.

Исследование подготовлено в рамках гранта Академии наук Республики Татарстан для молодых постдокторантов с целью дальнейшей защиты докторской диссертации.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография. М., 2008.
2. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.
3. *Конрад Н. И.* Большой японско-русский словарь : в 2 т. Т. 1. М., 1970.
4. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
5. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
6. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
7. *Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1988.
8. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2004.
9. *Cambridge Idioms Dictionary.* Cambridge, 2006.
10. *Gibbs R. W.* The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding. Cambridge, 1994.
11. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, 1987.
12. *Kindaichi H.* The Japanese Language. Tokyo, 1978.
13. *Lakoff G.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
14. *Manser M. H.* The Facts on File Dictionary of Proverbs. N. Y., 2002.

15. *Matsuki K.* Metaphors of Anger in Japanese // Matsuki K. *Language and the Cognitive Construal of the World* / eds. J. R. Taylor, R. E. Mac-Laury. Berlin, 1995. P. 137—151.

16. *Speake J.* *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. Oxford, 2015.

17. *Steen G.* From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps // Steen G. *Metaphor in Cognitive Linguistics* / eds. R. W. Gibbs, G. Steen. Amsterdam, 1999. P. 57—77.

18. *Sweetser E. E.* *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge, 1990.

19. *Wierzbicka A.* *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford, 1992.

20. 故事ことわざの辞典 [Koto Kotowaza no Jiten] / 編者小学館. — 東京:小学館, 2003.

21. 新明解故事ことわざ辞典 [Shinmeikai Koto Kotowaza Jiten] / 編者山田俊雄. — 東京:三省堂, 2015.

22. *Jardic Pro*: Японско-русский словарь [Электрон. ресурс]. Версия 1.3.2021. URL: <https://jardic.ru> (дата обращения: 18.06.2025).

23. *The Phrase Finder* [Электрон. ресурс] / ed. by G. Mason. 1997—2024. URL: <https://www.phrases.org.uk> (дата обращения: 18.06.2025).

24. *Warodai*: Русско-японский словарь [Электрон. ресурс] / ред. Б. П. Панкратов. Версия 3.0.2023. URL: <https://warodai.ru> (дата обращения: 18.06.2025).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

А. В. Петрухина, О. В. Трофимова

(Тюмень)

kosivets@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ДЕЛОВОМ ЭПИСТОЛЯРИИ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются функции усилительных и выделительно-ограничительных частиц в деловом эпистолярном тексте XVIII века. Методом сплошной выборки выявлены контексты употребления модальных частиц, проведен их контент-анализ. Установлено, что прагматический потенциал модальных частиц заключается в передаче точной информации, требований говорящего, что соответствует деловому характеру писем и позволяет реализовать речевые интенции субъектов коммуникации. С одной стороны, модальные частицы дают возможность говорящему выразить свое отношение к предмету речи, акцентировать внимание адресата на значимых аспектах делопроизводственной ситуации, с другой — помогают сформировать императивную модальность текста.

Ключевые слова: модальные частицы, объективная модальность, субъективная модальность, авторская модальность, говорящий, эпистолярный текст

В лингвистической литературе частицы рассматриваются в качестве грамматически вспомогательных компонентов, которые модифицируют высказывания в зависимости от коммуни-

кативных задач и установок партнеров по общению. В. В. Виноградов в работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» рассматривает частицы как «особый тип слов», «классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [2, с. 544]. Автор на материале художественной литературы выделяет восемь разрядов частиц в современном русском языке: 1) усилительно-ограничительные, или выделительные; 2) присоединительные; 3) определительные; 4) указательные; 5) неопределенные; 6) количественные; 7) отрицательные и 8) модально-приглагольные [2, с. 546].

Среди прагматических показателей, позволяющих охарактеризовать речевой портрет говорящего, следует выделить модальные частицы, которые, по мнению И. А. Нагорного, являются специализированными антропоцентрическими показателями, созданными «для экспликации авторских личностных смыслов» [4, с. 454]. Авторская модальность, как отмечает С. С. Ваулина, заключается «в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому — субъективной модальности» [1, с. 15]. Модальные частицы отражают прагматический уровень языковой личности, позволяют выразить как объективное, так и субъективное отношение говорящего к реальности, содержанию высказывания, адресату в конкретной ситуации общения.

Среди шести разрядов частиц в «Русской грамматике — 80» модальные частицы выделяются в отдельную группу наряду с формообразующими, отрицательными, вопросительными, характеризующими действие и частицами в репликах диалога. Авторы, исследуя материал художественной литературы, предлагают обобщенную семантическую классификацию модальных частиц, которые нашли отражение и в эпистолярных текстах XVIII века:

1) частицы, вносящие эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственные реакции говорящего (*же, именно, ли, лишь, только*);

2) частицы, устанавливающие разнообразные связи и отношения сообщения с его источником, с другими частями сообщения, с другими событиями и фактами (*де, только, якобы*) [5, с. 727].

Применительно к деловому эпистолярию XVIII века следует выделять функции модальных частиц, с помощью которых выражаются речевые намерения говорящего. Мы рассмотрим их на примере деловых писем заводовладельца Н. А. Демидова (1724—1786), одного из представителей металлургической промышленности на Урале во второй половине XVIII века. Копии рукописных материалов (около 500 писем) из Государственного архива Свердловской области были предоставлены доктором исторических наук А. С. Черкасовой (Екатеринбург, «Демидовский институт»).

Деловые письма Н. А. Демидова, адресованные обобщенному адресату (приказчикам) в Нижнетагильскую заводскую и Петербургскую домовую конторы, содержат исторические сведения об организации горнозаводского дела на Урале в 1770—1780-е годы и распоряжения Н. А. Демидова, представленные «сквозь призму» ярко выраженного субъективного начала индивидуальной воли адресанта — хозяина заводов. Экстралингвистический фактор определяет содержание писем — решение делопроизводственных вопросов, преследующее как личные, так и государственные интересы адресанта.

В деловых письмах Н. А. Демидова выделяются следующие разряды модальных частиц по функции, которую они выполняют в тексте:

1) усилительные: *же (ж, жь)* — 619, *даже* — 2;

2) выделительно-ограничительные: *только (толко, токмо)* — 298, *хоть* — 1, *хотя бы* — 17, *лишь* — 1;

3) вопросительные: *ли (ль, л)* — 208;

4) определительные, уточняющие: *именно (имянно)* — 113;

5) сомнительно-предположительные (по классификации И. А. Нагорного): *как бы* — 2, *авось* — 3, *едва ли* — 6, *будто (будьто)* — 7, *якобы* — 19, *де* — 33, *разве* — 6, *неужли* — 1.

Рассмотрим первые две группы частиц, наиболее употребительных в деловом эпистолярии. В Словаре русского языка XVIII века зафиксировано два значения частицы *же*:

I. Частица 1. усилит. Усиливает, выделяет, подчеркивает слово, к которому относится <...> с повел. Для усиления побуждения, просьбы, пожелания. В вопрос. предложении, ритор. вопросе, восклицании. После мест. для подчеркивания его смысла; в знач.: именно <...> 2. Уточняет сопоставление, сравнение с чем-л.; в знач.: тоже, также, такой же. <...> При повторении того же слова. <...> После мест. и местоименных нареч. указывает на совпадение, тождественность, одинаковость. После мест. и местоименных нареч. для указания на развитие, сосредоточение действия в пределах одного места, пространства, времени. Сразу, тотчас, незамедлительно [7].

Словарная статья показывает различные функции частицы *же*, которые она выполняет в зависимости от части речи, к которой примыкает.

Модальная частица *же* употребляется в письмах Н. А. Демидова для повтора субъекта / объекта речи после личных или указательных местоимений, существительных, а также служит для уточнения, усиления утверждения или требования:

Десеть репортвъ оной канторы, отъправленные при росписи отъ 4-го ч. ноября, и со щетами о истинныхъ цѣнахъ дѣланнѣмъ при заводахъ в адмиралтейство якорямъ, о главномъ приходе и расходе д[e]н[e]гъ за прошлой “774” годъ, и вѣдомость о истинныхъ **же** цѣнахъ чугуну, жѣлезу, и протчимъ припасамъ за тот же “774” годъ, и репорты заводскихъ расходчиковъ о приходѣ и расходѣ д[e]н[e]гъ, и копии с разныхъ щетовъ, прошение той канторы прикащика Григорья Бѣлова, и репортъ отъ него **жѣ** Белова отъ 12-го ч. того **жѣ** ноября изъ Екатеринбургa, и репорт **же** караваннаго прикащика Семена Брѣдехина с медною рудою, получены (19.12.1775) [3, л. 20—22 об.].

Как очевидно, модальные частицы в тексте являются элементами, корректирующими смысл высказывания, конкретизирующими субъект или объект речи, признак предмета, а также побуждающими в мягкой форме к выполнению приказа: «а притом примечать не упущено **жь** было для разныхъ сортовъ по раздвигше валовъ у шестерень в запасъ зубцы бѣ были подлиннѣе» (27.01.1776) [3, л. 23—24] (в значении «не упустить»). После инфинитива частица *же* способствует реализации побудительной тональности текста: «А притомъ непременно зделат **же** самоверное и окуратное счисление будет ли от того выгода» (31.08.1775) [л. 50—51]; «валы **же** те прочности ради обварить вокругъ укладомъ, и точениемъ в окуратность привести» (27.01.1776) [3, л. 23—24].

Для введения новой темы частица *же* используется в составе конструкции *что же (касается до...)*: «что **же** касается до расходчиковъ при заводахъ моихъ чтоб д[е]нгамъ напрасной траты и начетовъ на нихъ не было в томъ поступать по учреждению моему въ 1771-м году посланному, в которомъ обо всемъ томъ пространно воля моя описана» (21.03.1774) [3, л. 17—17 об.]. В позиции после условно-временных союзов частица *же* помогает прогнозировать план будущих действий: «когда **же** зачемъ ко отъправлению въ нынешнемъ караване зделать не успѣется то исправя прислать в будущемъ 1777-м году на караване **жь** непременно» (27.02.1776) [3, л. 31—31 об.].

Таким образом, усилительная частица *же* является неотъемлемым компонентом делового дискурса Н. А. Демидова, используется в эпистолярных текстах в высказываниях констатирующего и директивного характера, выполняет функции уточнения, конкретизации, противопоставления, выделения как старой, так и новой информации.

На втором месте по частотности употребления находится группа ограничительно-выделительных частиц *только, хоть (хотя)*, основное прагматическое назначение которых состоит в акцентировании внимания адресата на объектах, признаках предмета, действиях, которые с точки зрения говорящего яв-

ляются важными при решении вопросов, связанных с выдачей жалованья, обменом денег, изготовлением железа и другой металлургической продукции:

А будеть ходить в бороде и в рускомъ платье за то ево упрямство производить ему **только** половинной оклад жалованья доколе онъ в томъ упрямстве пробудеть (02.01.1774) [3, л. 3—3 об.];

...а каковы здесь покупателямъ на два надежныя канторы о сортовомъ и о протчемъ железа записи даны и с какою ценою со оныхъ для знания посылаютца копии из чего и можете видеть что и от него убытка не будѣтъ. **Толко** чтоб исправное въ доброте и мягкости своей было (13.01.1774) [3, л. 8—8 об.].

В Словаре Академии Российской (САР) слово *только* (*токмо*) относится к наречиям: «1) Количества: лишь. Одних только рубль заплатилъ. 2) Времени. Онъ только пришелъ. Онъ только хотѣлъ говорить» [6, с. 167]. Контексты употребления частицы *только* на материале эпистолярных текстов позволяют расширить спектр значений. При сочетании с инфинитивом частица *только* уточняет побудительную модальность, подчеркивает объект действия:

Чего ради такая каменная наливныя полы и зделать **только** в однихъ олтаряхъ, а в церквахъ для прочности (полы) выслать по кирпичю такими узловатыми чугунными досками (14.01.1774) [3, л. 10];

...и дать мне знать своимъ представлениемъ обо всемъ обстоятельно, з доставлениемъ ближе от проварности мяхкова железа нежели умножать **только** пустой вес сыроломныхъ полось (19.03.1774) [3, л. 16—16 об.].

В сочетании с подчинительными союзами *чтобы*, *дабы* и с частицей *бы* частица *только*, *лишь* приобретает прагматическое значение желательности: «и отнюдь того не делать дабы **только** въключить въ служители, хотя онъ мне и не нужень былъ, **лишь** бы мое жалованье получалъ» (01.04.1775) [3, л. 28—29 об.].

При постановке сразу после прилагательного частица может разрывать согласованную связь прилагательного и существительного в целях конкретизации признака в прагматической части письма:

Пред симъ во оную кантору хотя и писано было от меня чтобъ репорты присылать прямо сюда в Петербургъ а не чрезъ московскую кантору сие разумеетца исполнять на н[ы]нешней **только** случай (19.03.1774) [3, л. 15].

Слово *хотя* (*хоть*) в САР представлено только в значении уступительного союза, «после которого следуют но, однако» [6, с. 576]. Помимо данной функции служебное слово *хотя* в деловом эпистолярном функционирует в роли ограничительной частицы, а в сочетании с частицей *бы* (17 примеров) приобретает значение желательности как для заводовладельца, так и для других участников коммуникации.

Ограничительная частица *хоть* употребляется в желательном значении в контекстах приобретения редких, эксклюзивных вещей, транспортировки угля, руды, определения качества изготовления железной руды:

А наипаче гдѣ способно найти изъ крутой звивательныхъ большихъ туриных, или отъ большихъ же нагорныхъ дикихъ баранов, тоже **хоть** пару роговъ; а при оныхъ еще отменной величины и мамантовой зубъ (03.01.1779) [3, л. 10].

Таким образом, если в исторических словарях отсутствуют сведения о выделительно-ограничительных частицах, то наш материал позволяет дополнить имеющиеся словарные статьи и сделать предварительный вывод о текстообразующей функции модальных частиц в структуре делового письма. Функционирование в эпистолярных текстах выделительно-ограничительных частиц способствует реализации объективной модальности, представленной в значениях реальности и ирреальности: частица *только* доминирует в директивных высказываниях, конкретизируя императивную тональность высказывания; в

сочетании с формообразующей частицей *б* и союзом *чтобы* частица *только* приобретает значение желательности. Частица *хоть* (*хотя*) указывает на явное авторское присутствие Н. А. Демидова при составлении письма, его заинтересованность в приобретении редких вещей, а также модальный план желательности исполнения приказаний хозяина.

Анализ деловых эпистолярных текстов Н. А. Демидова показал, что модальные частицы выполняют самые разные информативные и прагматические функции, позволяют автору письма (говорящему) оформить свою точку зрения, оказать прагматическое воздействие на адресата — побудить его к точному, немедленному выполнению предписаний. При реализации информативно-оценочной функции в тексте делового письма усилительные и ограничительно-выделительные частицы концентрируют внимание адресата на существенных, важных с точки зрения говорящего фактах, событиях, конкретизируют волеизъявительный предикат, субъект или объект речи.

Список литературы

1. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8 : Сер. Филологические науки. С. 8—13.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001.
3. Демидов Н. А. (1774—1779). Письма // ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 207.
4. Нагорный И. А. Русские модальные частицы и языковая личность говорящего // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. X междунар. науч.-практ. конф. (8—11 июня 2016 г.) : в 2 т. Симферополь, 2016. Т. 2. С. 454—461.
5. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1.
6. Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. VI.
7. Словарь русского языка XVIII в. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 21.10.2025).

Е. В. Зубрицкая
(Калининград)
ezubritskaya@kantiana.ru

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ МОДАЛЬНОСТИ НЕОБХОДИМОСТИ / ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу категории модальности в лингвистике с акцентом на значениях необходимости и долженствования в русском и польском языках. Сравнительный анализ показывает, что языковые средства влияют в том числе на теоретическое осмысление модальности. Отсутствие четкой дифференциации средств выражения модальности необходимости и долженствования в русском языке дает основания для их интерпретации в едином поле дебитивной модальности.

Ключевые слова: модальность необходимости / долженствования, внутренняя / внешняя необходимость, средства экспликации

Модальности, включающей в себя значения возможности, необходимости, желательности и действительности, исследователи дают различное наименование. С. С. Ваулина предлагает название «ситуативная модальность», Г. А. Золотова — «внутрисинтаксическая модальность», И. Пете — «предметная модальность» и т. д. Предложенный С. С. Ваулиной термин «ситуативная модальность» отражает семантику данной категории, поскольку в нем отражается оценка ситуации с точки зрения ее необходимости, возможности, желательности или достоверности.

Точки зрения лингвистов в отношении специального обозначения модальности необходимости / долженствования различаются. Одни считают, что необходимость и долженствование

ние — понятия синонимичные, ибо выражаемая этими близкими по смыслу разновидностями модальности семантика позволяет приравнивать их друг к другу. Оба значения передают, согласно А. В. Бондарко, С. Н. Цейтлин, Е. А. Хузиной и другим ученым, «безальтернативное и неперенное превращение потенциального в актуальное» [6, с. 148].

Другие исследователи усматривают кардинальное отличие между данными категориями. Они утверждают, что следует разграничивать необходимость и долженствование и выстраивают различные концепции соотношения между ними. Так, Т. В. Романова считает, что семантика необходимости шире семантики долженствования, поскольку долженствование ограничивается только моральной необходимостью. В работах других ученых подчеркивается многообразие значений необходимости, которая подразделяется на «вынужденность выполнения действия; неизбежность выполнения действия; долженствование; потребность в выполнении действия» [5, с. 236]. В. А. Альшевская и Е. В. Медведева утверждают, что внешняя необходимость (долг) предполагает наличие определенных норм и обозначает вынужденность выполнения общепринятых законов, подчиненность одного субъекта волеизъявлению другого. Долженствование (или деонтический долг) является частью категории необходимости, которую авторы трактуют в качестве инвариантной. Внутренняя же потребность зависит от душевного состояния человека, физиологических потребностей, личного интереса [1, с. 225].

С. С. Ваулина описывает данные значения в рамках общего модального микрополя необходимости, поскольку в русском языке модальные значения необходимости и долженствования могут сильно сближаться, вплоть до пересечения посредством использования идентичных экспликаторов со значениями указанных микрополей: *надо, нужно, необходимо, должно (должен), обязан* и т. д. [2, с. 59].

Сравнительный подход к способам выражения значения необходимости и долженствования в других языковых системах, к примеру в польском языке, позволяет говорить о том,

что дифференциация этих значений зависит от особенностей их экспликации в конкретных языках, то есть язык во многом «навязывает» ту сетку координат, в которой происходит осмысление необходимости как продиктованной внешними обстоятельствами или нормами и принципами поведения в конкретном обществе в конкретный исторический период времени.

Разделение на внутреннюю (моральную) и внешнюю необходимость в большей степени выражено в лексических средствах польского языка. В русском языке подобное четкое разграничение отсутствует, необходимость / долженствование представлено в равной степени с помощью предикатов *должен, обязан, нужно, необходимо, надо* и т. п.

В польском языке глагол *musieć* и предикатив *powinien* дифференцированы в большей степени. Даже во внутренней форме этих двух лексем уже закодировано значение принуждения — *mus* как внешнее принуждение и значение вины или повинности в предикативе *powinien*, то есть внутреннего долга. Глагол *musieć* заимствован из немецкого языка, на что, к примеру, указывает автор Этимологического словаря польского языка Веслав Бoryсь:

Zapóżylenie ze stwniem. muozan ‘móc, śmieć’ (dziś niem. müssen ‘musieć’, por. ang. must). Związany z tym rzecz. mus ‘konieczność działania, przymus, potrzeba’, zapóżyzony z niem. Muß ‘(nieodzowna) konieczność, mus, przymus’. — Заимствование от староверхненем. muozan ‘мочь, сметь’ (сейчас нем. müssen ‘быть вынужденным’, ср. англ. must). Связанное с этим существительное mus ‘обязательность действия, принуждение, потребность’, заимствовано от нем. Muß ‘(неоспоримая) необходимость, принуждение’ [8, s. 343].

Слово же *powinien* имеет исконно славянское происхождение, оно образовано от существительного «вина», само по себе обозначающего внутреннее психологическое состояние человека.

Станислав Шобер определяет значение слова *powinien* как «внутреннюю нравственную необходимость, то есть обязанность, к выполнению которой нас никто не принуждает, которую мы выполняем с нравственной свободой» [11, s. 357]. Говорящий, таким образом, выражает свое мнение о том, как (исходя из его представлений) следует поступить в той или иной ситуации. Например, адресат высказывания *Nie powinnaś się tak zachowywać* (Ты не должна так себя вести) может вести себя как угодно, ничто напрямую не ограничивает для него выбор поведения, но говорящий убежден в том, что определенные действия недопустимы с моральной точки зрения.

Богуслав Дунай выделяет еще одно значение: «*powinien* служит для выражения необходимости соответствия определенным критериям» [10, s. 781], ср.: *Zupa powinna być gorąca* (Суп должен быть горячим). Говорящий подчеркивает, что событие может произойти в определенное время, в определенном месте, определенным образом и т. д., например *Silnik powinien pracować cicho* (Двигатель должен работать тихо).

Предикатив *powinien* также используется для выражения ожидания, что какое-либо событие произойдет, вероятности, что что-то случится [12, s. 803], например *Powinien zaraz wrócić* (Он должен сейчас вернуться), хотя нельзя не заметить, что гораздо чаще в этой ситуации используется глагол *mieć* (иметь).

Предложения с предикативом *powinien* всегда, согласно А. Блахович-Вольны, выражают позицию говорящего, которая оказывается подкрепленной не внешними обстоятельствами, а внутренними побуждениями адресанта [7, s. 46].

Многие польские исследователи обращают внимание на регулярное использование предикатива *powinien* в текстах нормативных актов или не закрепленных юридически предписаний. Так, он четырежды фигурирует в статьях 17, 54 и 146 Конституции Республики Польша, в то время как глагол *mieć* встречается в Конституции один раз [9, s. 256—257].

Как отмечает Ст. Шобер, «*musieć* означает внешнюю материальную необходимость, которой никто не может противостоять» [11, s. 202], например *Muszę się pożegnać, bo mój pociąg odjeżdża za pół godziny* (Я вынужден попрощаться, так как мой поезд отходит через полчаса).

В отличие от слова *powinien*, при использовании которого у адресата есть определенный выбор, следовать ли указаниям, при использовании глагола *musieć* выбор исключен: адресат должен исполнить то, что от него требуют, невыполнение станет нарушением. Например, *Pan musi chwilę poczekać: pan dyrektor jest zajęty* (Вам придется минутку подождать: директор занят).

Таким образом, при анализе различных типов дебитивной модальности представляется обоснованным учитывать средства экспликации в различных языках, которые позволяют делать вывод о том, что в русском языке не существует четкой их дифференциации, в то время как в польском языке разделение на модальность долженствования и необходимости является более выраженным.

Список литературы

1. Альшевская В. А., Медведева Е. В. Типы каузаторов в семантической структуре высказываний со значением необходимости (на материале французского языка) // Вопросы общего языкознания, семиологии и лингвистики текста. Чебоксары, 2019. С. 221—225.
2. Ваулина С. С. Ситуативная модальность в аспекте семантико-функционального синтаксиса // Филология на стыке научных эпох : сб. ст. памяти доктора филологических наук, профессора Анатолия Михайловича Ломова. Воронеж, 2020. С. 58—65.
3. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Оценки и ценности в современном научном познании : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 3—10.
4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 2009.
5. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность : монография. Н. Новгород, 2008.

6. *Хузина Е. А.* Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №8. С. 147—152.

7. *Blachowicz-Wolny A.* Wyrażanie modalności w języku chorwackim, serbskim i polskim. Podobieństwa i różnice leksykalnych czasownikowych wykładników modalności // Poradnik językowy. Warszawa, 2021. Z. 2. S. 43—57.

8. *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

9. *Kotin M., Montusiewicz P.* Modalność deontyczna w angielskiej, polskiej i rosyjskiej wersji powszechnej deklaracji praw człowieka // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2022. №13 (1). S. 251—272.

10. *Słownik współczesnego języka polskiego* / red. B. Dunaj. Warszawa, 1996.

11. *Szober S.* Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa, 1948.

12. *Uniwersalny słownik języka polskiego* / pod red. S. Dubisza. T. 3. Warszawa, 2003.

К. А. Гинина
(Саратов)
ginina-k@mail.ru

РЕЧЕЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема реализации вопросительно-побудительной модальности в русле теории речевых жанров. Особенности воплощения данного типа модальности раскрыты на материале дружеской коммуникации в интернет-среде. Анализируется неформальная переписка, что дает возможность изучить как средства речевого воздействия, так и способы минимизации коммуникативных рисков. На основании проведенного исследования делается вывод об особенностях речевой и языковой реализации вопросительно-побудительной модальности.

Ключевые слова: вопросительно-побудительная модальность, речевой жанр, речевые стратегии, интернет-дискурс, воздействие, коммуникативные риски, неформальная коммуникация

Высказывания, характеризующиеся императивной модальностью, реализуются в потоке речи в императивных речевых жанрах. Внутри них можно выделить особую группу жанров, специфика которых определяется полимодальностью их элементов.

Так, вопросительно-императивные конструкции сочетают в себе каузирование действия адресантом и желание узнать необходимую информацию. Стратегии, задействованные при построении и воплощении элементов группы вопросительно-императивных жанров, показывают, что молодое поколение активно использует подобные конструкции для создания условий успешной коммуникации посредством учета эмоциональных и социально-культурных контекстов.

Рассматривая высказывания с вопросительно-побудительной модальностью, можно говорить не только о «приоритете директивной составляющей по отношению к вопросительной в вопросительно-побудительных высказываниях» [2, с. 109], но и о том, что в них «побудительная интенция выражена со значительно большей иллюкутивной силой» [Там же, с. 111].

При этом интеррогативная форма становится «определяющим формальным элементом, обуславливающим особую функциональную семантику» [Там же, с. 110] вопросительно-императивных конструкций, так как через нее адресант, формально снижая категоричность прямого воздействия на адресата, предоставляет ему возможность самостоятельно принять решение о совершении заданного действия. Важно подчеркнуть при этом диалогически ориентированную специфику вопросительно-императивных высказываний, обеспечивающую не только широкий ряд коммуникативных ситуаций, в которых эти конструкции могут функционировать, но и возможность учета их прагматических аспектов (установки адресанта, образа адресата, отношения к нему говорящего, речевого воздействия и т. д.). Следовательно, можно говорить об определенном наборе речевых форм, выбор которых зависит от преследуемых адресантом коммуникативных целей.

Так, на основе функционально-семантических особенностей рассматриваемых конструкций можно выделить речевые жанры, обслуживающие высказывания с вопросительно-побудительной модальностью. Среди них назовем реквестив, суггестив и прескриптив. Необходимо обратить внимание на то, что в неформальной коммуникации, представленной в интернет-общении молодого поколения, последний тип высказываний наименее употребителен. Именно в нем более отчетливо по сравнению с суггестивами и реквестивами выражается категоричность, присущая прямым императивам, что повышает риск коммуникативной неудачи в дружеском общении. Хотя прескриптив формально воплощается не директивным ука-

занием, а фиксируется в сознании адресата в интеррогативной форме, семантически интенсивность речевого воздействия возрастает.

Реквестив-просьба подразумевает совершение слушающим действия в пользу говорящего, задавшего это действие в высказывании, при этом, по мнению Е. В. Рагозиной, «адресант... не имеет никаких прав и может рассчитывать лишь на добрую волю партнера» [3, с. 152]. В результате интенсивность иллокутивной силы прямой императивной конструкции в жанре просьбы в реквестивных конструкциях намеренно снижается: адресант сообщения оказывается в невыигрышной коммуникативной позиции. Это заставляет говорящего прибегать к средствам снижения императивного давления, чтобы «обеспечить успешность столь деликатного директивного акта и добиться желаемого перлокутивного эффекта» [1, с. 92].

Адаптация речевых жанров к специфике интернет-общения создает уникальные условия для реализации вопросительно-побудительных высказываний. В условиях дистантного общения наиболее успешными оказываются такие способы реализации, которые одновременно влияют на эмоциональную вовлеченность адресата в обозначенное действие и смягчают побуждение предварительно или впоследствии.

Так, одним из механизмов, влияющим на успешную реализацию вопросительно-императивной конструкции, служит структурное расположение элементов высказывания, когда, например, данная конструкция занимает в нем финальное место. Этому может предшествовать ряд вопросов, вводимых адресантом для выяснения возможности реализации вопросительно-императивных конструкций:

А: К., добрый вечер

А: Ты завтра ко сколько собираешься идти?

Б: здравствуй. к 8

А: КороЧе

А: Ты можешь каким-то образом (чудесным) застолбить мне место за собой?

А: Если я позже приеду²

В подобных коммуникативных ситуациях адресант может эксплицитировать название речевого жанра, который намеревается реализовать, тем самым подготавливая собеседника к восприятию воздействия:

А: я прошу прощения

А: но **у меня к тебе просьба**

А: у тебя принтер рабочий?

Б: да

А: сможешь распечатать мне к завтрашнему дню ответы по культуре?

Б: конечно

Б: скидывай, что надо

Размещая вопросительно-императивную конструкцию в конце высказывания, говорящий, с одной стороны, формирует у адресата поле восприятия побуждения задаваемыми вопросами. Таким образом, происходит настройка собеседника на дальнейшее воздействие, задается контекст, который раскроется при реализации реквестивной конструкции.

С другой стороны, обрабатывая ответы, адресант получает возможность регулировать содержание императива, средства усиления его интенсивности и способы минимизации рисков. Возможны случаи, когда после уточняющих вопросов адресант способен осознать, что реализация реквестива будет неэффективной:

А: Такой вопрос. У тебя же плойка есть?

Б: Неа.

Б: Была когда-то, но я маме отдала.

² Здесь и далее примеры из личной интернет-переписки приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Б: А что?

А: Ааа, тогда уже ничего

А: **Хотела спросить, сможешь ли ты одолжить мне ее перед вручением.**

При ином композиционном построении высказывания конструкция ставится говорящим в начальную позицию. В таких случаях императивная модальность наращивает свою иллюкутивную силу через различные средства убеждения.

Это может быть описание обстоятельств, инициировавших появление коммуникативной ситуации:

А: Привет

А: Слушай, а можешь залить в какой-нибудь яндекс диск фото с экскурсии или что-то вроде?

А: **Р.А. попросила фото отправить на почту, спросила, есть ли там фото, где хорошо видно школьников** хд

Б: привет, да, конечно, сделаю

А: Спасибо!!

В представленном примере продуцент побудительного высказывания вводит в контекст реквестива третье лицо, которое не только непосредственно связано с самим каузируемым действием, но и является авторитетным для продуцента. Подобный механизм снижает риск отказа за счет переноса внимания адресата на статусность источника побуждения.

Рискогенность вопросительно-императивных конструкций наиболее заметно проявляет свой потенциал именно в открытом для собеседника пространстве возможности выбора, которым характеризуются реквестивы, суггестивы и прескриптивы. Следовательно, продуценту необходимо усиливать иллюкутивную силу иным способом, чтобы у слушателя, с одной стороны, не возникло желание дать отказ, а с другой — появилось стремление реализовать коммуникативные ожидания собеседника. Выходом из положения может стать инициированное адресатом предложение альтернативы, что нельзя в пол-

ной мере рассматривать как достижение первоначальной цели говорящего, однако нельзя и считать отказом, то есть такая коммуникация может быть названа успешной.

Таким образом, вопросительно-побудительная семантика воплощается в речи с помощью особой группы императивных речевых жанров. Форма вопросительно-императивных конструкций способствует реализации в высказывании полимодальной коммуникативной стратегии, которая сочетает в себе директивные и иллокутивные функции, обеспечивая гибкость и диалогическую ориентированность в различных речевых жанрах, особенно в условиях интернет-коммуникации. Анализ семантико-функциональных особенностей таких конструкций выявляет их роль в создании прагматических условий для снижения конфликтности и повышения вероятности успешной реализации коммуникативных целей посредством использования структурных и языковых средств.

В условиях коммуникации, в которой собеседники разделены временем и пространством, вопросительно-императивные конструкции позволяют регулировать уровень императивности, что способствует более эффективному и адаптивному воздействию. В результате вопросительно-побудительная модальность выступает важным инструментом современного речевого взаимодействия, обогащая его прагматическую и жанровую вариативность, а также усиливая потенциал межличностного взаимодействия в цифровом пространстве.

Список литературы

1. *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж, 1992.
2. *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка* : монография. Калининград, 2018.
3. *Рагозина Е.В.* Модальность вопросительных предложений в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.

Н. Б. Усачева

(Курган)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗОК, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Анализируются способы выражения субъекта фразеологических связей, имеющих модель простого предложения. Фактический материал показывает, что субъект может быть выражен родительным, дательным и винительным падежами с субъектным значением. Отмечаются случаи употребления фразеологических связей исследованной структуры без обозначения субъекта, что не препятствует реализации основных функций связки.

Ключевые слова: фразеологическая связка, глагольный и именной компонент, модальность, субъект, модель предложения

Фразеологические связки — грамматические единицы языка, выражающие отношение говорящего лица к процессам, которые обозначаются глаголами и процессуальными фразеологизмами в форме инфинитива. Важнейшая функция фразеологизмов-связок — выражение грамматических категорий лица, наклонения и времени, содержательно принадлежащих инфинитиву основной части сказуемого, называемому действию, о котором идет речь в предложении.

С точки зрения структуры фразеологические связки могут быть двух типов: большинство построено по модели словосочетания, меньшая часть — по модели предложения. Данное структурное отличие обуславливает разницу в функционировании этих типов.

Наиболее характерный способ употребления связочного фразеологизма, построенного по модели словосочетания, — в качестве части сказуемого двусоставного предложения. В этом случае отчетливо и явно проявляются функции, связи и индивидуальное фразеологическое значение единицы. Связка выражает отношение предмета и его признака и служит средством передачи предикативных значений лица, времени, наклонения, ее глагольный компонент является носителем информации, связанной с модально-временным планом высказывания, а именной передает модальное значение, например: «При первом же знакомстве она **выразила желание** приехать к Латыгину, чтобы он сыграл что-нибудь для нее одной» [2, с. 23]. Фразеологизм-связка «выразить желание» устанавливает отношение между субъектом («она», то есть Ада — Н. У.) и предикатом («приехать»), глагольный компонент в форме 3-го лица изъявительного наклонения прошедшего времени является средством передачи предикативного значения, в то время как именной компонент характеризует действие как ирреальное, желательное.

Однако если фразеологическая связка построена по модели предложения и позиция подлежащего «занята» именным компонентом, то связочный фразеологизм сохраняет способность передавать в скрытом виде логическую связь между субъектом и предикатом, которую говорящий квалифицирует как возможную, желательную, необходимую и т. д. С. С. Ваулина справедливо замечает, что «в процессе порождения высказывания говорящий непроизвольно накладывает на ту или иную содержательную структуру объективной модальности свое представление о ней, формируя при этом субъективный план модальности» [5, с. 9]. Именно говорящий определяет действие, названное инфинитивом основной части сказуемого, как потенциальное, еще не совершенное субъектом. Субъект в этом случае может как быть непосредственно назван в предложении, так и только подразумеваться.

По данным нашей картотеки, есть несколько способов выражения субъекта фразеологических связей, построенных по модели предложения.

1. Дательный падеж имени, например:

«Не говори, не говори ничего! Если бы **бог дал мне** только сказать так, как я чувствую» [12, с. 463]; «И это **бог положил мне на душу** тебе это сказать, хотя бы ты с сего часа навсегда возненавидел меня...» [7, с. 93]; «Хорошо, хорошо, — фальшиво-ласково говорил Берлиоз и, подмигнув расстроенному поэту, *которому* вовсе **не улыбалась мысль** караулить сумасшедшего немца, устремился к тому выходу с Патриарших, что находится на углу Бронной и Ермолаевского переулка» [3, с. 48]; «Однако *ему* **пришло время** возвращаться в заоблачный дворец, и прилететь в любимый магазин он смог только через много лет» [9, с. 308]; «Итак, *мне* **выпала** высокая **честь** объявить вам, что с этой минуты можете считать себя арестованным» [10, с. 222].

Дательным падежом назван субъект, который производит активное действие или испытывает соответствующее состояние. Субъектное значение свойственно в русском языке дательному падежу и в страдательных конструкциях, и в безличных предложениях.

2. Родительный падеж имени, например:

«Давеча, действительно, — обратился к ней князь, несколько опять одушевляясь (он, казалось, очень скоро и доверчиво одушевлялся), — действительно *у меня* **мысль была**, когда вы у меня сюжет для картины спрашивали, дать вам сюжет: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще он на эшафоте стоит, пред тем как ложиться на эту доску» [8, с. 65]; «Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчиненным не было — в этом я положительно убежден, и как *у вас* **рука поднялась** такую клевету написать?» [8, с. 276]; «Когда-то *у ней* **была слабость** поверить, что взгляд ее необыкновенно эффектен; это убеждение осталось в ней неизгладимо» [8, с. 52].

Формой родительного падежа обозначается активный субъект, принявший решение, а действие, которое он совершает, часто относится к плану прошлого и характеризуется как завершенное.

3. Винительный падеж имени, например:

«Была минута, в конце этого длинного и мучительного пути с Петербургской Стороны, когда вдруг неотразимое **желание захватило князя**, — пойти сейчас к Рогожину, дожидаться его, обнять его со стыдом, со слезами, сказать ему всё и кончить всё разом» [8, с. 236]; «**Желание** изболтать злодеев **душило администратора**, и, как это ни странно, в нем зародилось предвкушение чего-то приятного. Так бывает, когда человек стремится стать центром внимания, принести куда-нибудь сенсационное сообщение» [3, с. 123]; «Давно, кума. Знаете, с каких пор? С того дня, когда мы с вами ни с того ни с сего крестили у Савельевых, — не понимаю, какая **нелегкая дернула их** позвать крестить именно нас с вами...» [4, с. 196].

Субъектное значение не характерно для винительного падежа, часто оно совмещается с объектным, и в предложениях такого типа речь идет о состоянии, которое испытывает человек (люди).

Кроме того, встречаются предложения, в которых субъект подразумевается, но не имеет эксплицитного выражения. Л. В. Попова, анализируя соответствующий лексический материал, замечает: «Отсутствие позиции подлежащего не означает отсутствие логической связи между субъектом и его предикативным признаком. В односоставных предложениях связка сохраняет и квалифицирующую функцию, однако особенности представления субъекта ограничивают разнообразие связочных значений» [11, с. 533]. Такая же закономерность наблюдается во фразеологических связках: если субъект не назван, сужается круг передаваемых связкой значений, и в основном в подобных случаях речь идет о модальной семантике желательности, возможности, необходимости, например:

«И вот где-то здесь, в момент, когда происходило увеличение глав и четвертая глава становилась третьей (это случилось в середине 1912 года), в сознании Белого, очевидно, и **возникает желание** придать названиям глав авантюрно-приключенческий характер» [6, с. 232]; «Почувствовали себя за ужином близкими, говорили без конца, удивились, когда **настал час** расставаться...» [4, с. 242]; «Старый мастер дед Иван встал и пошел к Барби с линейкой, поскольку **настало время** вырезать педали для музыкального инструмента — точно по ее ноге» [9, с. 317].

Несмотря на отсутствие подлежащего, фразеологическим связкам, построенным по модели предложения, удастся охарактеризовать модально-временную отнесенность предложения и передать необходимые модальные разновидности семантики, о чем образно говорит Н. Д. Арутюнова: «Связка членит высказывание на составы. Соединяя, она разделяет, а разделяя, властвует. Если сама связка подчинена модусу утверждения, то в ее подчинении находится весь модальный комплекс» [1, с. 152].

Таким образом, субъект фразеологизмов-связок, построенных по модели предложения, в которых позицию бывшего подлежащего занимает именной компонент фразеологизма, может быть выражен формами косвенных (родительного, дательного, винительного) падежей с субъектным значением или восстановлен в соответствии с определенным контекстом и ситуацией.

Список литературы

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. *Брюсов В. Я.* Моцарт. М., 2008.
3. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М., 2019.
4. *Бунин И. А.* Темные аллеи. М., 2022.

5. *Ваулина С. С.* Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8 : Филологические науки. С. 7—12.

6. *Долгополов Л. К.* Белый и его роман «Петербург». Л., 1988.

7. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Собр. соч. : в 9 т. М., 2004. Т. 8.

8. *Достоевский Ф. М.* Идиот. М., 1971.

9. *Петрушевская Л. С.* Маленькая волшебница. М., 1997.

10. *Пикуль В. С.* Честь имею. М., 1990.

11. *Попова Л. В.* Позиция связки в структуре предложения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 531—535.

12. *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Л., 1969.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

А. В. Кузнецова
(Ростов-на-Дону)
avkuznetsova@sfedu.ru

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена обоснованию категориального статуса авторской модальности в координатах восприятия и интерпретации комплекса смыслов художественного текста. На материале текста повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» доказано, что авторская модальность «рамки» текста имплицитна, а ее категориальный статус обусловлен в «рамочных» структурах прагмасемантическими особенностями этого вида модальности, реализуемыми на всех текстовых уровнях.

Ключевые слова: художественный текст, семантическое пространство, авторская модальность, декодирование смыслов, рецептивно-интерпретативная деятельность читателя

Динамическое развитие функциональной семантики и лингвопрагматики обуславливает растущий интерес исследователей к модальности, обозначившийся в последние десятилетия. Модальность, являясь коммуникативно-прагматической и семантической категорией, определяет соответствие смысловой структуры высказывания объективной действительности

сти. Текст мыслится современной наукой о языке как результат речемыслительной деятельности языковой личности, в связи с чем закономерно и особое внимание к текстовой модальности, которая способна отразить оценочность индивидуально-авторской картины мира [9]. Мы согласны с С. С. Ваулиной в том, что «категория авторской модальности в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [4, с. 9].

Сопоставление эксплицитных и имплицитных маркеров объективной и субъективной модальности в семантическом пространстве текста обеспечивает корректное декодирование текстовых смыслов. Субъективная модальность — это прежде всего модальность авторская, которая позволяет автору выразить собственную концепцию мира, мнения, оценки и систему ценностей, определяющие его отношение к конкретной текстовой информации.

Художественный текст характеризуется функционированием авторской модальности [2; 3]. Лингвистика пока не располагает таким определением этого сложного феномена, в котором учитывались бы все его стороны. В настоящее время существуют два вектора понимания авторской модальности — узкий и широкий. Авторская модальность в узкой трактовке представляет собой «воплощение авторской интенции» [1, с. 210], что способствует установлению связей авторской модальности с образом автора, но не позволяет учесть «модальные (интенциональные эмотивные смыслы в структуре образа автора)», «диктальные (эмотивные смыслы в структуре образа персонажа)» и «экстенциональные (эмотивные смыслы, введенные в сознание читателя содержанием текста)» компоненты текста, координируемые с оценочностью [1, с. 215]. В широком смысле авторская модальность — категория, включающая не только образ автора, но и модальные маркеры различных текстовых уровней, в том числе персонажную зону [8]. Широкая трактовка авторской модальности подразумевает

также изучение целенаправленного воздействия комплекса интенций на адресата [7], что, в свою очередь, позволяет выявить механизмы достижения ожидаемого коммуникативного эффекта [5]. Категориальный статус авторской модальности в художественном тексте определяется лингвопрагматикой такого текста — прежде всего его диалогичностью и полифонизмом, которые способствуют продуцированию текстово-дискурсивного пространства [6; 11].

Авторская модальность оказывает влияние на лингвистическое оформление художественного текста, что способствует обнаружению авторской индивидуальности, запечатлеваемой на различных уровнях текста. Рецептивно-интерпретативная деятельность читателя осуществляется при опоре на маркеры модальности, которые репрезентированы в тексте, при этом декодирование смыслов происходит на основе ассоциаций, которые текст актуализирует в читательском восприятии.

Отражение в художественном тексте авторской позиции, само отношение автора к объекту эстетического познания всегда имеет модальную валентность, имплицитную или эксплицитную, а субъективное и объективное в поле авторской модальности не дифференцированы. Развитие сюжетного действия определяется авторскими интенциями, благодаря которым внимание читателя может быть сфокусировано на конкретных проблемах художественного текста, в том числе и вне сюжетного действия. Это позволяет предвосхитить события, создать перспективные схемы событийности, которые определяют корректную читательскую интерпретацию характеров, поступков и действий персонажей. Поэтому тексты, которые имеют «рамочную» композицию, представляют особый интерес: изучение авторской модальности в таких текстах способно помочь осмыслению структуры семантического пространства художественного текста. По отношению к целостному семантическому пространству авторская модальность «рамки» текста имплицитна, но описание сюжетных ситуаций, которые не обнаруживают прямых связей с персонажами основного текста, маркировано лексически, грамматически и синтаксически.

Материалом нашего исследования стал текст повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1896—1904), структура которого представляет собой «рамку» и повествование о последних месяцах жизни наиба имама Шамиля — Хаджи-Мурата, который перешел на сторону русских в Кавказской войне в 1851 году и был убит при попытке к бегству.

Художественные смыслы, реализуемые в «рамке» текста, актуализированы в ситуации «текст в тексте», которая направляет восприятие и интерпретацию читателя. «Рамка» текста объединяет элементы структуры художественного текста, что позволяет привлечь внимание читателя к сюжетным эпизодам или героям и таким образом расширить возможности истолкования авторских интенций. Очевидно, что семантическое пространство текста получает интерпретацию не только в результате читательских усилий, но и посредством «рамочного» повествования, что создает некую «двойную призму».

Текст повести «Хаджи-Мурат» открывается нейтральным в своей оценочности описанием пейзажа: «Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали и только что собирались косить рожь» [10]. Однако ясно, что взаимодействие смыслов «рамки» и основного текста формируется уже здесь в актуализации активного субъекта (местоимение *я*). Автор выражает смысловые доминанты текста, находясь при этом вне сюжета, а его интенции получают в «рамке» лингвистическую маркированность.

Традиционно вводные слова и конструкции способны выразить отношение продуцента высказывания к вербализованной информации, но в «рамке» повести «Хаджи-Мурат» случаев употребления этих лингвистических средств немного, например: «Когда я, наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета» [10]. Окончание длительных и безуспешных попыток сорвать цветок репейника маркировано вводным словом *наконец*, а лексическое сочетание *кроме того* вводит в высказывание дополнительную информацию.

Авторская модальность выражена в «рамке» повести «Хаджи-Мурат» с помощью глаголов мысли, отражающих интенциональность автора. Это неслучайно, потому что творческий метод Л. Н. Толстого, «диалектика души» (в терминологии Н. Г. Чернышевского в отношении эстетических принципов Л. Н. Толстого), предполагает обращение к описанию рефлексии героев и автора, причем такая рефлексия зачастую характеризуется гиперболизацией. Высокая частотность употребления глаголов мысли в «рамке» повести не позволяет приводить здесь все подобные случаи, поэтому укажем на наиболее показательные из них в отношении категориального статуса авторской модальности, например: «Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета» [10]; «Какая, однако, энергия и сила жизни, — подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок» [10]. Намеренное противопоставление двух описаний «татарина» строится на основе употребления глаголов со значением воспоминания, узнавания. В «рамке» объединены два самостоятельных случая, описываемых субъектом повествования: «Когда я подошел ближе, я узнал в кустике такого же “татарина”, которого цветок я напрасно сорвал и бросил» [10]. Текст «рамки» в повести Л. Н. Толстого не содержит указаний на время, прошедшее между неудачной попыткой сорвать цветок репейника-«татарина» и впечатлением от кустика, раздавленного и забрызганного грязью, но все же выстоявшего под натиском плуга. Совсем не тот же куст репейника видит автор, но живучесть «татарина» вновь поражает повествователя при лаконичном маркировании авторской модальности в тексте: «узнал... такого же “татарина”» [10].

Сразу же за приведенным выше фрагментом следует контекст, благодаря которому усложняются смысловые и композиционные связи «рамки» и основного текста: «Куст “татарина” состоял из трех отростков. Один был оторван, и, как отрубленная рука, торчал остаток ветки. На других двух было на

каждом по цветку. Цветки эти когда-то были красные, теперь же были черные. Один стебель был сломан, и половина его, с грязным цветком на конце, висела книзу; другой, хотя и вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху. Видно было, что весь кустик был переехан колесом и уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял. Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, выкололи глаз. Но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его» [10]. Очевидно, что этот фрагмент позволяет корректно выстроить читательскую интерпретацию всего текста повести: предполагается устойчивая ассоциация сходства репейника-«татарина» и Хаджи-Мурата в их любви к жизни. Авторские высказывания из «рамки» повести направлены на формирование прагмасемантики авторской модальности: «“Какая, однако, энергия и сила жизни, — подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. — Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь”» [10]; «“Экая энергия! — подумал я. — Все победил человек, миллионы трав уничтожил, а этот все не сдается”» [10].

Объем «рамочных структур» в начале и финале повести «Хаджи-Мурат» не одинаков. «Рамка» начала текста завершается контекстом: «И мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе. История эта, так, как она сложилась в моем воспоминании и воображении, вот такая» [10]. Вся повесть заключена лаконичным высказыванием: «Вот эту-то смерть и напомнил мне раздавленный репей среди вспаханного поля» [10]. Такая неравнозначность текстового объема неслучайна, потому что читательские ассоциации, которые вызывает эпизод начальной «рамки» с неудачной попыткой сорвать цветок «татарина», направлены на интерпретацию истории Хаджи-Мурата, «рамка» финала которой не должна, в соответствии с авторской интенциональностью и модальностью, быть дидактической. Как очевидно, заложенные в тексте цен-

ностные смыслы декодируются успешно даже тогда, когда они имплицированы, так как воздействие на читателя оказывают все модальные средства. Авторская модальность обладает категориальным статусом в «рамочных» структурах на основании прагмасемантической специфики этого вида модальности. «Рамка» художественного текста, являясь абстрагирующим элементом текстовой композиции, актуализирует авторскую модальность, способствующую установлению корреляций смыслов обрамленного и обрамляющего текстов в интерпретации читателем доминант семантического пространства художественного текста.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. М., 2004.
2. *Ваулина С. С.* Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8 : Филологические науки. С. 7—12.
3. *Ваулина С. С.* Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 34—39.
4. *Ваулина С. С., Девина О. В.* Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8 : Сер. Филологические науки. С. 8—13.
5. *Граудина Л. К.* Теория и практика русского красноречия. М., 2008.
6. *Ким Л. Г., Голев Н. Д.* Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144—153.
7. *Меновицкова Ю. В.* Реализация категории авторской интенциональности в художественном тексте (на материале сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 94—98.

8. *Падучева Е. В.* Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. ст., посвященный памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001. С. 184—197.

9. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста. М., 2009.

10. *Толстой Л. Н.* Хаджи-Мурат // Собр. соч. : в 8 т. Т. 7. М., 1996. URL: <https://ilibrary.ru/text/1006/index.html> (дата обращения: 25.10.2025).

11. *Culpepe J., Gillings M.* Pragmatics: Data trend // *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 145. P. 4—14.

А. И. Дзюбенко
(Ростов-на-Дону)
aidzyubenko@sfedu.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В КООРДИНАТАХ ТЕКСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье художественный вымысел представлен как феномен, реализуемый лингвистическими средствами текстовой модальности в авторской и персонажной зонах повествования. На материале новеллы О. Генри «Дары волхвов» доказывается, что прагматика художественного вымысла определяется актуализацией ценностной картины мира автора, а также участием читателя в декодировании смыслов, определяемых авторскими интенциями.

Ключевые слова: текстовая модальность, художественный вымысел, прагматика, достоверность, ирреальность, авторская оценочность

Проблематика текстовой модальности в современной науке о языке составляет актуальную сферу, в рамках которой продолжается уточнение ключевых понятий теории модальности. Модальность изучается в лингвокогнитивном, коммуникативно-прагматическом, функционально-семантическом аспектах, что способствует выявлению различных ее характеристик, оказывающих принципиальное влияние на формирование тексто-дискурсивного пространства. Очевидно, что именно текст является основанием функционирования модальности по причине объективации в нем индивидуально-авторской аксиологической системы, при этом текст более значительно влияет на личность и социум в сравнении с дискурсом

[1]. Самодостаточность текста в культурном пространстве [3, с. 41] свидетельствует в том числе о важности изучения прагматики текстовой модальности.

М. Я. Дымарский, указывая, что текст есть «не-знак», подчеркивает: «...каждому знакома ситуация, когда значения всех слов в некоторой фразе известны, а смысл фразы непонятен и для ее понимания требуется особое усилие. Подобные ситуации еще в большей степени свойственны тексту... Текст же появляется тогда, когда возникает потребность не просто в передаче информации, а в достижении некоторой новой духовной общности» [3, с. 30]. Прагматика текстовой модальности может быть непротиворечиво описана на основе анализа ее функционирования в художественном тексте, поскольку он предоставляет возможность совершенствования рецептивно-интерпретативной деятельности адресата, а значит, требует и выяснения адекватности декодирования смыслов художественного текста. Поскольку для любого художественного текста аксиоматичен художественный вымысел как онтологический фундамент продуцирования текста и его функционирования, постольку текстовая модальность как одна из основополагающих категорий участвует в формировании фикциональности текстово-дискурсивного пространства. Отметим в связи с этим, что художественный вымысел, инициируемый в тексте автором, не способен развиваться и породить новые смыслы вне включенности читателя в процесс восприятия и декодирования этих смыслов, при этом процессы восприятия и интерпретации художественного текста обуславливаются не только фоновыми знаниями адресата, но и авторской интенциональностью [6, с. 3, 6]. Иерархически выстроенные компоненты индивидуально-авторской картины мира в процессе восприятия текста читателем соплагаются с его системой ценностей, но декодированию подвергаются авторские интенции в их совокупности, а не смыслы текста. Так происходит потому, что уникальные смысловые сочетания определены лексико-семан-

тическим уровнем языка, что в тексте находит выражение в опредмечивании смыслов, актуальных для автора и читателя и обусловливаемых авторской интенциональностью.

В художественном тексте не могут быть отчетливо делимитированы объективная и субъективная модальности. Такое дифференцирование важно для дискурсологии, в то время как денотат у художественного текста отсутствует, поскольку объективная действительность воплощена в художественном тексте опосредованно, сквозь призму авторского восприятия и индивидуально-авторской картины мира, что влечет за собой нерелевантность оппозиции *истинность / ложность* для художественного текста. В художественном тексте получают экспликацию структуры авторского языкового сознания [8], что детерминирует миромоделирование и, как следствие, актуализирует субъективные трансформации объективной действительности, фиксируемые в тексте. Автор выражает свою оценку художественной реальности и объективной действительности через эти субъективные трансформации, что является основанием для понимания текстовой модальности как категории оценочной: «Модальность текста — это выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю» [2, с. 65].

В. П. Руднев обосновывает квазиденотативность художественного текста через динамику его смыслов, воспринимаемых читателем в рамках сюжета: «Сюжетность художественного нарративного дискурса во многом определяется его квазиденотативной природой. Когда читателю ясно, что история выдумана, т. е. сказанное не является ни истиной, ни ложью и отгорожено от обыденной жизни рамками особой — художественной — языковой игры, то внимание поневоле заостряется на том, ради чего история и рассказывается, — на ее субъекте, т. е. на сюжете (родственные слова, происходящие от лат. *subjicĭo*, *-jĕsĭ*, *-jĕctum*, *-ere*, т. е. то, что “простирается перед нами”). Ясно также, что ключом рассказа, наррации, а значит,

и сюжета является некое изменение. Ведь если ничего не происходит или происходит нечто однообразное, то на этом нельзя построить сюжет в классическом смысле... изменение может зафиксировать полноценно только цепь высказываний, а не одно высказывание, хотя какой-то кульминационный момент изменения положения вещей может быть акцентирован и в одном высказывании» [7, с. 91].

В. П. Руднев трактует текстовую модальность как модальную рамку повествования, на основании чего им выделены алетическая, аксиологическая, деонтическая, эпистемическая, темпоральная и пространственная модальные рамки [7, с. 92]. Все эти модальности фикциональны в параметрах авторской оценки художественной реальности, которая является вымыслом, автором же инициированным. В художественном тексте особый категориальный статус имеет аксиологическая модальность, способная сообщить другим видам текстовой модальности ценностные смыслы.

Художественный текст обнаруживает сложные отношения субъективного и объективного, достоверности и фикциональности, при этом в текстово-дискурсивном пространстве события обладают именно достоверностью: они происходят в результате художественного вымысла, но в координатах возможного мира они могут случаться, и в художественной реальности они правдоподобны. Материалом нашего исследования стала новелла О. Генри «Дары волхвов» (1905) [5; 9]; художественная реальность воссоздана в этом тексте на основании применения лингвистических средств текстовой модальности, благодаря которым происходит отождествление объективной действительности и возможного мира. Текстовая модальность реализована в этом художественном произведении в авторской и персонажной зонах, при этом повествование осложнено введением в него рассказчика.

Автор применяет различные модальные операторы, которые способствуют воссозданию качеств объективной действительности в художественной реальности, например:

One dollar and eighty-seven cents. And the next day would be Christmas. There was clearly nothing to do but flop down on the shabby little couch and howl. So Della did it [9] — Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра рождество. Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила [5].

В персонажной зоне текстовая модальность в этом контексте реализована на лексическом уровне с помощью разговорной лексики (*howl* — *зареветь*), прилагательных с коннотативно-оценочным значением (*shabby* — *старенькая*), на синтаксическом уровне — односоставными и эллиптическими предложениями (*One dollar and eighty-seven cents. And the next day would be Christmas.* — *Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра рождество*).

В персонажной зоне текстовая модальность характеризуется также применением лексико-грамматических средств, например:

“If Jim doesn’t kill me, she said to herself, before he takes a second look at me, he’ll say I look like a Coney Island chorus girl. But what could I do — oh! what could I do with a dollar and eighty-seven cents?” [5] — «Ну, — сказала она себе, — если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!» [9].

В приведенном макроконтексте такие средства представлены грамматической моделью сослагательного наклонения с союзом *if*, модальным глаголом *could* (*what could I do*), экспрессивно-эмоциональной синтаксической конструкцией *but what could I do* (*но что мне было делать*), междометием *oh* (*ах*).

Более широкий спектр лингвистических средств характеризует авторскую зону реализации текстовой модальности:

они принадлежат к лексическому, морфологическому и синтаксическому уровням. Наиболее репрезентативными контекстами мы считаем те, в которых автор напрямую обращается к читателю:

Oh, and the next two hours tripped by on rosy wings. Forget the hashed metaphor [5] — Следующие два часа пролетели на розовых крыльях — прошу прощения за избитую метафору [9].

Прагматика текстовой модальности получает объективацию во вставной конструкции *Forget the hashed metaphor (прошу прощения за избитую метафору)*, что позволяет автору деконструировать границу объективной действительности и художественной, фикциональной по своей природе реальности на основании рассказа «очевидца» — всеведущего автора, знающего финал этой истории, но к тому же являющегося и рассказчиком. В связи с этим укажем, что прагматика художественного вымысла получает актуализацию прежде всего в высказывании, когда рассказчик и автор не идентичны, что в конечном счете становится основанием художественного вымысла, когда происходит трансформация фактуального текста в фикциональный. Мы согласны с Ж. Женеттом в том, что «даже в том случае, если... текст не содержит ни единой ошибки или выдуманного факта, он уже в силу одной только последовательной нетождественности автора и рассказчика (пусть даже анонимного) бесспорно принадлежит к фикциональному типу рассказа» [4, с. 398].

В новелле «Дары волхвов» сам процесс рассказывания истории, повествование по своей сути оказывается оценочным, при этом прагматика текстовой модальности реализована на разных уровнях текста для функционирования художественного вымысла: О. Генри заглавием новеллы отсылает читателя к рождественскому мифу, такие аллюзии представлены эпизодически и в самом тексте, что способствует корреляции событий, которые произошли с персонажами, с ценностными смыслами, восходящими к библейским событиям, а также с объек-

тивной действительностью. При этом читатель, вполне отдавая себе отчет в том, что он воспринимает и декодирует фикциональный текст, соотносит события, происходящие в тексте, с собственным духовным и практическим опытом, а также с возможным миром, созданным в художественном тексте. За счет такого сопоставления реализуется эстетическое воздействие компонентов художественного мира в соответствии с авторскими интенциями, а художественный вымысел получает постоянное развитие в текстово-дискурсивном пространстве с неизменным участием читателя.

Список литературы

1. *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику. М., 2001.
2. *Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.
3. *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
4. *Женетт Ж.* Фигуры = Figures: Работы по поэтике : в 2 т. М., 1998. Т. 2.
5. *О. Генри.* Дары волхвов. URL: https://royallib.com/book/ogenri/dari_volhvov.html (дата обращения: 25.10.2025).
6. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность : монография. Н. Новгород, 2008.
7. *Руднев В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. П. М., 2000.
8. *Тарасов Е. Ф.* О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность : сб. науч. тр. М., 1993. С. 86—97.
9. *О. Генри.* Gift Magi. URL: https://www.ibiblio.org/ebooks/Henry/Gift_Magi.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Г. Р. Насибуллова

(Казань)

nasibullova.g@mail.ru

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
В РОМАНАХ С. ПАВЛОВОЙ «ГОЛОД»
И Х. ФИЛДИНГ «ДНЕВНИК БРИДЖИТ ДЖОНС»**

Изучаются способы выражения аксиологической модальности в художественных произведениях С. Павловой и Х. Филдинг. Категория оценки рассматривается как один из видов авторской модальности и способов выражения индивидуально-авторского стиля. Показано, что категория аксиологической модальности проявляется с помощью различных языковых средств, поскольку каждый автор отдает предпочтение определенному способу оценки действительности.

Ключевые слова: модальность, автор-женщина, современная художественная проза, ценность, индивидуально-авторский стиль

В современной лингвистике понятие модальности представляет собой обширную и многогранную область исследования, включающую в себя несколько различных логико-семантических интерпретаций. Если говорить о наиболее широком понимании модальности, то ее можно определить как способ, которым говорящий формирует, осознаёт и оценивает свое высказывание, устанавливая тем самым его соответствие или несоответствие реальности [4, с. 10]. Это определение подчеркивает субъективный характер модальности, отражающий индивидуальное восприятие говорящего и его отношение к передаваемой информации.

Изучение модальности находится на стыке коммуникативной и когнитивной лингвистики. Коммуникативный аспект связан с тем, как модальность влияет на построение коммуни-

кативного акта, выбор языковых средств и формирование взаимопонимания между говорящим и слушающим. Когнитивный аспект подчеркивает роль модальности в отражении ментальных процессов, происходящих в сознании говорящего при создании высказывания. Исходя из этого мы можем утверждать, что процесс формирования высказывания в рамках категории модальности является сложным когнитивным процессом, включающим в себя не только выбор слов и грамматических конструкций, но и оценку ситуации, учет контекста, а также актуализацию собственных знаний и убеждений говорящего. Более того, восприятие высказывания слушающим также во многом определяется модальными характеристиками.

Аксиологическая, или ценностная, модальность — это особый вид модальности, фокусирующийся на оценке суждений сквозь призму определенной системы ценностей. Практически любой аспект человеческой жизни — от материальных объектов до абстрактных идей — может рассматриваться как предмет ценностного отношения. Это означает, что все, с чем взаимодействует человек, подлежит оценке по различным критериям: добро / зло, правда / ложь, красота / безобразие, дозволенность / запрет, справедливость / несправедливость и т. д. Спектр таких оценок невероятно широк и зависит от культурных, социальных, индивидуальных и многих других факторов. Таким образом, «ценность» — это не статичный и объективный, а динамичный, контекстно-зависимый показатель, отражающий отношение человека к окружающему миру и самому себе.

Важно отметить, что ценностная модальность играет чрезвычайно важную роль в жизни человека. Как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, ценности выполняют ряд ключевых функций, непосредственно влияющих на жизнедеятельность [1, с. 6]. Прежде всего они выступают в роли связующего звена между человеком и окружающим миром, формируя систему его отношений с объектами реальности. Более того, ценности становятся и мощным стимулом, направляя человеческую деятельность, задавая ей определенные цели и приоритеты.

В данной работе представлен анализ средств выражения аксиологической модальности при описании внешности женским персонажем в произведениях современной русской и английской художественной литературы. Выбор материала обусловлен тем, что художественная литература полнее всего отражает жизненные ценности, существующие в реальном мире (человеческие достоинства и недостатки, отношение к ним). При этом отношение к объектам реальности чаще всего строится исходя из перечисленных выше антиномических критериев (см.: [2]). Материалом исследования послужили романы Светланы Павловой «Голод» и Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», которые написаны в форме дневников молодой женщины.

Главными героинями Светланы Павловой и Хелен Филдинг являются героини тридцати лет, каждая из которых олицетворяет собой типичный образ современной молодой женщины с ее комплексами и предрассудками. Героини живут в большом городе, пытаются наладить свою личную жизнь, недовольны своей внешностью и находятся под давлением старых и новых стандартов, требующих безупречности во всем.

В силу того что авторами рассматриваемых произведений избрана дневниковая форма, все излагаемые события читатель воспринимает через призму взгляда их героинь. С одной стороны, этим обусловлены субъективизм и односторонность суждений, с другой — мы наблюдаем героиню, «слышим» ее в самых разных ситуациях.

Анализ текстов демонстрирует, что аксиологическая модальность является одной из доминант, представленных в романах Светланы Павловой и Хелен Филдинг. В художественном дискурсе данных авторов категория оценочности формируется посредством различных языковых единиц оценочной семантики как эксплицитно, так и имплицитно. Под эксплицитными средствами оценки внешности мы подразумеваем прилагательные и наречия собственно оценочной семантики.

Языковые единицы, выражающие аксиологическую модальность в рассматриваемом материале, можно разделить на следующие группы:

1) дескриптивно-оценочные прилагательные: *ужасный, потрясающий, хорошенький; a very pretty girl, super, really fat;*

2) эмотивная лексика, обозначающая наименования предметов и действий: *жирная, туша, шмат, чудовище, рыхлость, обвисло, толстуха, мешок, провисший гамак, вымя; cow, fat, boring, Sloaney milch cow;*

3) сравнительные обороты с оценочной семантикой.

Рассмотрим использование данных средств подробнее в ряде примеров из романа С. Павловой. «Но я не хочу быть нормальной. Я хочу быть хрупкой, невесомой, тонкой, точной, тощей. <...> У меня нет сомнений в том, что именно эти качества ценятся обществом» [3, с. 107]; «Точеной, хрупкой, всегда неброско, стильно одетой» [3, с. 31]. Отметим, что в первом примере положительная оценка желаемой внешности показана как обусловленная мнением общества. Также героиня романа Лена часто использует для оценки внешности прилагательное «точный», что свидетельствует о важной роли для нее этой характеристики.

В следующем примере — «Там долго рассматривала в зеркале личико — огромное, одутловатое, словно чужое» [3, с. 79] — отрицательная оценка внешности дается через относительное прилагательное *чужое*, сигнализирующее, что героине не нравится ее лицо, она относится к своей внешности отрицательно.

Эмотивная лексика используется в описании: «Я вижу только рытвины целлюлита и шмат кожи, переваливающийся через ткань словно опара из таза» [3, с. 14]. Отрицательное отношение к внешности выражается с помощью существительных *шмат, целлюлит*, которые имеют негативное значение.

Одним из частотных средств аксиологической модальности при описании внешности в романе Светланы Павловой являются сравнительные обороты: «Я без конца рассматривала его [подбородок] в зеркале, сильно опуская голову вниз, и мне

казалось, что на грудь сползает опавший парашют» [3, с. 127]; «Мой подкожный жир выглядел почти так же, как нарастающая над супом корка в забытой кастрюле» [3, с. 129].

Оценка также реализуется при помощи парцелляции. Данное синтаксическое средство передает силу эмоций, которые выражаются в высказывании разными лексическими, грамматическими и интонационными средствами: «Я смотрю в потолок и надеюсь, что, как только объемы уйдут, придут красота, счастье, уверенность в себе. Достойная нормальная жизнь» [3, с. 11].

Аксиологическое значение реализуется при помощи выделения курсивом: «Я почти рычу как зверь. *Да я уже зверь*» [3, с. 12]; «Я без конца трогала себя за подбородок, жонглируя синонимами. *Вымя, провисший гамак, мешок*» [3, с. 128].

В романе Хелен Филдинг отрицательная аксиологическая модальность также доминирует над положительной. Героиня чаще выражает свое отношение к внешности с помощью дескриптивно-оценочных прилагательных: «She looked stunning: skin clear, hair shining» [5, p. 31] («Выглядела она потрясающе: чистая кожа, блестящие волосы»).

В следующем примере отрицательная оценка внешности дается за счет использования сравнительных оборотов и эмоциональной лексики:

...with a full beard and handlebar moustache on each shin, Denis Healey eyebrows, face a graveyard of dead skin cells, spots erupting, long curly fingernails like Struwelpeter, blind as bat and stupid runt of species as no contact lenses, flabby body flobbering around. Ugh, ugh. Is it any wonder girls have no confidence? [5, p. 152] —
...на каждой голени по густой бороде с длинными усами; брови Дениса Хили, на лице — кладбище отмерших клеток кожи с надгробьями в виде прыщей, длинные загибающиеся ногти, как у Штрувельпетера; глаза слепы, как у крота, и я глупо шурюсь, словно древняя старуха, отвисшее тело колыхнется во все стороны. Фу, фу. Удивительно ли, что у девушек нет уверенности в себе?

Также мы видим, что в данном примере оценка осуществляется при помощи прецедентных имен. Автор отсылает к из-

вестным личностям: так, брови сравниваются бровями Дениса Хили, министра обороны Великобритании, канцлера казначейства. Также упоминается сказочный герой Штрувельпетер (Неряха Петер), чье имя говорит о его внешности.

В «Дневник Бриджит Джонс» при оценивании внешности в сравнительных оборотах образом коннотации выступает животный мир: *blind as bat; two dead crows for eyes* [5, p. 152, 87].

Таким образом, основываясь на проведенном анализе, мы можем сделать вывод, что особенностью реализации аксиологических модальных значений при описании внешности в произведениях С. Павловой и Х. Филдинг является предпочтение прямой номинации с использованием дескриптивно-оценочных прилагательных и сравнительных оборотов. Х. Филдинг создает аксиологическую модальность посредством одновременного использования различных средств, важное место среди которых занимают коннотации и прецедентные имена. В романе С. Павловой немаловажную роль в процессе оценивания играют также синтаксические и графические средства.

Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 5—23.
2. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8: Сер. Филологические науки. С. 8—13.
3. Павлова С. Голод. Нетолстый роман. М., 2024.
4. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982.
5. Fielding H. Bridget Jones's Diary. L., 2003.

В. Д. Кравцова
(Калининград)
vkravtsova1@kantiana.ru

ИМПЛИЦИТНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОЭЗИИ Ю. ЛЕВИТАНСКОГО

В статье рассматриваются поэтические произведения Юрия Левитанского, содержащие инфинитивные конструкции как средство выражения модальных значений. Анализируются особенности функционирования инфинитивных конструкций в произведениях поэта, представлены основные модальные значения, характерные для поэзии Ю. Левитанского. Сделан вывод о роли инфинитивных конструкций в формировании субъектно-модальной перспективы высказывания.

Ключевые слова: модальность, инфинитивные конструкции, Ю. Левитанский, модальные значения

При изучении такой многокомпонентной категории, как модальность, особенно важную роль играет обращение к различным средствам ее выражения, позволяющим уточнить содержательный объем категории. В современной науке грамматика поэтического текста становится объектом пристального внимания исследователей. Поэтический текст — особое пространство сложных, зачастую имплицитных языковых процессов.

В. В. Виноградов отмечал, что «каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [2, с. 42]. По мнению С. С. Ваулиной, «языковая модальность, являясь одной из ключевых семантических категорий, связывающих высказывание с внеязыковой действительностью и формирующих его коммуника-

тивный потенциал, традиционно входит в число наиболее исследуемых» [1, с. 8]. В данной работе мы рассматриваем инфинитивные конструкции, которые могут включать в себя как единичный компонент (инфинитив), так и инфинитивный комплекс.

В ходе исследования особенностей функционирования инфинитивных конструкций в поэзии Юрия Левитанского были отобраны три поэтических сборника: «Кинематограф» (1970), «День такой-то» (1972) и «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981), в которых было выявлено наибольшее количество инфинитивов по сравнению с другими поэтическими сборниками. Количественный подсчет употребления инфинитивов в поэтических сборниках Ю. Левитанского представлен в таблице ниже.

Сборник	Количество инфинитивов
Листья летят (1956)	30
Стороны света (1959)	65
Земное небо (1963)	100
Кинематограф (1970)	119
День такой-то (1976)	178
Письма Катерине или Прогулка с Фаустом (1981)	159
Белые стихи (1991)	88

В отечественной науке сложились различные взгляды на проблему языковой категории модальности, а также на проблему выявления модальных значений инфинитивных конструкций. К. А. Тимофеев предлагал разграничивать в модальном содержании основные и частные значения [5].

В лирике Юрия Левитанского выявляются различные модальные значения, выраженные инфинитивными конструкциями.

Стихотворение «Была зима, как снежный перевал...» относится к «зимнему» циклу сборника «Кинематограф». Текст

стихотворения представляет собой кадры, связанные между собой по принципу монтажной склейки, которые на протяжении всего стихотворения сменяют друг друга. Пространство стихотворения замкнуто, время в тексте застыло, что становится очевидным еще в самом начале стихотворения: «Была зима, как снежный перевал, / с дымком жилья, затерянным в провале. / Но я в ту пору не подозревал, / что я **застрял**² на этом перевале...» [3, с. 202]. Свое черно-белое кино Ю. Левитанский «рисует» с использованием минимального количества колоративной лексики. В тексте встречаются только две цветные лексемы — *чернота* и *бела*. Противопоставление черного белому порождает не только цветовую, но и пространственно-временную оппозицию. Помимо использования цветных лексем на цветовую оппозицию указывают другие лексемы, например *смеркалось* или *снегопадам*. Текст стихотворения построен на оппозиции и сравнении, что характерно для сборника «Кинематограф», где реальность соседствует с вымыслом.

В последней строфе автор использует пять инфинитивов совершенного вида: «и **можно** было с легкою душой / **перечеркнуть** написанное ране, / **переписать** строку или главу, / которая лишь сдавленно звучала, / **перемарать** постылый черновик, / и даже **сжечь**, / и все **начать сначала**» [3, с. 202]. На первый взгляд инфинитивы *перечеркнуть*, *переписать*, *перемарать* и *начать* могут быть рассмотрены как некое должествование по отношению к самому себе или утверждение необходимости совершения определенных действий.

В современной лингвистике существуют различные определения модальности долженствования и модальности необходимости. Некоторые исследователи отмечают взаимопроницаемость и содержательную близость данных категорий. Так, например, Е. А. Хузина указывает, что «отождествлять эти разновидности модальности позволяет выражаемая ими се-

² Здесь и далее выделяются ключевые слова поэтического текста.

мантика — модальное значение долженствования и необходимости передает безальтернативное и неперенное превращение потенциального в актуальное» [6, с. 147—152]. Вместе с тем ряд исследователей рассматривают долженствование и необходимость как самостоятельные категории.

Обратимся к началу строфы, где использован модальный оператор *можно*, что позволяет взглянуть на отрывок под другим углом. В данном случае модальный оператор относится к прошедшему времени: *можно было*. Модальное значение возможности реализуется в прошлом, где *можно было перечеркнуть, переписать, перемарать, сжечь и начать сначала*. Для настоящего эта возможность утрачена. Помимо этого следует отметить, что инфинитивы совершенного вида указывают на завершенность действия к определенному моменту, в контексте стихотворения все эти действия завершились в прошлом. Глагол *сжечь* включает в себе семантику уничтожения, в текст включаются дополнительные смыслы, где это действие может быть рассмотрено как уничтожение чего-либо, без чего невозможно будущее, или всего того, что тянет героя в прошлое, не давая возможности для счастливого настоящего. Таким образом, мы можем говорить о том, что в тексте выстраивается подвижная семантическая картина модальностей, в которой указанные действия одновременно возможны, необходимы и неизбежны.

Сборник «Кинематограф» представляет собой удивительное слияние форм и смыслов, где, с одной стороны, отражена обыденность, а с другой — художественный вымысел. А.Н. Черняков отмечает, что «в общей архитектонике книги отчетливо выделяются четыре группы стихотворений, заглавия которых представлены своего рода “паттернами” — моделями или шаблонами, в которых одна и та же грамматическая структура обыгрывается лексической вариативностью» [7, с. 102].

В заглавиях стихотворений задается имплицитная семантическая картина развертывания модальных значений в тексте,

где определенное действие становится одновременно желательно, возможно и необходимо. Само содержание стихотворения дает нам различные варианты интерпретации: «Я так **хочу изобразить** весну. / Окно открою / и воды плесну / на мутное стекло, на подоконник. / А впрочем, нет, / подробности — потом» [3, с. 212]. На первый взгляд модальный оператор *хочу* предполагает совершенно определенное отображение модальности желательности, однако в контексте стихотворения желательность переходит в действие, где *хочу* становится *делаю*, буквально означающее «изображаю весну». А. Н. Черняков отмечает, что «семантический ресурс будущего времени в этом случае все больше сдвигается от «будущего типовой ситуации» к «будущему типового порождения текста» [7, с. 106]. Далее в стихотворении возникает возможность развертывания действия в будущем: «Но тут я на стекло плесну воды, / и женщина взойдет на подоконник / и **станет** мокрой тряпкой **мыть** стекло, / и **станет** **проступать** за ним сама. / и вся в нем, / как на снимке, / **проявляться**. / И **станут** в мокрой раме **по-являться** / ее косынка / и ее лицо, / крутая грудь, / округлое бедро, / колени, / икры, / наконец, ведро / у голых ее ног засеребрится» [3, с. 212]. Но, возвращаясь к первой строке отрывка, предположим еще один возможный вариант: вода уже выплеснулась на окно, то есть возможность становится необходимостью или, в более широком понимании, неизбежностью, где женщина уже не может изменить ход событий, заданных говорящим. В отличие от предыдущего текста, в котором используются инфинитивы совершенного вида, указывающие на завершенность действия, в приведенном примере использованы инфинитивы несовершенного вида, которые могут быть маркерами длительного повторяющегося действия без указания на его окончание. Таким образом, действия, предлагаемые автором, становятся постоянно повторяющимися каждой весной, что также указывает на модальное значение неизбежности происходящего.

В стихотворении «Как показать лето» Ю. Левитанский использует будущее время, которое представляет собой один из операторов реальной объективной модальности. А.Н. Черняков отмечает, что «в поэтическом контексте это создает эффект мысленно создаваемой картины и одновременно позволяет воспроизвести ситуацию любого лета (осени, зимы, весны) с обязательно присущим ему набором его материальных атрибутов» [7, с. 105], ср.: «Фонтан в пустынном сквере будет сух, / и **будет виться** тополиный пух, / а пыльный тополь будет неподвижен. / <...> / И, как на фотоснимке моментальном, / недвижно **будет женщина стоять** / и, тоненький мизинец оттопырив, / **держать** у самых губ стакан воды» [3, с. 176]

На первый взгляд совершенно очевидно, что глагол *будет* указывает на предстоящее событие или действие. Однако при более детальном рассмотрении мы наблюдаем, что будущее время в стихотворении отражает картину любого, постоянно повторяющегося лета. В авторской картине мира *будет виться*, *будет стоять*, *держать стакан* — регулярно повторяющиеся действия, которые в контексте стихотворения становятся операторами модальности неизбежности происходящих событий. Время в стихотворении статично, неподвижность тополя и женщины создает ощущение безвременья. Как и в предыдущем примере, автор использует инфинитивы несовершенного вида, которые в связке с глаголом изъявительного наклонения *будет* в составе грамматических форм будущего времени усиливают ощущение реальности происходящего события.

Одним из средств выявления модальных значений является синонимическая трансформация, которая представляет собой процесс замены или подстановки слов для уточнения, сохранения или изменения смысла. З.К. Тарланов отмечал, что «подстановка лексических указателей может явиться надежным диагностическим контекстом, выявляющим имплицитные модальные значения, т.е. фактическую модальную базу» [4,

с. 131]. Данный способ выявления модальных значений мы применяем к стихотворению «Темный свод языческого храма»: «Память зренья, своеволие, прихоть, / словно в пропасть без оглядки **прыгать**, / без конца **проваливаться, падать** / в память зренья, в зрительную память, / и **копать** под черными пластами, / в памяти **просеивать**, как в сите, / слыша, как под черными крестами — / откопайте! — просят — воскресите!» [3, с. 192].

Применяя метод синонимической трансформации, мы можем предположить следующее: (*надо / нужно*) *прыгать*, (*необходимо*) *копать* и *просеивать*. При первом взгляде на текст стихотворения подобная подстановка представляется логичной и позволяет выявить модальное значение необходимости совершения действия. Однако возможно и другое развертывание смыслов: (*хочу*) *прыгать*, *проваливаться, падать в память*, где необходимость сменяется желанием выполнить то или иное действие для достижения определенной цели. Возможен и третий вариант: семантика глаголов *проваливаться* и *падать*, а также оборот *словно в...* указывают на неизбежность совершения данных действий, когда само действие (погружение в память) становится неконтролируемым. Семантика глаголов *копать* и *просеивать* указывает на попытки героя извлечь из памяти нечто важное, в данном случае, на наш взгляд, на первый план выходит модальное значение необходимости, однако нельзя исключать наличие имплицитной семантики модального значения желательности, где действие, выраженное инфинитивом, выступает в роли инструмента для достижения желаемого.

Для инфинитивных конструкций в лирике Ю. Левитанского одним из наиболее частых модальных значений становится значение невозможности. Как правило, оно реализуется при помощи употребления инфинитива и отрицательной частицы *не*. Однако наибольший интерес для анализа представляют стихотворения, где модальное значение выявляется не столь

очевидно, как, например, в стихотворении «Окрестности, пригород — как этот город зовется?»: «Мы с прошлым простились, и незачем дважды **прощаться**. / Нельзя **возвращаться** на круги, нельзя **возвращаться**. / Но что-то нас гонит все дальше, как страх или голод, — / окрестности, пригород, город — как **звать** этот город?» [3, с. 240]. Основной темой стихотворения становится стремление к прошлому и осознание невозможности возврата к нему. Кольцевая композиция подчеркивает цикличность стремления к прошлому. Текст построен как последовательность вопросов и размышлений, наталкивающих на мысль о некоторой растерянности говорящего. Повторяющийся вопрос *как звать этот город?* подчеркивает отчуждение и потерю связи с прошлым. Образ пыли, скрывающей город, символизирует уходящее время и размытость воспоминаний. Наречие *незачем* и предикатив *нельзя* усиливают семантику невозможности, доводя ее до крайности. Инфинитивы несовершенного вида *прощаться* и *возвращаться* отражают направленность действия на самого говорящего.

Подводя итоги сказанному, отметим, что инфинитивные конструкции наряду с другими частями речи и грамматическими формами могут выступать операторами модальных значений. Для лирики Юрия Левитанского характерны такие модальные значения, как неизбежность, необходимость, долженствование, желательность, невозможность, возможность и императивность. В контексте стихотворения инфинитивные конструкции становятся средством передачи художественной семантики и эмоционального воздействия на читателя.

Список литературы

1. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8: Филологические науки. С. 7—12.

2. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. М. ; Л., 1950. Т. 2. С. 38—79.

3. *Левитанский Ю. Д.* Стихотворения. СПб., 2021.

4. *Тарланов З. К.* Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1964. Т. 16. С. 126—138.

5. *Тимофеев К. А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 257—301.

6. *Хузина Е. А.* Модальность необходимости и долженствования конструкций с инфинитивом-сказуемым (на материале русских пословиц и поговорок) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8. С. 147—152.

7. *Черняков А. Н.* «Кинематограф» Ю. Левитанского: (лингво)поэтика фрагмента // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 2-1 (35). С. 100—110.

Р. Д. Ведерников
(Калининград)
vedernikovsmailbox@gmail.com

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИГРОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале романа Р. Бротигана «Trout Fishing in America»)**

В статье рассматриваются приемы актуализации игровой модальности постмодернистского текста посредством прецедентных имен как интертекстуальных отсылок, влияющих на восприятие и интерпретацию художественного произведения.

Ключевые слова: прецедентные имена, игровая модальность, постмодернизм, интертекстуальность, художественный текст, Ричард Бротиган

На сегодняшний день одним из ключевых направлений современной лингвистики является изучение текста как коммуникативно-прагматического продукта. В этом аспекте особое внимание уделяется текстовым категориям, среди которых важное место занимает модальность. Согласно точке зрения И. Р. Гальперина, впервые обозначившего данную категорию как текстовую, модальность носит субъективный характер, отражая отношения автора к действительности и содержанию высказывания [2]. Однако в рамках художественного текста модальность следует рассматривать через призму семантико-прагматического подхода — как многоплановую категорию, служащую своеобразной площадкой для коммуникации автора и читателя [3].

Ю. М. Лотман отмечал, что, «восприняв некую часть текста, слушатель достраивает целое», то есть в процессе воспри-

ятия художественного текста читатель проходит определенную намеренно выстроенную автором интерпретационную программу, но в то же время он включается в герменевтический треугольник «автор — читатель — текст», становясь со-творцом текста, участником стратегической игры автора и читателя. Исследователь полагает, что искусство литературной игры заключается в умении играющего обладать навыком двупланового поведения, в ходе которого читатель осознаёт свое участие в условной ситуации, но намеренно забывает об этом, погружаясь в диалог с текстом и его автором [6]. Учитывая данный аспект, мы согласны с мнением Ю. М. Ивановой, понимающей под игровой модальностью «способ окрашивания пропозиции в дополнительные эмоциональные / оценочные / стилистические тона, при котором говорящий использует вербальные маркеры, способные (1) сигнализировать адресату о коммуникативной двуплановости высказывания (его отрезка) и (2) сигнализировать собеседнику о том, что от него ожидается творческая интерпретация высказывания» [4, с. 72]. В процессе восприятия текста и познания выстроенной литературной игры читатель движется, ориентируясь по определенным маркерам — средствам выразительности, тропам, словоупотреблению, — которые автор намеренно поместил в ткань текста, создавая некие «точки входа» в игровую модальность.

Как утверждает З. М. Чемодурова, наличие игрового компонента является неотъемлемой составляющей художественного вымысла, изначально встроенной в интерпретационную программу текста и становящейся частью «фикционального пакта» между автором и читателем. В периоды смены художественных парадигм, к каковым относится и эпоха постмодернизма, данный компонент претерпевает трансформации, в ходе которых в процессе моделирования вымышленного мира начинают активно использоваться некоторые антиструктурные элементы. Целью такой стратегии, по мнению исследователя, является не создание последовательной конструкции

мыслительной модели у читателя, а, напротив, ее систематическое усложнение, проблематизация и доведение до состояния дезориентации, что и составляет суть игровой поэтики в условиях постмодернистской художественной парадигмы [9].

Реализация игрового начала в постмодернистской литературе нередко осуществляется благодаря использованию интертекстуальных элементов. В данной связи А. Н. Безруков указывает, что понятие интертекстуальности является одним из системообразующих элементов текстологической теории постмодернизма [1, с. 5]. Важным средством воплощения интертекстуальных референций служат прецедентные имена, под которыми мы, вслед за Е. А. Нахимовой, понимаем имена собственные, способные выступать в роли «культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [7, с. 5].

Создание игрового пространства внутри текста посредством прецедентных имен в значительной мере характерно для творчества Ричарда Бротигана (1935—1984), представителя американского постмодернизма. Материалом нашего исследования послужил ономастикон, представленный в романе «*Trout Fishing in America*» (1967), принесшем автору всемирную славу и ставшем классикой американской литературы второй половины XX века.

Анализируемое произведение пародирует литературные каноны реалистической новеллы, что находит отражение в намеренно фрагментарной структуре романа и хаотичной логике повествования. Одним из немногих связующих элементов между главами является *Trout Fishing in America*, то есть название самой книги, подвергающееся функциональной трансформации на протяжении всего текста.

Данная номинация функционирует в многообразии контекстов, обозначая в том числе сам роман (...*the cover for Trout Fishing in America...*), процесс ловли форели (*I went home to prepare for trout fishing in America*), ряд персонажей (*Trout Fishing in America had Maria Callas for a girlfriend...*; *I remember Trout Fishing in America Shorty passed out in Washing-*

ton Square...), форму экстремизма (...*first by accident and then by premeditation, trout fishing in America terrorists...*), антивоенный митинг (...*the trout fishing in America peace parade...*), отель (*Room 208, Hotel Trout Fishing in America*) и др. Как очевидно, автор возводит название своего произведения в разряд «автопрецедентных» имен, превращая его в некий структурный и смысловой центр повествования. Подобный прием способствует переключению в сознании читателя режимов восприятия и интерпретации, вовлекая его в игровое пространство текста. Обратимся к рассмотрению ряда соответствующих примеров, в которых прецедентное имя *Trout Fishing in America* используется в качестве стилистического средства персонификации и становится, таким образом, «субъектом» художественной действительности, способным взаимодействовать с реально существующими историческими личностями и даже испытывать эмоции:

...*Trout Fishing in America were a rich gourmet and Trout Fishing in America had Maria Callas for a girlfriend and they ate together on a marble table with beautiful candles* [10, p. 15];

I remember Trout Fishing in America Shorty passed out in Washington Square, right in front of the Benjamin Franklin statue. He had fallen face first out of his wheelchair and just lay there without moving [10, p. 67].

В первом примере носителем этого имени является состоятельный гурман, ужинающий с одной из величайших оперных певиц XX века Марией Каллас. Во втором примере так именуется персонаж маргинальной идентичности (*screaming middle-aged wine*), не проявляющий социальной активности и пребывающий в состоянии алкогольного опьянения вплоть до утраты сознания в публичных городских пространствах Сан-Франциско, что резко контрастирует с изображенным в первом фрагменте одноименным представителем светского общества (*a rich gourmet*).

На основе рассмотренных примеров вполне очевидно, что единого героя с именем *Trout Fishing in America* в романе не существует. Подобная «мультипликация персонажных масок» (термин З. М. Чемодуровой) держит читателя в напряжении, вынуждая его извлекать все новые значения имени и безуспешно искать сходство между его носителями, тем самым актуализируя игру, реализованную посредством столкновения в одном фикциональном мире ряда контрадикторных сюжетных линий. Похожий прием комбинирования «диссоциирующих» элементов прослеживается и в следующем текстовом примере:

Alone, standing over their bodies, he [Leonardo da Vinci] held the lure in his hand and gave it a name. He called it “The Last Supper.” <...> In a matter of months that trout fishing lure was the sensation of the twentieth century, far outstripping such shallow accomplishments as Hiroshima or Mahatma Gandhi. Millions of “The Last Supper” were sold in America. The Vatican ordered ten thousand and they didn’t even have any trout there [10, p. 166].

В данном случае Р. Бротиган помещает в один контекст прецедентные имена разных дискурсов и исторических эпох, намеренно деформируя логику реальности. Так, в изображаемом писателем вымышленном мире гений эпохи Возрождения Леонардо да Винчи оказывается создателем рыболовной приманки, которую называет *The Last Supper* («Тайная Вечеря»). Изобретение творца при этом становится «сенсацией двадцатого века», успех которой привлекает внимание Ватикана и сопоставляется по значимости с такими историческими явлениями, как атомная бомбардировка Хиросимы и общественное наследие Махатмы Ганди. Подобная игра с феноменами «трансмировой идентичности», по мнению З. М. Чемодуровой, позволяет автору смоделировать уникальный фикциональный мир, характеризующийся неопределенностью сюжетного времени, пространства и необъяснимостью причинно-следственных связей [9].

Необходимо подчеркнуть, что игровая модальность проявляется в данном романе и на уровне текстообразования. Как отмечает Г. Г. Слышкин, использование прецедентных единиц часто связано с вовлечением реципиента в коммуникативную игру посредством актуализации «скрытых, тщательно замаскированных реминисценций, представляющих собой загадки, разгадать которые предлагается адресату» [8, с. 105]. В этой связи можно упомянуть прецедентное имя *Walden Pond*, функционирующее в качестве названия одной из глав произведения Р. Бротигана — «*A Walden Pond for Winos*». Содержащаяся в данном заголовке аллюзия на автобиографический роман Г. Д. Торо «*Walden; or, Life in the Woods*» (1854), в котором описывается эксперимент автора по собственной изоляции от общества, провоцирует у читателя — в сочетании с коллоквиализмом *winos* — возникновение семантического диссонанса, разрешить который возможно лишь при прочтении всей главы.

Вопреки ожиданиям читателей, доверившихся литературной аллюзии, повествование оказывается довольно обыденным: изображаемые автором события разворачиваются в центральном парке Сан-Франциско, где рассказчик со своими друзьями-художниками распивает алкоголь, укрываясь от сотрудников полиции. Одновременно употребление прецедентного имени *Walden Pond* в заголовке задает интерпретационную рамку сюжета главы, позволяя нам трактовать встречи рассказчика с приятелями как своеобразную форму отшельничества. Таким образом, анализируемая литературная отсылка создает двуплановость восприятия, где идеализированный философский эксперимент Г. Д. Торо иронично соотносится с социальной изоляцией маргинальных героев, способствуя превращению текста в игровое пространство пересечения контр-дикторных смысловых планов.

В заключение следует отметить, что прецедентные имена в романе Р. Бротигана являются важным инструментом реализации игровой модальности постмодернистского художест-

венного текста. Данные номинации способствуют формированию совокупного интертекстуального пространства, в рамках которого читатель вовлекается в предлагаемую автором коммуникативную игру и становится активным участником литературного со-творчества.

Список литературы

1. *Безруков А. Н.* Поэтика интертекстуальности : учеб. пособие. Бирск, 2005.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. *Долинина И. Б.* Грамматическая семантика высказывания и пропозициональные глаголы // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте : тез. докл. рабочего совещ. М., 1987. С. 47—49.
4. *Иванова Ю. М., Ярмахова Е. А.* Маркеры игровой коммуникативной тональности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 10 (339). С. 71—77.
5. *Лотман Ю.* Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М., 1998. С. 650—669.
6. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблема киноэстетики : статьи, заметки, выступления (1962—1993). СПб., 1998. С. 14—288.
7. *Нахимова Е. А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография. Екатеринбург, 2011.
8. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М., 2000.
9. *Чемодурова З. М.* Прагматика и семантика игры в текстах англоязычной постмодернистской прозы XX—XXI веков : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017.
10. *Brautigan R.* Trout Fishing in America. London, 1997.

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. А. Мальцев
(Калининград)
lamaltsev23@mail.ru

«ДОСТОЙНОЕ ДАТЬ ВЕЩИ СЛОВО!»: МОДАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ПОЭЗИИ Ц. К. НОРВИДА

Анализируется композиция стихотворения Норвида «Общие места» в аспекте его модальных смыслов. Также раскрывается специфика передачи этих смыслов в двух переводах на русский язык — Д. Самойлова и Н. Горбаневской. Модальность анализируемого стихотворения определяется его вопросно-ответной структурой, которая может осмысливаться двояко: как диалог между «вещью» и «словом» и как диалог между «речью» и «словом».

Ключевые слова: Норвид, модальность, возможность, необходимость

Модальное своеобразие норвидовской поэзии, устанавливающей загадочные, парадоксальные и даже причудливые отношения между языковой и предметной действительностью, афористически отражено в стихотворении «Общие места» («Ogólniki»), которым открывается программный стихотворный цикл Норвида «Vade mesum» (1865). Приводим подстрочный перевод:

© Мальцев Л. А., 2025

1

Когда весною жизни дух-Художник
Упивается ее дыханием, подобно мотыльку,
Дозволено ему сказать только одно:
«Земля — кругла — она как шар!»

2

Но когда дрожание позднейших холодов
Взволнует древо, и опадут цветы,
Тогда добавить еще надо:
«У полюсов — (она) сплюснута — немного...»

3

Всех ваших красот
О ты, Поэзия, и ты, Красноречие,
Одна извечно превыше всего:
Ответное дать вещи — слово! [7, s. 114]².

Существуют два поэтических перевода этого стихотворения на русский язык — Давида Самойлова и Натальи Горбаневской:

1

Своей весною пьет всечасно
Дыханье жизни дух Поэта,
И возглашает только это:
«Земля кругла — шарообразна!»

2

Но лишь окончится цветенье
И отшумит дождями осень,
Необходимо добавленье:
«Она приплюснута вдоль оси...»

² Перевод Л. М.

3

Но выше ваших обольщений,
Поэзия и Красноречье,
Одно — в том высота речений:
Дать в слове точный образ вещи»
(Д. Самойлов [3, с. 402]).

1

Весною жизни, как пчела,
Пьет соки жизни дух Поэта,
Но петь ему вольно лишь это:
«Земля есть шар — земля кругла!»

2

Когда же холод листья ржавить
Придет — и ветер гулять в лесах;
Положено еще прибавить:
«Поплоще чуть — на полюсах...»

3

Риторика! И Стихотворство!
Всех ваших чар всегда и снова
Превыше вечное упорство:
Достойное дать вещи — слово!
(Н. Горбаневская [3, с. 111—112]).

Прежде всего принципиальным является различие прочтенный Д. Самойловым и Н. Горбаневской норвидовской максимы «*Dać odpowiednie rzeczy słowo*», выражающееся в выборе прилагательного, указывающего на характер отношения между словом и вещью. Вариант Самойлова «дать в слове точный образ вещи» близок отмеченному Михалом Гловиньским принципу реалистического максимального подобия слова и изображаемой вещи — *mot juste* («правильное слово» (фр.)) [6, с. 348—349]. Выбирая подобный вариант интерпретации норвидовской максимы, поэт-авангардист Юлиан Пшибось отмечал, что максима Норвида «*Dać odpowiednie rzeczy słowo!*» подходит для прозы, а также для риторики, но никак не для

поэзии, в которой, по его мнению, господствует принцип неточных, неочевидных и, следовательно, не вполне логичных отношений между словом и изображаемой вещью.

Вариант Горбаневской «Достойное дать вещи — слово!» указывает на то, что «дух Поэта», делая выбор между разными словами, достаточно «точно» называющими вещь, останавливается на лучшем из «точных», то есть на «достойнейшем» варианте, призванном не просто назвать, но почтить вещь, представив ее перед читателем торжественным, наилучшим способом.

Однако норвидовскому варианту «ответное дать вещи слово» не идентичен перевод ни Горбаневской, ни Самойлова. Норвидовская формула не содержит в себе в полной мере реалистической установки на «точное слово», не обнаруживает и тенденции к идеализации «вещи» посредством «достойного слова», а указывает на отношения «вопроса» — «ответа», акцентируя диалогичность вещи и слова. Подобно античной легенде о Сфинксе, апокрифически пересказанной Норвидом в стихотворении «Сфинкс II», вещи, подобно Сфинксу, ставят загадки-вопросы перед «духом-Художником» (*duch Artysta*), который призван «ответное дать вещи слово». Следовательно, жанровым образцом анализируемого стихотворения мы можем считать катехизис — произведение на метафизико-моральную тему в форме вопросов и ответов. Наиболее показательным примером вопросно-ответной формы в творчестве Норвида является поэма Норвида «Promethidion» (1849), дающая ответы на вопросы о том, что есть красота, что есть искусство, в чем заключается призвание поэта.

Существенно то, что оба перевода, Самойлова и Горбаневской, сохраняют оригинальный глагол «дать» (*dać*), подчеркивая недостаточность номинативной функции слова в анализируемой норвидовской максиме, о которой мог бы свидетельствовать, например, наиболее очевидный вариант перевода «называть вещи своими именами». У Норвида слово не просто

называет вещь, а что-то ей дает, то есть чем-то обогащает «вещную» действительность³.

В стихотворении приводятся два взаимосвязанных примера: второй создает антитезис первого, одновременно служа его дополнением. В первом четверостишии речь идет о состоянии энтузиазма и «упоения» жизнью, вызванном весенним цветением природы, и словом-«ответом» на это состояние является тезис об округлости земного шара. Во втором четверостишии, наоборот, говорится, об осеннем увядании природы и соответствующем состоянии сплина, который, в свою очередь, рождает скептический антитезис: земля является не идеальным, а сплюснутым шаром, то есть она представляет собой не вполне качественно сделанную «вещь». Оба «соответствия» не могут быть максимально точным примером «называния вещей своими именами», — наоборот, они демонстрируют «зазор» между объективной действительностью (состоянием природы) и словами, произносимыми «духом-Художником». Для большинства читателей остается не вполне очевидным, каким именно образом весенняя жизнерадостность находит отражение в мысли об округлости земли, а осенняя хандра — в уточнении, что Земля все же не является совершенным шаром.

Первое и второе четверостишия создают систему оппозиций: весна — осень, молодость — старость, радость — уныние, округлость — сплюснутость земного шара. Модальным соответствием этих оппозиционных пар обоих четверостиший являются *wolno mówić* («дозволено сказать») в первом четверостишии и *trzeba dodać* («надо добавить») во втором. Весна и молодость имеют корреляции с райской вольностью человека, при которой делается акцент на том, что «позволено», «разрешено», а осень и старость — с состоянием грехопадения и его модальным соответствием в необходимости, при котором человек добывает «хлеб в поте лица». Модальные акценты позволения (в первом четверостишии) и необходимости (во вто-

³ По-польски слово «действительность» (*rzeczywistość*) является производным от слова «вещь» (*rzecz*).

ром) не в полной мере отражены в переводе Д. Самойлова: в первом случае это глагол «возглашает», отражающий само действие, но не разрешение его совершить; во втором используется адекватное оригиналу сочетание «необходимо добавление». Остроумно решена проблема модальных соответствий оригиналу у Н. Горбаневской: «петь ему вольно лишь это» (1); «положено еще прибавить» (2). В первом четверостишии переводчица дословно и весьма удачно передает особенности оригинала, а во втором глагол «положено», в отличие от *trzeba* («надо»), указывает не столько на необходимость, сколько на нормативность действия, его соответствие определенным предписаниям, правилам.

Во втором четверостишии Н. Горбаневская вводит метафорический оттенок, отсутствующий в оригинале (анализируемое стихотворение Норвида бедно метафорами!). Это осенний образ «ржавых» листьев («Когда же холод листья ржавить придет...»). Попытку добавить красок в отмеченный изобразительным аскетизмом норвидовский оригинал едва ли следовало бы признать удачным, если бы переводчица таким образом не нашла ресурс для передачи звукописных особенностей текста. Действительно, в первой части, в которой говорится о весенней гармонии, вводится сонорный ряд (*motyle, tyle, kulisty*), что придает четверостишию эффект благозвучия «музыки небесных сфер». Во второй части выделяются шипящие (*dreszcze, drzewem wzruszą*), создающие у слушателя впечатление порчи изначального благозвучия, «скрежета», и Горбаневская находит лексические эквиваленты для передачи именно такого ощущения («ржавить», «поплоше»).

Любопытно, что в стихотворении Норвида «Ирония» акустическим соответствием иронической модальности является «скрежет резца». Норвид был скульптором, и с помощью отсылок к технике ваяния находил соответствие между пластической и словесной изобразительностью. Земля не просто является сплюснутым шаром, но при движении издает не очень приятный для уха звук, напоминающий скрип или скрежет.

С этим связана ироническая насмешка над делами земными, не без оттенка сарказма, и ироническая модальность передается именно на уровне музыки стиха. Ирония, по Норвиду, имеет не только эстетический, но и онтологический статус (см.: [2, с. 54]). Она является *koniecznym bytu cieniem* — «необходимой тенью бытия» [7, s. 171]. То есть автор видит в иронии не проявление некоего индивидуалистического своеволия. Наоборот, ирония, по Норвиду, имеет ригористическую заданность, связанную с необходимостью и долгом, — то есть с тем, о чем говорить «надо» и что говорить «положено».

Последнее четверостишие рассматриваемого стихотворения представляет собой переход на метауровень — от примеров, иллюстрирующих противоположные отношения между «словом» и «вещью», к основному принципу *ars poetica*, эксплицируемому в рассматриваемой максиме «Ответное дать вещи слово!». В силу этого стихотворение, благодаря своей логической выверенности, представляется универсальной формулой поэтической модальности. В интертекстуальных горизонтах обоих русскоязычных переводчиков норвидовская максима «ответное дать вещи слово» коннотативно соотносится с пастернаковской⁴ максимой поэтического творчества, выраженной в стихотворении «Август»: «И образ мира, в слове явленный» [4, с. 532]. Пастернаковская корреляция *слово* — *образ* отвечает у Д. Самойлова («Дать в *слове* точный *образ* вещи»), а у Н. Горбаневской присутствует интертекстуальный мотив *упорства*, прилагая которое, «дух Поэта» ищет для вещи «достойное слово» — ср. со стихотворением «Август» Пастернака: «Полета вольное *упорство*».

М. Гловиньский указывает на ресурс многозначного толкования норвидовской максимы «*Dać odpowiednie rzeczy słowo!*». Слово *rzecz*, помимо его общераспространенного значения «вещь» в современном польском языке, имело в XIX веке

⁴ В целом, параллели Норvida с Пастернаком не являются случайностью, что показано, например, в работе Е. Рашковского [5] и у автора этой статьи [1].

второе значение — «речь». Так, упомянутая выше поэма «Promethidion» наделена подзаголовком «rzecz o sztuce» («речь об искусстве»), а по поводу творчества поэта из Чернолесья Яна Кохановского Норвид писал следующее: «Czarnolaskiej rzeczy ja chcę, ona serce uleczy...» («Чернолесской я речи хочу, она сердце излечит...») [6, s. 349].

Согласно М. Гловиньскому, понимание норвидовской максимы как «ответное дать *речи* слово!» не является тавтологическим. Существительное *rzecz*, по Норvidу в интерпретации М. Гловиньского, «означает речь, но не любую, речь, связанную с тем, что наиболее человечно, наиболее важно для человека» [Idid.]. Существительное же *slowo*, в соответствующем толковании, — это не просто лексическая единица, а «осмысление, учение, знание», и в этом смысле «оно приближается к греческому Logos» [Idid., s. 349—350]. «Речь и слово, — заключает М. Гловиньский, — выражают норвидовскую концепцию поэзии как языкового творчества» [Idid., s. 350]. Эта лингвистическая коннотация норвидовской максимы находит свое место в переводе Н. Горбаневской: «...в том высота *речений*...».

Независимо от того, толковать ли *rzecz* как «вещь» или как «речь», стихотворение Норvida «Общие места» сохраняет в себе диалогическую вопросно-ответную структуру. Согласно первому толкованию, действительность, состоящая из «вещей», задает «духу-Художнику» вопросы, на которые он отвечает с помощью слова. Согласно второму, речь и является «духом-Художником», то есть самозарождающимся и саморазвивающимся феноменом. В трактате «Молчание» Норвид пишет, что трудно представить себе высказывание, не предполагающее следующего высказывания, которое дает ответ на вопрос, имплицитно содержащийся в высказывании предыдущем [Idid., s. 336—337]. Таким образом, в проанализированном стихотворении, сравнивая разные варианты текстопорождения, Норвид переходит на метауровень: предметом его философско-эзегетического интереса является не только слово, понятое как определенный «ответ» на вещный мир, но и сам вопросно-ответный феномен речи-слова.

Нельзя не обратить внимание на то, что финальную максиму «Ответное дать вещи (речи) слово!» Норвид графически выделил в рукописи с помощью семи диагональных крестиков, сопроводив саму эту максиму восклицательным знаком. В трактате «Молчание» Норвид говорит о том, что восклицательный знак «не только не способствует дальнейшему построению высказывания, он обрывает и завершает высказывание» [3, с. 336]. Таким образом, приведенную максиму можно считать формулой, исчерпывающе выражающей мысль текста⁵. Для поэзии Норвида с господствующей в ней недосказанностью и умолчаниями, пунктуационно частыми многоточиями, подобная законченность мысли — довольно редкое явление.

Список литературы

1. *Мальцев Л. А.* Дантовский сверхсмысл стихотворения Ц. К. Норвида «Рояль Шопена» // Отзвуки Шопена в русской культуре. М., 2012. С. 85—91.
2. *Мальцев Л. А.* Ирония как имплицитная форма авторской модальности в новелле Ц. К. Норвида «Ad leones!» // Модальность. Коммуникация. Текст : сб. науч. тр. Калининград, 2021. С. 53—59.
3. *Норвид Ц. К.* Пилигрим, или Последняя сказка. М., 2002.
4. *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч. : в 11 т. М., 2004. Т. 4.
5. *Рашковский Е.* К самопознанию поэта: польская дворянская романтическая культура в поэтическом логосе Бориса Пастернака // Польская культура в зеркале веков. М., 2007. С. 399—416.
6. *Głowiński M.* Odpowiednie dać rzeczy słowo // Głowiński M. Intertekstualność, groteska, parabola. Szkice ogólne i interpretacje. Kraków, 2000. S. 347—351.
7. *Norwid C. K.* Poezje. Kraków, 1995.

⁵ Впрочем, как видно из рукописи стихотворения, Норвид позже внес изменения в текст, которые трудно читаются. Это свидетельствует о том, что присущая поэту процессуальность мышления взяла верх над афористической замкнутостью текста, признанного каноническим.

И. А. Королева

(Смоленск)

innakor@mail.ru

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТАХ ПОЗДНЕЙ ЛИРИКИ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Рассматривается авторская модальность и ее разновидности в поздней лирике А. Т. Твардовского, великого русского поэта, мастера слова, который является образцом объективного показа действительности через призму личностной оценки различных ситуаций и собственного поэтического «Я».

Ключевые слова: А. Т. Твардовский, поздняя лирика, авторская модальность, тема, разновидность, ситуация, оценка

Как известно, творчество великого русского поэта Александра Трифоновича Твардовского условно делится на три периода. Ранний период — это лирика довоенных лет, характеризующаяся спецификой тематики, образов и своеобразной авторской манерой изложения. Главные темы этого периода — описание родного дома, родной природы, строительства нового общества, тема матери (например, стихи «Гость» (1933), «Братья» (1933), «Матери» (1936), «В поселке» (1937)). Второй период — военная лирика и лирика первых послевоенных лет, для которой характерны темы войны, ее героев и дорог, великого подвига великого народа, послевоенного строительства (таковы стихи «Война, война...» (1942), «Земляку» (1942), «Партизанам Смоленщины» (1942), «Армейский сапожник» (1942), «Отец и сын» (1943), «Берлин» (1945)). И наконец, третий период составляет лирика последних лет (стихи «Я знаю, никакой моей вины...» (1966), «Там-сям дымок садо-

вого костра...» (1967), «В чем хочешь человечество вини...» (1968), «Допустим, ты свое уже оттопал...» (1968), «Нет ничего, что раз и навсегда...» (1969) и многие другие). Основные темы последних стихов весьма разнообразны, но, по сравнению с другими периодами, среди стихотворений этого периода гораздо больше текстов философской направленности. Поэт по прошествии лет все больше задумывается о смысле жизни, о прошлом, о взлетах и падениях судьбы, о своих ошибках. Он как бы подводит итоги пережитого, делится своими сокровенными мыслями с читателями, размышляет вместе с ними [4]. На наш взгляд, именно стихи последнего периода являются благодатным материалом для изучения субъективной (авторской) модальности, чему и посвящена настоящая статья.

В содержательный объем категории модальности исследователи включают множество значений. Не ставя своей целью детально рассмотреть категорию модальности в теоретическом аспекте [5], мы хотим обратить внимание на термин и понятие «авторская модальность», которая до настоящего времени не имеет единого толкования. Остановимся на двух основных подходах.

Некоторыми учеными авторская модальность рассматривается как «воплощение авторских интенций» [7, с. 11]. При таком понимании авторская модальность соотносится с образом автора текста, в частности художественного. Вне поля зрения остаются модальные смыслы в структуре образа персонажа и эмотивные смыслы, появляющиеся в сознании читающего текст [1].

При втором, более широком подходе авторская модальность рассматривается более объемно, более разнопланово, охватывает и образ автора, и образы персонажей, и модальную составляющую, возникающую в сознании читателя [6; 7]. Однако в этом случае авторская модальность как бы совпадает с субъективной модальностью. И вместе с тем эти понятия можно достаточно четко разграничить: субъективная модальность может существовать и вне текста, просто на уровне предложе-

ния — высказывания, раскрывая отношение субъекта (говорящего) к той или иной описываемой ситуации (ее возможности, вероятности, достоверности и др.) с помощью определенного набора языковых элементов (вводных слов и вводных конструкций, модальных глаголов и др.). Как отмечает С. С. Ваулина, «особенность содержания термина *авторская модальность* заключается, на наш взгляд, в видовом положении авторской модальности по отношению к родовому — субъективной модальности» [2, с. 41]. Также необходимо отметить, что категория авторской модальности во многом определяется личностными особенностями автора, его эстетическими вкусами и пристрастиями, его эмоциональным состоянием, аксиологическими установками. Вот что пишет И. Р. Гальперин по поводу того, что представляет собой для читателя «содержательно-концептуальная» информация текста: «...это индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [3, с. 28].

Обратимся к анализу авторской модальности А. Т. Твардовского, имея в виду, что мы рассматриваем поэтический текст, в котором отражается индивидуально-авторская художественная картина мира.

Реализация авторской модальности осуществляется в соответствии с темой того или иного произведения. Важная тема позднего творчества Твардовского — осмысление прожитого в поэзии пути, осознание своей роли в вечном процессе воздействия словом на человека в контексте русской поэзии. Одно из главных стихотворений на эту тему — «Слово о словах» (1962). Твардовский рассуждает о роли слова, о его возможности с позиции настоящего поэта, не рифмоплета. Слова доносят до читателя авторские мысли, чувства, желания, воздей-

ствуют на него и призывают к делам: «Все есть слова — для каждой сути, / Все, что ведут на бой и труд, / Но, повторяемые всеу, / Теряют вес, как мухи мрут. / Да, есть слова, что жгут, как пламя, / Что светят вдаль и вглубь — до дна, / Но их подмена словесами / Измене может быть равна» [8, с. 245].

Слова поэта значимы, но он не уверен, что может описать ими все великие дела родной страны: «Вот почему, земля родная, / Хоть я избытком их томим, / Я, может, скупо применяю / Слова мои к делам твоим» [Там же].

Твардовский против славословья, которым грешат иные поэты, против восхваления пустыми словами великих дат и дел. Слова — это не «труха», не «дурной трезвон». Свообразным итогом, утверждением своего подхода к слову звучат следующие строки: «И я, чей хлеб насущный — слово, / Основа всех моих основ, / Я за такой устав суровый, / Чтоб ограничить трату слов...» [8, с. 246].

Та же тема красной нитью проходит в стихотворении «Есть книги — волею приличий...» (1963), в котором поэт рассуждает о роли книг в истории. Здесь модальность та же — ситуативная вероятность и достоверность. Автор показывает, что хорошие, правильные книги не стареют, «они у века не в тени», «они в чести», в то время как «труды новейшие, толпясь, стоят у времени в приемной, чтоб на глаза ему попасть...» [8, с. 247]. Проверенные временем книги всегда в строю, но и у новых книг есть вероятность попасть «на полку истории», если они правдивы и достоверны.

Быстротечность времени и одновременно тесную связь поколений мы замечаем в тексте стихотворения «Посаженные дедом деревца...» (1965). Деревья переживают человека, это связь деда, отца, сына, внука: «Ровесниками века становясь, / В любом от наших судеб отдаленье, / Они для нас ведут безмолвно связь / От одного к другому поколенью» [8, с. 251].

Поэт здесь утверждает долженствование самой действительности, которой нельзя найти альтернативы.

Ту же краткость человеческого бытия и одновременно действенное продолжение вечной природы Твардовский пока-

зывает в зарисовке «Все сроки кратки в этом мире...» (1965). Сирень цветет недолго, но «побуревшие соцветья» сменяются «кистью семенной». Таким образом, весной начинается новый цикл, что является одним из проявлений долженствования бытия.

Одна из тем поздней лирики — горечь утраты человеком связи со своей малой родиной. Это личная боль поэта, который уехал из родного смоленского Загорья и был там последний раз в 1939 году (известное стихотворенье «Поездка в Загорье»). Твардовский констатирует объективную реальность — село пустеет, умирает. В стихотворении «На новостройках в эти годы...» (1965) автор показывает новую кипучую жизнь и с душевной горечью спрашивает: «Земля родная, что же стало, / Какая странная судьба: / Не только юность, но и старость / Туда же, в город, на хлеба» [8, с. 253].

Один из лучших циклов стихов последних лет — «Памяти матери» (1965). Он продолжает тему памяти, особо развивая ее. Лейтмотивом проходит модальность долженствования и необходимости, которые реализуются в своеобразном микрополе сыновьей и материнской любви, осложненной у Твардовского горькими мыслями о разлуке — так уж сложилась его судьба: «Прощаемся мы с матерями / Задолго до крайнего срока — / Еще в нашей юности ранней, / Еще у родного порога» [8, с. 255].

Горечь разлуки с матерью обоснована мотивом долженствования — так должно было случиться, такая горькая доля легла на плечи Твардовских. До конца жизни болело сердце поэта о матери, винил себя, что даже похоронить мать не смог так, как она хотела, как было необходимо сделать по христианской традиции, как просила душа. Весь цикл пронизан болью и любовью. И мыслями о скорой встрече с матерью, у которой он должен попросить прощения: «Отжитое пережито, / А с кого какой же спрос? / Да уже неподалеку / И последний перевоз» [8, с. 259].

Самые последние стихи 1969 года практически все раскрывают тему ухода из жизни; Твардовский размышляет о

встрече со смертью, о достоинстве человека перед последней чертой: «Но боже мой, и все-таки неправда, / Что жизнь с годами сходит вся на клин, / Что есть сегодня да, условно, завтра, / Да безусловно вздох в конце один» [8, с. 299].

Здесь модальность неизбежности как бы соединяется с модальностью долженствования. Размышления поэта абсолютно достоверны: «Нет, был бы он невыносимо страшен, / Удел земной, не будь всегда при нас / Ни детства дней, ни молодости нашей, / Ни жизни всей в ее последний час» [Там же].

Последние стихи 1970 года (их очень мало, так как это год смерти поэта) весьма субъективно обращены внутрь души на пороге смерти. Твардовский знает, что умирает, но не знает — как, впрочем, и никто не знает свой последний смертный час. К нему надо быть готовым: «И не терзаться — ах да ох, — / Что, близкий или дальний, / Он все равно тебя врасплох / Застанет час летальный [8, с. 305].

Как показал анализ поздних стихотворений великого мастера слова Александра Трифоновича Твардовского, авторская модальность в текстах реализована с точки зрения проявления внутренней индивидуальной художественной картины мира поэта, его отношения к тем или иным жизненным ситуациям. Основные модальные реализации — достоверность, вероятность, возможность, необходимость. Основным языковым средством в поздней лирике Твардовского является модальная лексика.

Список литературы

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // *Оценки и ценности в современном научном познании* : сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133—142.

2. *Ваулина С. С.* Традиционное и дискуссионное в научных подходах к модальности // *Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка* : монография / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018. С. 7—42.

3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

4. *Ильин В. В.* Не пряча глаз. Александр Твардовский. Смоленск, 2000.

5. *Коммуникативный* потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка : монография / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2018.

6. *Маркова Н. А.* Прагматические особенности художественного текста // Принципы изучения художественного текста : сб. науч. тр. Саратов, 1992. С. 32—41.

7. *Стратийчук Е. Ю.* Персональность как текстообразующая категория художественного текста: на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006.

8. *Твардовский А. Т.* Лирика. М., 1976.

С. Г. Горбовская
(Санкт-Петербург)
vard_05@mail.ru

МОДАЛЬНОСТЬ «СЕЛАМНЫХ СПИСКОВ». О ЧЕМ И С КЕМ «ГОВОРЯТ ЦВЕТЫ»?

Рассматривается вопрос содержания «реплик» цветов в «селаменных списках» сборников «Языка цветов» XIX—XX веков. Анализируются реплики, представляющие собой яркие примеры имитации человеческой речи. В «селаменных списках» выявляются разные типы модальных значений, например восхищение адресатом, признание в любви, отказ, предупреждение, предостережение. Устанавливается очевидное различие реплик цветов в разных изданиях флориографических книг.

Ключевые слова: «селаменные списки», флориография, «язык цветов», модальные значения, русская литература, французская литература

«Селамы»¹, или книги «языка цветов»², появились в Европе на рубеже XVIII—XIX веков. Из Турции традицию говорить через цветы и букеты привезли француз Обри де ля Моттре, описавший свое пребывание при дворе шведского короля Карла XII в Турции, и леди Мэри Уортли Монтегю, жена английского посла в Стамбуле [3, с. 10]. Первым переводчиком

© Горбовская С. Г., 2025

¹ Selam — это турецкое слово, обозначающее в неформальной обстановке «привет». Оно схоже с арабским словом «ас-саламу алейкум» (араб. **عَلَيْكُمْ السَّلَامُ**), означающим «мир вам», эквивалент слова «здравствуйте».

² Флориография, или «язык цветов», — значение, придаваемое различным растениям и цветам для выражения тех или иных настроений, чувств и идей.

«селама» в Европе стал австрийский литератор и востоковед Йозеф фон Гаммер, который перевел «Селам» на немецкий язык: «Язык цветов, или Значения» («Die Blumensprache, oder Bedeutung», Berlin, 1823). На русский язык издание, подготовленное Гаммером, перевел Дмитрий Петрович Ознобишин: «Селам, или Язык цветов» (1830). Подобные переводы имели место во Франции, Англии и других странах³.

Классический «Язык цветов» — это сборник стихотворений или отрывков прозы, названных именем растения или рассказывающих о растении. Данное растение подразумевает только то значение, которое содержится в селамном списке. Список традиционно размещается в конце книги, куда нужно заглянуть, чтобы понять тайный смысл цветка-послания.

Отметим, что все сборники под названием «О чем говорят цветы» или «Язык цветов», создававшиеся на протяжении XIX—XX веков обладают несходными «селамными списками», то есть совершенно разными репликами цветов. Сопоставим некоторые схожие наименования из словаря «Селама» (1830) Д. П. Ознобишина [7] и «Языка цветов» (1903) А. А. Быкова [2]. Ознобишин: «*Роза белая*. — Ты презираешь любовь мою; я умираю» [7, с. 96]. Быков: «*Роза белая*: Ты пренебрегаешь моей любовью; я так несчастлив» [2, с. 22]. Ознобишин: «*Роза дикая*. — Вознаградит ли будущее за настоящее» [7, с. 96]. Быков: «*Роза дикая*: Отчего ты стала ко мне холоднее?» [2, с. 22]. Ознобишин: «*Роза красная*. — Ты победил мое сердце» [7, с. 96]. Быков: «*Роза красная*: Я вечно буду твоим» [2, с. 22].

Отметим, что в Европе до появления книг «языка цветов» были схожие традиции «говорящих цветов» или цветов, подразумевающих что-то скрытое. Эти традиции тоже приходили с Востока и Юга, прежде всего из Греции, как, например, «Ве-

³ Отражение селамной традиции обнаруживается в английской (викторианские «немые письма»), французской («благосуханные письма», «алфавиты», «телеграфы», «оракулы» флоры), американской («Школа Флоры» К. С. Рафине) флориографической традиции.

нок» Мелеагра из Гадара (90-е годы I века до н. э.) и «Венок» Филиппа Фессалоникийского (40-е годы н. э.), из Сирии, Палестины, Иерусалима, то есть регионов, связанных с крестовыми походами⁴, а также из местного фольклора. Яркими примерами отражения этих традиций в литературе являются венок и букет Офелии в «Гамлете» У. Шекспира, книги-венки и гирлянды, например «Венок дам» или «Дамские четки» («Le Chapelet des Dames», 1478) Жана Молине и «Гирлянда Юлии» группы французских прециозных поэтов во главе с Шарлем де Монтозье. Есть и еще более ранний пример — франко-византийский роман «Флуар и Бланшефлор» («Floire et Blancheflor», XII век), где описывается общение Флуара через букеты и цветы с Бланшефлор, попавшей в восточный гарем. Однако «селамы» XIX века отличались от всех предыдущих цветочных кодовых традиций тем, что представляли собой хорошо структурированную книгу, включающую первую поэтическую / прозаическую часть и вторую часть в виде списка или глоссария. Кроме того, данные сборники сложно назвать примером художественной литературы, это, скорее, пособия по выбору реплик для устного или эпистолярного общения.

В рамках данного исследования нас интересует именно глоссарий, или «селамный список». Мы рассматриваем вопрос модальности высказываний цветов, которая представлена самыми разнообразными вариантами: от передачи предположения или пожелания до побуждения к действию. Нас интересует: что цветы говорят? как они выстраивают свою речь? и как относятся к тому, на кого она направлена? Кроме того, немало важно понять: к кому именно направлена «речь цветов», кто

⁴ Д. П. Ознобишин в качестве эпиграфа приводит в своей книге строки из средневековой арабской книги Аз-Эддина Эльмокадесси (Azz-Eddin Elmocaddessi) «Цветы и птицы, наставительные аллегории» [11], переведенной в 1821 году на французский язык М. Гарсенем (M. Garsin). Книга представляла собой антологию стихов и отрывков прозы, в которых птицы и цветы имели тайные символические значения.

есть потенциальный адресат? Для сравнения примеров мы снова выбираем один из самых ранних источников — «Селам, или Язык цветов» Ознобишина и изданный почти век спустя «Язык цветов» Быкова [2, с. 7—28], представляющий собой только глоссарий.

В списках этих изданий мы встречаем самые разнообразные варианты модальности как понятийной категории [9]: объективная модальность, субъективная, иллюкутивная. Встречаются и смежные явления: отрицание, оценка, эвидентность, модальность как эгоцентрическая категория. Чаще всего «реплики» цветов представляют собой:

— выражение восхищения адресатом (Ознобишин «Гвоздика (Турецкая). — Немного тебе подобных» [7, с. 66]; Быков «Скороспелка: Твой прелестный взор очаровывает меня» [2, с. 23]);

— признания в любви (Ознобишин «Гелиотроп. — Тебя повсюду ищет мое сердце» [7, с. 67]; Быков «Астра: Я люблю тебя искренне и преданно» [2, с. 8]);

— восторженные восклицания (Ознобишин «Черемуховый цвет. — Как ты меня обрадовал!» [7, с. 107]; Быков «Подснежник: О, если бы нашей любви улыбалась вечная весна!» [2, с. 21]);

— клятвы (Быков: «Олеандр: Тебе я буду вечно верен» [2, с. 19]).

Но также передаются:

— упреки (Ознобишин «Гортензия. — Жестокая! Как могла ты так скоро забыть меня» [7, с. 68]; Быков «Ранункул. Ты лицемеришь» [2, с. 21]);

— жалобы или стенания (Ознобишин «Шалфей. — Только мысли о тебе сохраняет это бедное сердце» [7, с. 108]; Быков «Анютины глазки: Когда ты прекратишь мои мучения любви?» [2, с. 7]);

— предположения (Ознобишин «Чай Новозеландский. — Наша разлука неизбежна» [7, с. 107]; Быков «Базилика: Мы становимся все ближе и ближе» [2, с. 8]);

— высказывание опасения (Ознобишин «Горлянка. — О, что будет со мной!» [7, с. 68]; Быков «Водорез: Тихие воды — глубоки» [2, с. 9]);

— предостережения (Ознобишин «Волчий корень. — Нас подозревают» [7, с. 65]; Быков «Белокопытник: Молчание — золото» [2, с. 8]).

Нередко встречаются:

— побуждения к действию или принятию решения (Ознобишин: «Чернобыльник. — Будь мужественен! Прости и люби меня» [7, с. 108]; Быков «Бузина: Я жду тебя, приходи скорее» [2, с. 8]);

— просьбы и советы (Ознобишин: «Чабер трава. — Прими меня в число своих невольников, я буду счастлив» [7, с. 107]; Быков «Цветок жизни: Пользуйся жизнью, она так коротка» [2, с. 26]);

— приказы (Ознобишин: «Чертова борода. — Удались!» [7, с. 108]; Быков: «Шафран: Ты должна перестать завидовать» [2, с. 27]);

— обмен вопросами и ответами (Ознобишин: «Георгина. — Могу ли я приблизиться к горделивой?» [7, с. 67]; Быков: «Лепесток белой розы: Нет; Лепесток красной розы: Да» [2, с. 22]).

Адресатами «языка цветов» могут быть возлюбленные, участники тайной переписки, родственники, друзья, также игроки в «цветочный флирт». Если адресат не знает, к какому списку относится послание, то оно бессмысленно.

Ярчайшим примером реального общения через реплики цветов стала переписка императрицы Александры Федоровны и ее отца — короля Фридриха-Вильгельма III Прусского. Письма представляли собой листы бумаги с прикрепленными к ним цветами и растениями. Каждый цветок подразумевал определенную реплику, складывающуюся в целое короткое письмо. Лишь Александра Федоровна и Фридрих-Вильгельм III знали ключи к шифру [4, с. 158—159].

Французский дневник Анны Керн, написанный в 1820 году, также относят к селамной традиции⁵. Дневник посвящен тете Керн Феодосии Полторацкой, в нем есть тайный рассказ о любви замужней Керн к молодому офицеру. Себя Анна портретирует с помощью цветка-аллегии Sensation (Чувственница, или мимоза), возлюбленного — как Eglantine (Шиповник) и Immortelle (Бессмертник). В тексте содержится множество других цветов-шифровок, обозначающих конкретных людей.

Острый интерес в связи с данной темой вызывает проблема объектности или субъектности говорящего («кто говорит?»). Если цветок становится средством направления тайного высказывания, то он больше не говорящий, а как бы маска говорящего, нечто его заменяющее или заменяющее то, что тайно говорит тот, кто использовал речь определенного цветка. Примеры такого цветочного общения встречаются в русской поэзии XIX века. В стихотворении Г. Р. Державина «Незабудка» (1809) автор передает через язык цветов (незабудки, лилеи и розы) свои чувства к возлюбленной; А. С. Пушкин в стихотворении «Роза» говорит с друзьями, используя тайный «язык» двух цветов — розы и лилеи.

Однако использование цветка как вестника может быть и непрямым. Автор при посредничестве героя объясняет скрытые значения цветов. В литературе XIX века встречаются примеры использования героями произведений цветочных шифровок для переписки, посланий, тайного общения. Чаще всего значение этих растений поясняется автором, становится понятным из контекста или объяснений самих действующих лиц.

В процессе исследования флористических литературных образов мы обнаружили немало примеров влияния цветочного селама на французскую литературу XIX века⁶. Приведем лишь

⁵ Подробно флориографию дневника А. Керн изучила К. И. Шарафадина [10, с. 137—208].

⁶ Примеры использования «селама» в немецкой, американской, русской литературе изучает К. И. Шарафадина; М. Р. Ненарокова создала цикл статей «Язык цветов» о репликах растений в произведе-

некоторые из них. В романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» автор описывает традицию тайного общения через букеты. В замке Вобьесар маркиза д'Андервилье Эмма Бовари наблюдает, как гости обмениваются букетиками цветов, передавая друг другу тайные любовные послания. В том же романе красноречиво послание Родольфа в виде корзины с абрикосами, под которыми лежит прощальное письмо. Его допустимо рассматривать как прощальную «реплику» абрикосов (маска Родольфа), адресованную Эмме. В романе О. де Бальзака «Лилия долины» Феликс тайно общается с Анриеттой через букетики полевых цветов. Главная — реплика лилии — перефразирование цитаты из библейской «Песни песней»: «Она была лилией этой долины... все говорило здесь о любви, которая заполняла мое сердце» [1, с. 25]. Мода на реплики цветов отражена и во французской поэзии XIX века. Например, в стихотворении В. Гюго «Роза Инфанты» лепестки розы «говорят» с испанской принцессой о могуществе природы: «Листочки [в оригинале — лепестки] носятся, как будто флот разбитый: Судьба Армады здесь — так небеса хотят!» [5, с. 396]. В другом стихотворении Гюго, «Единство» («Unité»), передается диалог солнца и ромашки: «“И у меня лучи”, — ромашка говорила» [6, с. 309]. Ф. Коппе в стихотворении «Тюльпану» («À une tulipe», 1869) не только передает традицию говорения через цветы, но и сопоставляет тюльпаны, выращиваемые в теплицах, с турецким гаремом. Традиция «селама» передается также и во французской литературной сказке, прежде всего в произведении Ж. Санд из сборника «Бабушкины сказки» (1874) «О чем говорят цветы».

Традиция обращения к цветочному селаму в литературе не исчерпывается XIX веком. В XX веке ярким примером стал

ниях М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Д. П. Ознобишина, М. Д. Деларю, Е. Ф. Розена, Е. А. Баратынского, К. Н. Батюшкова и др.; о роли «языка цветов» в испаноязычной литературе пишет М. В. Кутьева.

роман Г. Остапенко «Я выбираю путь» (1967), в котором есть эпизод игры молодежи во «флирт цветов»⁷:

— Сыграем во «флирт цветов», господа? — предлагает Лялька... и раздает всем карточки. Сейчас же чья-то рука протягивает мне карту... Гелиотроп!.. Ищу на карточке «гелиотроп» и читаю: «Вы мне нравитесь»... Я чувствую, что краснею, и беспомощно ерзаю на диване.

— Пошли ему вот это: «сирень», — сквозь зубы говорит Сережа и подсовывает мне свою карточку. Где это «сирень»? Ах, вот: «А вы мне совсем не нравитесь»... [8, с. 255].

В 2001 году А. Вознесенский написал одну из своих последних поэм «Возвратитесь в цветы», в которой вьюнки, ирисы, розы, хризантемы и другие цветы обмениваются репликами: «Роза абракадабра — пей шампанское — у страны подагра»; «Спорынья — не пей сранья» и т. д. «Селамный список» в поэме назван «накладной», «тату зла», «цветные видения», «цветы времени» и т. д. Наиболее значимым, на наш взгляд, произведением на данную тему стал роман американской писательницы В. Диффенбах «Язык цветов» (2011).

Итак, очевидно, что традиция книг «языка цветов» прошла сквозь столетия и остается востребованной в литературе и в наши дни. Реплики цветов направлены на замещение реплик человека, цветы подразумевают различные эмоции и чувства людей. Модальность реплик в «селамных списках» так же разнообразна, как речь людей в самых разных ситуациях. Как показывают примеры, речь идет о трех основных понятийных категориях: объективной, субъективной, иллюкутивной модальностях, а также о смежных категориях: отрицании, оценке, эвидентности, модальности как эгоцентрической категории (обида, злость). Цветы говорят за людей о влюбленности, восхищении, дозволении, предостережениях, ненависти, отказе и многом другом.

⁷ Флирт цветов — салонная карточная игра, популярная в XIX веке. Она повторяет принцип книжных «селамных списков». На оборотной стороне карточки нарисован цветок и дана его реплика.

Кроме того, мы обнаруживаем сложную структуру субъектности и объектности говорящего, а также широкое разнообразие адресатов: от любимой женщины или родственника до конкурента или врага.

Список литературы

1. *Бальзак де О.* Лилия долины // Бальзак де О. Собр. соч. : в 24 т. М., 1960. Т. 8.
2. *Быков А. А.* Язык цветов (язык любви). Рига, 1903.
3. *Горбовская С. Г.* Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов» // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 188—202.
4. *Горбовская С. Г.* История Петергофского Коттеджа императрицы Александры Федоровны // Дворцы, особняки, усадьбы. Музейный формат : сб. науч. ст. XXIV Царскосельской конференции. СПб., 2018. С. 156—168.
5. *Гюго В.* Собр. соч. : в 15 т. М., 1956. Т. 13.
6. *Гюго В.* Собр. соч. : в 15 т. М., 1956. Т. 12.
7. *Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык цветов. СПб., 1830.
8. *Остапенко Г. Г.* Я выбираю путь: повесть о трудовой юности. М., 1969.
9. *Падучева Е. В.* Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016. URL: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 10.06.2025).
10. *Шарафадина К. И.* Селам, откройся! СПб., 2018.
11. *Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d’Azz-eddin Elmo-caddesi, publiées en arabe avec une traduction et des notes par M. Garcin.* P., 1821.

Е. Д. Генералова
(Москва)
general_katrin@mail.ru

МОДАЛЬНОСТЬ РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ ДРАМАТУРГИИ А. Н. АФИНОГЕНОВА

Рассматривается эволюция модальности в драматургии А. Н. Афиногенова (1904—1941). На материале его пьес раннего («По ту сторону щели», «Гляди в оба!») и позднего («Машенька», «Накануне») периодов прослеживается трансформация художественного сознания: от прямолинейной директивной модальности Пролеткульта к сложной полифонической, сформировавшейся под влиянием чеховской традиции и утверждающей общечеловеческие ценности.

Ключевые слова: А. Н. Афиногенов, советская драматургия, модальность, художественная эволюция, поэтика

Александр Николаевич Афиногенов (1904—1941) — один из ключевых представителей в советской драматургии 1920—1940-х годов. Его творческий путь, пролежавший через исторические и идеологические перипетии сталинской эпохи, представляет собой уникальный пример эволюции художественного сознания. Одним из наиболее продуктивных подходов к изучению наследия Афиногенова является анализ модальности его пьес. В лингвистике и литературоведении модальность понимается как функционально-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и его отношение к действительности [5; 8; 11]. Как отмечал В. В. Виноградов, «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение

к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» (цит. по: [8, с. 55]). В драматургии модальность реализует систему оценочных, эмоциональных и мировоззренческих установок автора и персонажей.

Модальность раскрывает, как автор и его герои видят мир: как должный, возможный, желаемый или отвергаемый. Эволюция модальности отчетливо прослеживается при сравнении ранних, агитационных произведений Афиногенова, созданных в русле эстетики Пролеткульта и РАПП, и зрелых, психологически углубленных пьес второй половины 1930-х — начала 1940-х годов. Ранняя драматургия Афиногенова характеризуется прямолинейной директивной модальностью, мир четко делится на «правильное» и «неправильное» в соответствии с партийной доктриной. В поздний же период утверждается сложная, полифоническая модальность, в которой доминируют лирико-психологическое начало, общечеловеческие ценности и заметно влияние чеховской драматургической традиции.

Творческий дебют Афиногенова пришелся на время, когда искусство рассматривалось как мощный инструмент политической борьбы и воспитания масс. Его ранние пьесы, такие как «По ту сторону щели» (1925), «На переломе» (1926) и «Гляди в оба!» (1927), несли на себе отпечаток эстетических принципов Пролеткульта. Для этих произведений характерна упрощенность и схематичность характеров. Модальность прямолинейна и директивна, что в терминах лингвистической типологии можно определить как доминирование деонтической модальности (выражение долженствования, нормы, запрета) и алетической модальности (категоричное утверждение возможности / невозможности в рамках заданной идеологической системы) [11]. Авторский голос звучал уверенно, не допуская

сомнений; мир изображался в черно-белых тонах, а конфликт сводился к открытой борьбе «нового» со «старым» — таковы были и герои пьес Афиногенова того периода.

Ярким примером использования деонтической модальности является пьеса «Гляди в оба!», посвященная молодежи — и студентам-партийцам медицинского института, и беспартийным молодым людям, представителям бывшей буржуазии, которые тлетворно влияют на неокрепшие убеждения ровесников. В пьесе Афиногенова деонтическая модальность используется активно, особенно в идеологических спорах, бытовых конфликтах и для характеристики взаимоотношений между персонажами:

Шиблирев: Мы сюда посланы не для заработка. Деньги на нас государство тратит, — значит, мы *учиться должны* [1, с. 38];

Зонин (о буржуазном образе жизни): *Поймите*, куда ведет такая жизнь [1, с. 30];

Гопчев (Чудовой): С мещанами я *разговаривать не желаю...* [1, с. 85];

Пулькин (Зонину): *Ты бы* вместо спасения подозрительных девиц *почаще бы на завод заглядывал* к своим... [1, с. 47].

Эти примеры иллюстрируют четкую приверженность персонажей директивным моделям высказывания.

Переломным произведением раннего периода стала пьеса «Чудак» (1928). Успех пьесы был обусловлен не только злободневностью (критика бюрократизма, протекционизма), но и появлением более сложного героя — беспартийного специалиста Бориса Волгина, который оказывается «сознательнее зарвавшихся партийцев». Модальность «Чудака» уже не столь однозначна: автор позволяет себе критическую оценку отдельных негативных явлений в партийной среде через речь персонажей, речи Бориса Волгина сочетают как деонтическую, алетическую, эпистемическую и эмотивную модально-

сти практически в равной степени, в то время как в пьесе «Гляди в оба!» эмотивная модальность слабо прослеживается по сравнению с деонтической и алетической модальностями:

Петр Петрович: Они за это будущее драться хотят, засуча рукава, драться, а ты им руки назад скрутила — циркуляром, мол, не предусмотрено [2, с. 140];

Игорь: Пусть кричат об энтузиазме люди с билетами. У них есть перспектива, они могут бороться и критиковать, а нам нужно молча идти своей дорогой, в чужой монастырь нечего соваться со своим уставом [2, с. 144];

Борис: Я докажу это Игорю, я — беспартийный спец... [2, с. 148];

Борис (в монологе с собакой): Я хотел встретить ее сегодня у двери, взять за руки и сказать залпом — «я очень люблю тебя». По моему расчету — она должна была прижаться ко мне и ответить... и ответить — «пошел вон, дурак»... Так глупо, что даже смешно [2, с. 148].

Расширение поля модальности в речи персонажей Афиногенова сделало их более живыми, реалистичными личностями, между которыми возможен не только идеологический, но и межличностный конфликт. Именно «Чудака» можно считать отправной точкой в изменении и обогащении авторской модальности драматурга.

В 1937 году, на пике «большого террора», Афиногенов был исключен из ВКП(б) и Союза писателей. В ожидании ареста в творческом сознании Афиногенова произошел коренной перелом. Исследователи отмечают, что в это время он обращается к творчеству А.П. Чехова [4; 5]. Его дневники наполняются размышлениями, анализом разнообразных литературных произведений, но в особенности чеховских. Если раннему Афиногенову был близок Горький с его пафосом борьбы и поисков, то во время опалы он нашел родственную душу в Чехове — певце «частного» человека, тонких психологических состоя-

ний и недосказанности. Это обращение к Чехову было не просто «тематическим», но и глубоко «модальным»: Афиногенов осваивает чеховскую систему полифонической модальности, где авторская оценка не навязывается прямо, а проступает через подтекст, «настроение», через сложное взаимодействие точек зрения персонажей [2; 4]. Этот период формирует новую модальность его творчества — рефлексивную и экзистенциальную, с большим упором на полифонию персонажей, отныне не придерживающихся какого-то конкретного «лагеря» и идеологии.

После восстановления в партии в 1938 году Афиногенов возвращается к активной творческой деятельности, а его художественный метод претерпевает изменения. Центральным произведением этого периода стала лирическая комедия «Машенька» (1940). Модальность «Машеньки» принципиально иная по сравнению с ранними пьесами и характеризуется, к примеру, смещением фокуса с общественного на личное. Действие переносится из заводского цеха или научной лаборатории в камерное пространство семьи. Конфликт здесь не идеологический, а психологический и этический, связанный с отношениями между дедом и внучкой, с поиском взаимопонимания и любви. Это влечет за собой смену модальных доминант: вместо деонтической (долженствование) и алетической (возможность / невозможность в социальном ключе) модальностей на первый план выходят аксиологическая (система оценок — хорошо / плохо) и волюнтаривная (желание / нежелание) модальности в их глубоко личностном, а не общественном выражении [2; 11]:

Монологизм в пьесах Афиногенова сменяется полифонией, драматург отныне отказывается от деления героев на «правильных» и «неправильных». Каждый персонаж обладает своей правдой, своим внутренним миром. Исследователи указывают на такие признаки чеховской структуры, как действие в кругу семьи, замкнутость в тесном пространстве, а временами и косвенный диалог [13]. Авторская оценка не навязывается

зрителю прямо, а проступает через подтекст, через «настроение». Эта полифоничность напрямую связана с функциональной соотнесенностью категорий модальности и персональности. Модальные оценки тесно переплетаются с точкой зрения конкретного персонажа, создавая сложную картину мира, а не единую авторскую директиву, при этом каждый персонаж выражает определенный набор модальностей в своей речи в большей степени, чем другие. Так, речи Машеньки, как личности взрослеющей и только познающей жизнь, полны эмотивной и волевой окраски: «*Я хочу заработать много денег... чтобы он больше [ее дедушка Окаемов] своих книг не продавал...*» [2, с. 401], «*Не надо про это говорить, пожалуйста, мне очень стыдно*» [2, с. 398]. Леонид показан как человек уже взрослый, имеющий определенный опыт, выстроивший свою логику оценки и понимания людей, и фразы-оценки у Леонида ярко эмоционально окрашены: «*Необыкновенной силы ученый...*» [2, с. 384]; «*Нет уж, я не создан для женского общества. Холостяком помру*» [2, с. 390]. Окаемов же — закостенелый, удрученный жизнью пожилой профессор, неожиданно встретивший внучку, которую практически никогда не видел, его речь отражает преимущественно алетическую и деонтическую модальности: «*Это все равно наступит. Так уж лучше не бояться того, что все равно наступит. Сегодня, завтра или через сто лет... Я умру — будешь жить ты, твои дети, дети твоих детей. Что бы ни происходило в мире, жизнь не может остановиться*» [2, с. 397], «*...Я протестую категорически! Девочке пятнадцать лет, а уже золотые часы... Вы знаете, когда я заработал на первые часы? В тридцать лет!*» [2, с. 391].

Так наглядно на смену пафосу социальной борьбы пришел мягкий лиризм, внимание к тонким душевным движениям. Модальность «Машеньки» — это в первую очередь эмотивная модальность, сочувствие, прощение и вера в простые человеческие добродетели. Здесь ключевую роль играет субъективная модальность, выражающая эмоциональное отношение автора и героев к сообщаемому [6; 13]. Она передается не через

любвые декларации, как в ранних пьесах, а через интонацию, ремарки, паузы, создавая тот самый «воздух» пьесы, о важности которого Афиногенов размышлял, анализируя Чехова.

Аналогичная эволюция прослеживается и в пьесе «Накануне», где модальность тревожного ожидания и личного долга вытесняет мажорную уверенность ранних агиток. Сквозь внешний патриотический сюжет проступают деонтическая, алетическая и эпистемическая модальности, связанные с размышлениями о жизни и смерти, о ценности каждой человеческой судьбы перед лицом общей беды и верности родине. Приведем несколько примеров, реализующих эти типы модальности в пьесе:

1) *«Иван: Война. Отечественная война. Это значит — все, чем ты живешь и дышишь, все отдай сейчас родине...»* [2, с. 442]; *«Анна Григорьевна: Мы, сынок, выдержим. Мы не то выдерживали. Сначала выдержим, потом разомнемся, а потом уж и сами вдарим, что земля закачается»* [2, с. 459] — иллюстрации алетической модальности;

2) *«Андрей: Два дня назад я спорил с братом о войне. Я не мог даже представить себе, как это вдруг я брошу свою пшеницу и надену форму... А теперь я не представляю — как могло быть иначе»* [2, с. 440] — иллюстрация эпистемической модальности;

3) *«Иван: Я любил и люблю вас... но сейчас я даже не могу говорить о любви... и думать о ней не могу... Все это так далеко сейчас... Вам нельзя со мной ехать»* [2, с. 442] — деонтическая модальность, иллюстрирующая идею долга перед людьми; самый яркий пример ее — реплика Андрея, агронома, потратившего долгие годы на выведение особого сорта пшеницы: *«Сжечь пшеницу!»* [2, с. 461], чтобы остановить движение врага вперед, через его поле.

Эволюция модальности в драматургии Александра Афиногенова — это путь от прямолинейного, идеологически детерминированного искусства к сложному, психологически насы-

ценному творчеству, основанному на общечеловеческих ценностях. Его ранние пьесы, при всей их талантливости и злободневности, были продуктом своей эпохи с ее верой в силу директивного слова и практически исключительной деонтической модальностью. Однако личный опыт столкновения с опалой, общественным безразличием к судьбе человека и глубокое творческое осмысление отечественного и мирового литературного наследия, в частности произведений А. П. Чехова, стали катализатором внутренней трансформации драматурга. Модальность поздних пьес Афиногенова близка к чеховской, которая скрепляет все единицы текста в единое смысловое и структурное целое, но не через прямое высказывание, а через систему образов, подтекст и полифонию точек зрения, и отражает взгляд конкретного персонажа, его понимание истины, то есть формирует полифонический образ высказывания персонажа в контексте произведения.

Таким образом, эволюция модальности Афиногенова отражает не только его личный рост, но и общую для многих творцов 1930-х годов тенденцию к поиску общечеловеческих ценностей вопреки идеологическому давлению.

Список литературы

1. *Афиногенов А. Н.* Гляди в оба! М., 1927.
2. *Афиногенов А. Н.* Избр. : в 2 т. Т. 1 : Пьесы, статьи, выступления. М., 1977.
3. *Афиногенов А. Н.* По ту сторону щели. М., 1927.
4. *Борбунок В. А.* «О той жизни, которая будет после нас»: чеховская генеалогия пьесы А. Афиногенова «Далекое» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 89—102
5. *Валгина Н. С.* Теория текста : учеб. пособие. М., 2003.
6. *Ваулина С. С.* Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языковедение. 2013. № 3 (19). С. 34—39.
7. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971.

8. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 53—88.

9. *Караганов А. В.* Александр Афиногенов. Критико-биографический очерк. М., 1957.

10. *Лингвистический* энциклопедический словарь. М., 1998.

11. *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород, 2008.

12. *Хализев В. Е.* Теория литературы. М., 2009.

13. *Черноклинов Е. А.* Виды модальных значений в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2019. № 5. С. 139—148.

14. *Цой К. В.* Категория модальности в филологической науке. Авторская модальность в творчестве В. В. Набокова // Национальная ассоциация ученых. 2015. № III (8). С. 76—79.

М. С. Потёмина, И. Д. Вагнер

(Калининград)

mpotemina@mail.ru

**МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ КОД
СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМИОЗИСА РАЙНХАРДА ЙИРГЛЯ**

В статье рассматривается многоуровневая структура перформативного текста Райнхарда Йиргля, характерной особенностью которого является мультимодальность. Для поэтики Р. Йиргля важное значение имеет связь между визуальной и содержательной сторонами знака, актом письма и его осмысления, деконструкцией языка и его (де)кодированием реципиентом.

Ключевые слова: Райнхард Йиргль, мультимодальность, перформативность, семиотика, семиозис, современная немецкая литература

Райнхард Йиргль — один из самых ярких представителей немецкой литературы периода воссоединения Германии в 1989/90 году. Его творчество отличается эстетическим радикализмом и критическим социально-политическим содержанием. В произведениях Йиргля — лауреата множества литературных премий — разрушаются границы между формой и содержанием, вербальным и визуальным. Автор отказывается от привычных нарративных стратегий, орфографических и пунктуационных норм, что требует от читателя, и в особенности переводчика, особого уровня вовлеченности и готовности к самостоятельной интерпретации авторских графических выразительных средств. Ключевое место в прозе писателя занимает семиозис как процесс интерпретации знака и порождения его значения [4, с. 51].

© Потёмина М. С., Вагнер И. Д., 2025

Форма у Йиргля становится основным инструментом смыслообразования, поэтому тексты писателя можно отнести к перформативной прозе. Перформативные тексты стирают четкие границы между высказыванием и действием, так как воздействуют на реальность и изменяют ее за счет перформативного эффекта, понимаемого как разрушение актуального дискурса. Сила перформативного эффекта зависит от степени дивергентности мышления реципиента и от предыдущего семиотического контекста. Анализ перформативных текстов требует учета их коммуникативного эффекта, политической перформативности и дискурсивного преломления.

Понятие перформатива рассматривается писателем через призму теорий Дж. Л. Остина [5], а также философа-постмодерниста Ж. Дерриды [6]. Перформатив в поэтике Йиргля нарушает социокультурные и лингвистические нормы. В ней проявляется отступление от стандартизированного литературного немецкого языка, формируется авторская семиотическая система с выраженным мультимодальным потенциалом. Уникальные графические и композиционные средства, нарушающие привычные синтаксические, орфографические, нарративные и стилистические нормы, наполняют текст сложной знаковой системой, в которой форма часто сама является смыслом.

Философская сторона прозы Йиргля лингвоцентрична, одной из идейных составляющих поэтики Йиргля является «повседневное порождение разочарования» («Alltagsproduktivität von Enttäuschung») [8, S. 179], связанное с пребыванием индивида в языковой рамочной системе значений, созданной обществом. Языковые структуры этой системы характеризуются функциональной ориентацией, прагматической эффективностью и, самое главное, ограничением творческого потенциала индивида. Стандартизированные фразы, стереотипные словосочетания служат быстрой и эффективной коммуникации, являются способами лаконичного высказывания, и именно они погружают индивида, находящегося в поисках аутентичного образа выражения, в разочарование. Несоответствие литера-

турного языка потребности в индивидуальных способах выражения приводит к отчужденности от собственного творческого «я». Стандартный литературный язык Р. Йиргль называет «языком-материалом» («Materialsprache») [8, S. 180], подчеркивая его инструментальную природу, служащую скорее функциональной прагматике, чем многообразию способов выражения. Язык становится медиумом приспособления, облегчающим интеграцию в общество, но препятствующим поэтической самореализации. Конфликт между стандартными языковыми структурами и стремлением к индивидуальности приводит Йиргль к выработке собственной знаковой системы. Например, идиоматически клишированные словосочетания он пишет через дефисы, рассматривая их как одну единицу языка: «die-Seele-baumeln-lassen». «Angebot=das-man-nicht-ablehnen-kann».

Для Р. Йиргль важна также связь между визуальной и содержательной сторонами знака. Он рассуждает о развитии ранних идеографических систем записи и их переходе в буквенно-нумерические системы. Идеографические системы характеризуются прямой связью между содержанием знака и его визуальным обозначением, в то время как буквенные системы переводят эту связь в сферу абстракции, отделяя знаки от их изначальной образности. Эта трансформация изменила не только визуальное, но и детерминированное определенной культурой восприятие письма [8, S. 184]. Йиргль стремится обратиться к визуальному и эстетичному, остаточное все еще присущее буквенно-нумерической знаковой системе, несмотря на всеобщее ее восприятие как системы репрезентации звуков. Можно утверждать, что такое видение базовых знаковых единиц языка заставляет подходить к переводу с совершенно новых позиций. Ведь Йиргль приглашает к созданию эффекта мультимодальности с целью получения адекватного перевода, где языковые знаки не только обладают привычной содержательной стороной и предметно-понятийной интерпретантой, но и оказывают визуальный эстетический эффект на реципиента.

Художественный текст Р. Йиргль рассматривает как медиум двусторонней коммуникации и рефлексии [8, S. 192, 193]. Текст понимается как интерактивная система, дающая реципиенту возможность выйти за пределы семантического уровня и исследовать его текстовую семиокультуру. Подобный текст можно рассматривать в ракурсе литературной концепции «смерти автора» Ролана Барта [1, с. 385]. Когда автор устраняется как субъект, читатель становится субъектом семиозиса в семиотической системе текста.

В литературном эксперименте Райнхард Йиргль также стремится к актуализации «дикого» письма в своих текстах. Под определением «дикий» (wild) он понимает состояние, в котором язык и его знаки свободны от внешних устоев и формальных условностей [8, S. 194]. Именно в такой первоначальной форме письмо способно раскрывать свою многосторонность и эстетический потенциал. Для «дикого» письма характерна интуитивная, физическая связь между создателем текста и языком. Эта связь восходит к самым ранним формам коммуникации, когда письмо обладало пиктографической функцией [8, S. 195]. В то время письмо было не столько системой абстрактных символов, сколько непосредственным отображением восприятия смысла. Эта близость между знаком и объектом была утрачена с ростом абстракции и стандартизации письменной культуры. Стремление к «дикому» письму — это попытка восстановить творческую энергию и первородную связь между знаками и смыслом. Отметим, что мотивация Йиргля вряд ли представлена ностальгическими или эстетическими переживаниями, скорее цель автора заключается в подчеркивании творческих ограничений, накладываемых на пользователя языка устоявшимися на сегодняшний день нормативными системами культуры письма. Следует учитывать и то, что авторская модальность, как отмечает в своих работах С. С. Ваулина, «в значительной степени определяется личностными особенностями автора, его эмоционально-этической сферой, аксиологическими установками» [2, с. 9].

«Дикому» письму в теории Йиргля противопоставляется «укрощенное» письмо [8, с. 196]. Эта форма языка нормирована правилами и культурными данными общества как ее пользователя. «Укрощенное» письмо ограничивает свободу и «спонтанность» творческой мысли, однако служит основой для взаимопонимания и порядка в обществе. Центральным вопросом здесь становится то, насколько в рамках этой формы возможны творчество и «подрывная деятельность» (Subversion) против устоявшихся языковых традиций. Писатель утверждает, что они возможны и достигаются в первую очередь манипуляцией принципами грамматики, пунктуации и типографики с целью обретения новых семиотических смыслов [9, S. 198].

Тем самым Райнхард Йиргль пользуется двумя формами языка, комбинируя их. «Дикость» его языка позволяет исследовать уникальные эстетические и семантические особенности, в то время как аспект «укрощенности» в виде нарушения устоявшихся норм позволяет критически рассмотреть их. Тем самым Йирглю удается создать такой вид литературы, который не только революционен и направлен на нарушение традиций, но и рефлексивен, аналитичен.

Авторская знаковая система — одна из самых важных особенностей языкового эксперимента Райнхарда Йиргля. Знаки этой системы в своем употреблении нарушают нормы стандартного литературного языка, выходят за пределы обслуживания интонационных и синтаксических особенностей текста. У Йиргля организация текста во многом определяется «внутренним временем действия» персонажей и событий, он сравнивает свои работы с монтажом в кино. С этой позиции страница напечатанного текста предстает театральной сценой трехмерной природы. На ней действуют персонажи-актеры, присутствуют объекты, с которыми производится взаимодействие, а задача автора заключается в «режиссуре» актеров и объектов, то есть в их расстановке [7]. Ключевым в чтении такого текста является восприятие письменного текста не на по-

верхностном уровне, как эффективного медиума коммуникации, но как носителя перформативных образов. По Йирглю, особенно важны в связи с этим «психологические, характерологические и физиологические сигналы», закодированные в буквах, словосочетаниях и разрывах слов [7].

На наш взгляд, именно особенная знаковая система служит инструментом реализации авторского видения текста как трехмерного явления. В знаках Йиргля кроются разнообразные смыслы, основывающиеся на просодических, синтаксических, словообразовательных языковых характеристиках. В сочетании с традиционными литературными приемами они служат для повышения экспрессивности текста и создания перформативного эффекта. В контексте постструктуралистской теории дискурс-анализа подобное текстопродуктивное нарушение может рассматриваться как способ познания социальной реальности.

Г. Кресс, рассуждая о семиотике в условиях современного общественного и технологического прогресса, вводит понятие мультимодальности [3, с. 79]. Его можно продуктивно применить при анализе поэтики Йиргля, в том числе и по отношению к уникальной знаковой системе в рамках авторского языкового эксперимента. Кресс понимает под мультимодальностью интегрированное использование различных модусов: речи, письма, визуальных элементов, пространственных, телесных и прочих семиотических ресурсов. Каждый из них обладает собственными возможностями создания и передачи смысла (аффордансами), обусловленными как их материальной природой, так и социальным контекстом [3, с. 83].

Р. Йиргль, используя существующие пунктуационные знаки и логограммы с расширением передаваемых ими смыслов, графически оформляя текст различными типами шрифта, иногда отдельно стоящими знаковыми комбинациями, применяя фонетическое письмо при отражении речи, фактически выстраивает собственную мультимодальную композицию в пределах письменного текста. Эти авторские графические новше-

ства можно понимать как модусы, несущие собственную смысловую нагрузку. Используя терминологию Кресса, можно сказать, что аффордансы этих модусов строятся на взаимодействии с ритмом, синтаксисом и визуальной организацией текста, формируя уникальный ансамбль модусов — мультимодальность.

Идиостиль Йиргля можно рассматривать как реализацию мультимодальной стратегии в пределах письменного текста (хотя письмо в более широком понимании и само является модусом). Авторское употребление знаков и фрагментарные композиционные структуры выполняют роль семиотических маркеров, вовлеченных в «семиотическую работу» [3, с. 93], в данном случае в процесс материализации смысла в визуальной и просодической форме. При этом характер взаимодействия между отдельными знаками, или, в рамках нашего анализа, «модусами», порождающими совместно новые семантические смыслы, соответствует положению социальной семиотики о том, что в мультимодальных текстах ни один модус не может быть рассмотрен как универсальный носитель смысла. Каждый модус реализует лишь часть семантического потенциала сообщения [9, S. 37].

В текстах Р. Йиргля разнообразные модусы (графические, ритмические, композиционные) встраиваются в вербальный текст. Перекрестное использование модальных ресурсов поддерживает тезис Кресса о том, что в условиях мультимодальности привычное представление о логоцентричном языке как главном инструменте передачи смысла постепенно утрачивает силу [3, с. 80]. В тексте, подобном тексту прозы Йиргля, смысловая нагрузка смещается в сторону комплекса взаимодействующих модусов, где одну из главенствующих ролей играет графическая и композиционно-нарративная организация текста.

Таким образом, знаковая система Райнхарда Йиргля может быть рассмотрена как случай реализации принципов мультимодальности в литературной практике. Идиостиль автора от-

ражает принципы, которые лежат в основе мультимодальной организации текста: выбор и расстановка различных семиотических средств, направленных на создание многослойного текста с неразрывностью формы и содержания. Отчуждающие приемы Йиргля продолжают демонстрировать свою эффективность, обнажая значительные разрывы между формой и содержанием и раскрывая скрытые механизмы функционирования языка как инструмента манипуляции сознанием.

Список литературы

1. *Барт П.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Ваулина С. С.* Многообразие терминологических определений модальности — коммуникативная проблема? // Модальность. Коммуникация. Текст. Калининград, 2021. С. 4—12.
3. *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77—100
4. *Потёмина М. С.* Катастрофическая ирония и поэтика фрагментарности в текстах Райнхарда Йиргля // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7, № 2. С. 50—65.
5. *Austin J. L.* How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
6. *Derrida J.* Signature Event Context. Evanston, Illinois, 1988.
7. *Jirgl J.* Reinhard Jirgl und die Sprachkunst // Интервью автора для газеты Augsburgener Allgemeine. 09.07.2010. URL: <https://www.augsburger-allgemeine.de/kultur/Reinhard-Jirgl-und-die-Sprachkunst-id8125156.html> (дата обращения: 12.06.2025).
8. *Jirgl R.* Die präparierte Schrift // andererseits — Yearbook of Transatlantic German Studies. Vol. 4. 2015. Bielefeld, 2016. S. 179—199.
9. *Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. L., 2010.

А. С. Косинская
(Калининград)
aleksandra-hromo@mail.ru

СПЕЦИФИКА АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА «ЛИСТ НИГГЛЯ»

Авторская модальность в рассказе Дж. Р. Р. Толкина «Лист Ниггля» рассматривается в рамках художественной антропологии литературы. Исследуемая категория проявляется в рассказе в форме говорящих имен, прямой характеристики персонажей, несобственно-прямой речи, авторских ремарок и актуализации отдельных фрагментов повествования. Исследуются взаимоотношения авторской модальности и субъективной модальности главного героя в контексте аксиологической направленности текста Толкина.

Ключевые слова: авторская модальность, несобственно-прямая речь, художественная антропология, Дж. Р. Р. Толкин, Ниггль

С точки зрения достаточно молодого, но весьма перспективного направления художественной антропологии категория авторской модальности может по праву считаться одной из основополагающих при филологическом анализе художественного текста. Во-первых, это связано с тем, что в ней практически напрямую выражается авторская оценка событий и, таким образом, реализуется авторская интенция. Во-вторых, авторская модальность как многоплановая категория служит для создания образа героя на уровне отношений автор — герой. В-третьих, она нередко задает тон читательской оценки конкретного мотива, героя произведения и в целом художественной картины мира. В конечном счете авторская модальность побуждает читателя (посредством выражения авторского отношения к описываемым событиям или персонажам) или

принять точку зрения и оценку автора, или сформировать собственное, отличное от авторского отношение к герою или событию. Таким образом, категория авторской модальности во многом определяет отношения внутри основной для художественной антропологии триады: автор — герой — читатель. Если с точки зрения художественного мира произведения внешней представляется точка зрения автора и его оценочные суждения, то в рецептивном аспекте внешней по отношению к тексту будет субъективная модальность восприятия конкретного читателя *hic et nunc*.

С. С. Ваулина и О. В. Девина рассматривали авторскую модальность как интегративную категорию художественного текста, «реализующуюся на самой верхней ступени иерархии структуры произведения — на уровне тактики и стратегии текста» [1, с. 2]. Эта концепция согласуется с наблюдением И. Р. Гальперина, отметившего субъективный и в то же время функционально-семантический характер авторской модальности, которая в художественном тексте чаще всего проявляется «через характеристику героев, распределение отрезков текста, предложения автора и актуализацию отдельных частей текста» [2, с. 115]. Представляется обоснованным исследовать категорию авторской модальности в контексте художественной философии и аксиологической направленности произведения и одновременно особенностей идиостиля конкретного автора.

С первых строк рассказа Джона Рональда Руэла Толкина «Лист Ниггля» авторская модальность проявляется в использовании говорящих имен: Ниггль, Пэриш. Имя *Niggle* в переводе с английского обозначает «заниматься пустяками», а также имеет значение «придирка, мелочная претензия и жалоба» [5, т. 2, с. 517], причем в художественном мире произведения актуализируются оба значения. В самом начале повествования Ниггль представлен читателю как маленький человек: «a little man called Niggle» [7, p. 3]. С точки зрения других персонажей Ниггль как художник все время занят сущими пустяками, целыми днями прорисовывая какие-то листья на картине сомни-

тельного качества. Кроме того, столкнувшись с острым дефицитом времени, Ниггль постоянно раздражается и внутренне ворчит на каждого, кто отвлекает его от рисования. Таким образом, в самом имени главного героя заключена авторская модальность и элемент субъектной модальности (оценки) других персонажей. В имени Parish (англ. «церковный приход») содержится авторское указание на место и значение персонажа в жизни главного героя.

Наиболее ясно авторская оценка проявляется в прямой характеристике протагониста: «Ниггль был из тех художников, кому листья удаются лучше, чем деревья» [6, с. 288]; «Ниггль был художником — не из тех, что имеют успех» [6, с. 287] (здесь и далее пер. с англ. Ю. Соколова). Обратим внимание на оригинальный текст рассказа: «Niggle was a painter. Not a very successful one, partly because he had many other things to do...» [7, p. 93]. Ниггль объясняет ситуацию отсутствия у него успеха (в качестве художника) постоянной занятостью, нехваткой времени для творческого вдохновения и работы над картинами: «слишком много находилось у него разных дел» [6, с. 287]. И здесь в оригинальном тексте мы встречаем яркое проявление авторской модальности в употреблении наречия *partly*, при помощи которого автор-повествователь выражает лишь частичное согласие с точкой зрения своего героя. Дальнейшее обособление точек зрения автора и протагониста будет передано через синонимический повтор глагола мышления: *he thought* («он думал»), *in his opinion* («по его мнению») [4, с. 283]. Авторская модальность в рассказе проявляется и в несколько отстраненном и более уравновешенном, чем у Ниггля, отношении к описываемым событиям.

Повествователь «Листа Ниггля» нередко комментирует внутреннюю речь героя, расставляя аксиологические акценты: «Эх, быть бы мне потверже», — иногда говорил он себе самому... И это означало: неплохо, чтобы беды других людей поменьше меня задевали» [6, с. 289]. Здесь всеведущий рассказчик приглашает читателя в «святая святых» души протагони-

ста, показывая, какие глубинные психологические мотивы стоят за мыслями героя. Таким образом, благодаря психологическому компоненту авторской модальности читателю в самом начале повествования предлагается узнать о персонаже больше, чем Ниггль на тот момент знает о себе.

Важным способом выражения авторской модальности в «Листе Ниггля» является несобственно-прямая речь персонажа, сближающая план автора и персонажа: «С одной стороны, картина абсолютно не удовлетворяла его, и все же она казалась по-настоящему живописной, единственной истинно прекрасной картиной на свете» [6, с. 290]. Использование несобственно-прямой речи позволяет выделить субъективную модальность персонажа, в данном случае Ниггля, изображая мир так, как его видит герой. При этом точка зрения автора сменяется точкой зрения персонажа: «Он мог долго корпеть над отдельным листочком, стараясь уловить и запечатлеть его форму, глянец, искрящиеся капельки росы по краям. Однако он мечтал изобразить целое дерево, со всеми листьями, такими разными и вместе с тем в одном стиле» [6, с. 288]. Специфика несобственно-прямой речи в «Листе Ниггля» состоит в том, что повествование переходит от автора-повествователя к герою в момент описания картины, творческого процесса или вдохновения художника: «В особенности вдохновляла его воображение такая картина. Начиналась она с подхваченного ветром листка, потом из листа получилось дерево; оно росло, выпускало бесчисленные ветви, протягивало самые причудливые корни. Прилетали неведомые птицы, усаживались на сучья, и надо было заниматься ими. Потом вокруг Дерева и за ним в просветах меж ветвей стала прорисовываться земля, вдали зашагал лес и выступили горы со снежными вершинами» [6, с. 288]. В приведенной цитате автор-повествователь открывает читателю мысли, архетипы и образы творческого воображения художника, что, в свою очередь, активизирует воображение читателя и способствует раскрытию образа главного героя.

В аксиологическом аспекте модальность автора в рассказе «Лист Ниггля» близка универсальному этическому императиву Канта: «поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы» [3, с. 196]. В рассказе Толкина активно подчеркивается законодательный характер императива («законы в стране, в которой он жил, были довольно строгими» [6, с. 287]) и в то же время в значительной мере присутствует авторская эмпатия, которая проявляется в жалости к главному герою — свободному художнику, щедро одаренному вдохновением, но напрочь лишенному необходимого для творчества времени. В рассказе «Лист Ниггля» довольно остро стоит конфликт между свободным творчеством и этическим императивом. Этот конфликт не имеет адекватного разрешения при жизни художника. Толкин подчеркивает приоритет морального императива, предлагая некоторую иерархию, в которой, как и в практической философии Канта, моральный закон важнее творческого вдохновения, а прекрасное искусство, как и природная доброта, является формой добродетели (при условии бескорыстия художника). «В Архиве нет ни одной записи о том, что он даже в мыслях пытался своим творчеством извинить пренебрежение к тому, что требовал Закон» — заметит Второй (милостивый) Голос во время Страшного Суда над душой Ниггля [6, с. 301].

Аксиологическая позиция автора отчетливо звучит только относительно Ниггля и умалчивается относительно других персонажей. «Конечно, у Ниггля была картина, и почти не оставалось времени, чтобы ее кончить. Но с этим, наверное, Пэриш должен был считаться, а Нигглю не пристало. Пэриш же вообще был невысокого мнения о картинах, и Ниггль с этим ничего поделать не мог» [6, с. 294]. Учитывая автобиографический характер рассказа (см.: [4, с. 283—284]), можно предположить, что Толкин делает акцент на внутреннем мире художника ввиду особенностей собственного мировосприятия и по той же причине избегает суждений о внутреннем мире далеких от искусства персонажей.

Конфликт между этическим императивом и свободным творчеством разрешается лишь за гранью смерти Ниггля. Посмертная участь протагониста изображается в образе путешественника (которому уделено почти две трети повествования), Чистилище — как больница с признаками работного дома, а преддверие Рая — в образе той самой картины, которую художник так и не успел закончить. Отметим, что в пространстве своей картины Ниггль встречает также прошедшего через Чистилище и теперь уже созерцательного Пэриша. В преддверии Рая все преобразуется: художественное пространство картины принимает форму сверхреальности (вещей в большей степени реальных, чем земное бытие), перед Нигглем простирается Вечность, чтобы он мог закончить свое творение, и ему на помощь приходит Пэриш, который в Вечности становится тонким ценителем искусства. Преображаются и взаимоотношения протагониста и условного антагониста: Ниггль и Пэриш становятся друзьями, объединенными совместным творчеством.

На уровне структурирования рассказа авторская модальность проявляется в актуализации отдельных частей текста. В завершении рассказа некогда художественное пространство картины Ниггля получает во многом благодаря соавторству Пэриша статус пространства онтологического, куда теперь будут отправлены многие души по завершении жизненного пути. Характерная особенность идиостиля Толкина состоит в том, что для всякой новой сущности автор с необходимостью изобретает новое имя (а порой и отдельный язык): «Полагаю, пора дать этой местности имя» [6, с. 314]. Имя как будто приходит само собой из окрика носильщика: Пэриш-Ниггль (в переводе Ю. Соколова «Приют Простеца»). Заканчивается рассказ добрым смехом друзей, узнавших об этом названии заветного места. «Смеялись. Что там — хохотали... так что эхо разносилось от Гор» [6, с. 314]. Читатель как бы между прочим, не от автора-повествователя, а из разговора двух трансцендентных Голосов узнаёт о том, что Ниггль и Пэриш покинули «Приют Простеца» и пребывают в Горах, символизирующих в рассказе Рай.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что авторская модальность в рассказе «Лист Ниггля» проявляется на всех уровнях построения текста: от имен героев и прямой характеристики до сюжетной организации текста. На уровне эмоциональной окраски текста модальность автора состоит в спокойно-уравновешенном отношении к описываемым событиям, отстранении от ворчащего и ругающего судьбу героя. Аксиологическая модальность автора рассказа «Лист Ниггля» близка категорическому императиву Канта и вместе с тем обусловлена христианским мировоззрением Толкина. О последнем свидетельствует обилие в рассказе традиционных христианских символов вечной жизни: Горы, Страшный суд, Возница, Чистилище, Сад и др.

Список литературы

1. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8: Сер. Филологические науки. С. 8—13.
2. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1994.
4. Косинская А. С. Образ художника в рассказе Дж. Р. Р. Толкина «Leaf by Niggle» («Лист Ниггля») // III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24 мая 2023 г. М., 2023. С. 282—285.
5. Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. М., 2003. Т. 2.
6. Толкин Дж. Р. Р. Сказки Волшебной страны. М., 2010.
7. Tolkien J. R. R. Leaf by Niggle // Tolkien J. R. R. Tree and Leaf. L., 2001. P. 93—118.

Э. Е. Прасова
(Калининград)
elinaprasova@mail.ru

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В ПРОЗЕ ПЕТЕРА ХАНДКЕ

Рассматривается авторская модальность Петера Хандке в аспекте интертекстуальности и авторефлексии. Интертекстуальность реализуется в диалоге с литературными и философскими теориями. Авторефлексия в произведениях Хандке представляет собой попытку осмысления реальности, отношений общества и субъекта. Творчество писателя характеризуется лингвистическими экспериментами и социально-политической проблематикой.

Ключевые слова: авторская модальность, Петер Хандке, мульти-модальность, авторская рефлексия, идиостиль, интертекстуальность

Категория авторской модальности в последние десятилетия становится объектом изучения литературоведческих и лингвистических исследований в свете антропоцентрической ориентированности современной науки. По утверждению С.С. Ваулиной, данная категория соотносится с определением «содержательно-концептуальной информации текста» [1, с. 10], а по мнению И.Р. Гальперина, она представляет собой «индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [2, с. 28]. На текстовом уровне данная категория может быть представлена «автор-

скими отступлениями, метатекстовыми включениями, косвенными характеристиками, диалогичностью» [3, с. 167]. Авторская модальность «накладывает яркий отпечаток на идиостиль» автора [1, с. 11], «отражает и реализует в произведении проекцию картины мира личности автора (в том числе и ценностные установки), воплощенные в индивидуальной языковой системе писателя, конкретной реализацией которой является язык отдельного произведения» [5, с. 13].

В своих произведениях и интервью Хандке затрагивает политические вопросы (кризис на Балканах, состояние современной демократии), разоблачает манипуляции СМИ в отражении политических событий, подчеркивает важную роль литературы в освещении и комментировании актуальных политических и общественных конфликтов [8, S. 9—11]. По утверждению автора биографии писателя Мальте Хервига, Хандке ищет ответы на волнующие общество вопросы: поиск идентичности в хаотичном современном мире, преодоление культурного кризиса [10, S. 4]. Петер Хандке предлагает читателю свою стратегию выхода из кризиса: «идите, смотрите, читайте». По мнению писателя, только литература сможет помочь человеку критически осмыслить действительность. По утверждению Хандке, литература изменила его, помогла ему жить более осознанно. Он убежден, что и сам может изменить людей своими художественными текстами. М. Хервиг утверждает, что «нет более свободного писателя, чем Хандке, поскольку он — один из немногих писателей, которые не только «радикально следуют за своим призванием», но и «решительно пренебрегают требованиями, которые литературный истеблишмент и общество предъявляют к ним» [10, S. 1, 3].

Истинное место писателя Хандке — неизменное «между» [4, с. 188]. Петер Хандке находится «между» литературными эпохами и направлениями, между модернизмом и постмодернизмом [4; 11]. От модернистской парадигмы Петер Хандке переходит к постмодернистской интертекстуальности, эстети-

ке реализма как важной части постмодернистской множественности, органичному соединению реального и вымышленного, к единению с людьми и поиску национальной идентичности, обретению своего места в жизни [4, с. 179—181]. Ощущение неопределенности, хаоса и энтропии сменяется в его творчестве модальностью возможности и верой в критическое мышление индивида. В произведениях Хандке можно наблюдать игру преемственности и вариативности. Творчество автора нельзя отнести к какому-либо одному литературному направлению. Хандке использует, часто поэтапно и в сознательном отрыве от доминирующих тенденций, различные «регистры» литературы XX века [14, S. 4].

Произведения Хандке характеризуются интертекстуальностью: в своей прозе он часто вступает в диалог с различными философскими концепциями прошлого. Хандке изучает произведения своих предшественников Ф. Гёльдерлина, И. Айхингер, Г. Ленца, Б. Спинозы, Л. Витгенштейна, В. Беньямина и Б. Паскаля, которые «продуктивно расширяют контекст его собственного творчества» [7, S. 11]. Он словно коллекционер, для которого, по утверждению А. Ассман, «мир упорядочен, потому что он или она знают, что для них интересно и релевантно, а что нет» [6, S. 346]. В записных книжках писателя можно найти обрывки воспоминаний, наброски пьес или романов, вымышленные короткие диалоги на улице или записанные замечания прохожих [7, S. 11]. Создание произведения начинается с описания, из которого складывается система образов, организующая повествование. Среди этих образов — смена времен года, начало снегопада или падение капель дождя в пыль, и это лишь некоторые из них. Представлены также образы, панно или кинокадры, воспроизведенные, пересказанные или переосмысленные в произведениях писателя (например, «Уроки горы Сен-Виктуар», «Воровка фруктов»). Функционализация образов в нарративе часто достигается за счет того, что они организованы или объединены в систему, которая может быть истолкована с точки зрения психологии.

По мнению исследователя творчества Хандке Р. Реннера, «нарративы о настоящем и прошлом одновременно намечают основные линии поэтологической программы Хандке, в которой прослеживается интермедиаальный след» [14, S. 2—3].

Р. Реннер определил шесть периодов в творчестве автора. Первый период Хандке противопоставляет политически ангажированному и реалистически ориентированному творчество 1960-х и 1970-х годов экспериментальные тексты, которые под влиянием лингвистики и структурализма следуют авангардным принципам и подчеркивают постоянное эстетическое новаторство [14, S. 4]. К этой группе можно отнести первый роман Хандке «Шершни» («Die Hornissen», 1966) и роман-бестселлер «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» («Die Angst des Tormanns beim Elfmeter», 1969).

Во второй период Петер Хандке обращается к литературной традиции, а в 1970-е годы — к «новой искренности» и «новой субъективности» («neue Innerlichkeit», «Neue Subjektivität»). Тем самым он повторяет писательскую программу «классического модернизма»: критически осмысливая литературную традицию, он пытается вновь построить повествование с точки зрения субъекта [14, S. 4—5]. К основным произведениям этого периода можно отнести «Нет желаний, нет счастья» («Wunschloses Unglück, 1972), «Женщина-левша» («Die linkshändige Frau, 1978), «Короткое письмо к долгому прощанию» («Der kurze Brief zum langen Abschied», 1972).

Третий период развития творчества автора, начавшийся с тетралогии 1979 года, сочетает автобиографическую саморефлексию с философски обоснованной поэтологической рефлексией [14, S. 5]. В тетралогии входят рассказы «Долгое возвращение домой» («Langsame Heimkehr, 1979) и «Детская история» («Kindergeschichte, 1981) [13].

В четвертый период еще отчетливее прослеживается экзистенциально-онтологическая характеристика повествования. Эстетические проекты двух последних названных фаз выходят за рамки ориентаций современности. С одной стороны, они

описывают под влиянием постструктурализма и философии Хайдеггера реальность, лишенную контроля субъекта. С другой стороны, они стремятся к реконструкции традиционных повествовательных форм, которая невозможна без предшествующей интерпретации языковой репрезентации, без субверсии категорий субъекта, автора и произведения [14, S. 5]. К произведениям четвертого периода относятся «Китайские страдания» («Der Chinese des Schmerzes», 1983) и «Повторение» («Die Wiederholung», 1986).

Тенденции, намеченные в третьем и четвертом периодах творчества, продолжают на следующем, пятом этапе, но устанавливают другие взаимосвязи. Повествование Хандке опирается на литературную традицию. В его произведениях «Кали: перед зимой» («Kali: eine Vorwintergeschichte», 2007), «Дон Жуан (рассказ от первого лица)» («Don Juan: (erzählt von ihm selbst)», 2004) и «Отсутствие. Сказка» («Die Abwesenheit. Ein Märchen», 1987), есть черты сказочности, в то время как в романах «Утрата картинки, или Сквозь Сьерра де Гредос» («Der Bildverlust oder Durch die Sierra de Gredos», 2002), «Ночь в Моравии» («Die Morawische Nacht», 2008) и «Темной ночью» («In einer dunklen Nacht», 1997) доминируют повествовательные стратегии средневекового эпоса. Вместе с тем как в прозе, так и в драматургии Хандке преобладает авторефлексивное повествование.

Наконец, на шестом этапе творчества начинается тщательное исследование современного мира в его политическом контексте. Роман «Der Bildverlust» уже обозначил исторические диссонансы и противопоставил общества, находящиеся на разных этапах развития. В рассказе «Большое падение» («Der grosse Fall», 2011), напротив, более отчетливо переданы тенденции будущей социальной реальности и ее конфликтов. Мир, который воссоздается уже в «Кали» (2007) и далее воплотится в «Воровке фруктов» («Die Obstdiebin oder Einfache Fahrt ins Landesinnere», 2017), — это прежде всего контрпроекты по отношению к господствующей социальной реальности.

Таким образом, творчество Петера Хандке представляет собой мультимодальную попытку осмысления реальности. В эссе «Ich bin Bewohner des Elfenbeinturms» («Я — обитатель башни из слоновой кости») Хандке пишет: «В моем творчестве только одна тема: стать понятным себе, более понятным» [9, С. 23]. В своих стихах, пьесах, романах и фильмах Хандке пытается добиться этой ясности. В саморефлексивном творчестве писатель осмысляет такие темы, как отношение общества и субъекта и общая репрезентативность субъекта в коллективном опыте [12].

Список литературы

1. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8: Сер. Филологические науки. С. 8—13.

2. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

3. Кузнецова А.В. Авторская модальность художественного текста в парадигме нарратологии // Литературоведческие исследования. 2019. №4. С. 164—170.

4. Фролов Г.А. Между модернизмом и постмодернизмом: Проза Петера Хандке // Ученые записки Казанского университета. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 175—182.

5. Якимец Н.В. Категория авторской модальности в функциональном аспекте (на материале «Театрального романа» М.А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1999.

6. Assmann A. «Sammeln, Sammlungen, Sammler» // Erleben, Erleiden, Erfahren. Die Konstitution sozialen Sinns jenseits instrumenteller Vernunft / hrsg. von K. Junge, D. Šuber, G. Gerber. Bielefeld, 2015. S. 345—353.

7. Carstensen T. Die tägliche Schrift Peter Handke als Leser. Bielefeld, 2019.

8. Gschwandtner H. Strategien im Literaturkampf Thomas Bernhard, Peter Handke und die Kritik. Wien, 2021.

9. Handke P. Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms. Berlin, 2016.

10. *Herwig M.* Meister der Dämmerung: Peter Handke. Eine Biographie. München, 2010.
11. *Kaszynski S.H.* Österreichische Literatur zwischen Moderne und Postmoderne. München, 2017.
12. *Parry C.* Peter Handke // KLG — Kritisches Lexikon zur deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. URL: <https://online.munzinger.de/document/16000000200> (дата обращения: 13.09.2025).
13. *Maatz S.* Heimat und Handke? Auch das noch. Ein Versuch. URL: <https://affective-societies.de/2019/zeitgenossenschaft/heimat-und-handke-auch-das-noch-ein-versuch/> (дата обращения: 14.09.2025).
14. *Renner R.G.* Peter Handke Erzählwelten — Bilderordnungen. Stuttgart, 2020.

ОБ АВТОРАХ

Бондарева Людмила Михайловна, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Вагнер Иван Дмитриевич, студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: ivanrjski020806@gmail.com

Ведерников Руслан Дмитриевич, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: vedernikovsmailbox@gmail.com

Генералова Екатерина Дмитриевна, аспирант, Литературный институт им. А.М. Горького, Москва.

E-mail: general_katrin@mail.ru

Горбовская Светлана Глебовна, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: vard_05@mail.ru

Гинина Ксения Анатольевна, ассистент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: ginina-k@mail.ru

Дзюбенко Анна Игоревна, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

E-mail: aidzyubenko@sfedu.ru

Дронова Любовь Петровна, профессор, Томский государственный университет.

E-mail: lpdronova@mail.ru

Зубрицкая Екатерина Валентиновна, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: ezubritskaya@kantiana.ru

Королева Инна Александровна, профессор, Смоленский государственный университет.

E-mail: innakor@mail.ru

Косинская Александра Сергеевна, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Косова Марина Владимировна, профессор, Волгоградский государственный университет.

E-mail: kosowa@mail.ru

Кравцова Варвара Дмитриевна, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: vkravtsova1@kantiana.ru

Кузнецова Анна Владимировна, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

E-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Кукса Ирина Юрьевна, Западный филиал РАНХиГС при Президенте РФ, зам. директора, доцент, Калининград.

E-mail: kuksa-iy@ganera.ru

Мальцев Леонид Алексеевич, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Мубаракшина Анастасия Михайловна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: blondy010888@mail.ru

Насибуллова Гузель Ришатовна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: nasibullova.g@mail.ru

Нурутдинова Аида Рустамовна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: airnurutdinova@kpfu.ru

Петрухина Анастасия Владимировна, доцент, Тюменский государственный медицинский университет.

E-mail: kosivets@mail.ru

Потемина Марина Сергеевна, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: mpotemina@mail.ru

Прасова Элина Евгеньевна, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: elinaprasova@mail.ru

Пробст Никита Артурович, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: mr.shadov@mail.ru

Суворова Наталья Алексеевна, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: nsuorova@kantiana.ru

Ткаченко Арина Игоревна, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: atkachenko@kantiana.ru

Трофимова Ольга Викторовна, профессор, Тюменский государственный университет.

E-mail: o.v.trofimova@utmn.ru

Усачева Наталья Борисовна, доцент, зав. кафедрой русского языка, Курганский государственный университет.

E-mail: nbusacheva@yandex.ru

Усманова Лилия Абраровна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: usmanova77@rambler.ru

Фаттахова Наиля Нурыхановна, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

E-mail: n-fattakhova@mail.ru

Шептухина Елена Михайловна, профессор, Волгоградский государственный университет.

E-mail: sheptukhina@yandex.ru

Шмелева Татьяна Викторовна, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

E-mail: tatyana.shmeleva@novsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
Научное наследие	
<i>Кукса И. Ю., Ткаченко А. И.</i> Калининградская школа модальности профессора С. С. Ваулиной: этапы и перспективы развития....	6
Воспоминания	24
Модальность в синхронии и диахронии	
<i>Дронова Л. П.</i> История древнерусского языка в современной исследовательской перспективе (к вопросу о «новых» восточнославянских языках)	43
<i>Шентухина Е. М.</i> Дипломатические письма XVIII века в аспекте категории модальности	51
<i>Косова М. В.</i> Модальность необходимости и долженствования в тексте регламентирующего документа	59
<i>Суворова Н. А.</i> Функционально-семантическая специфика фразеологизмов как экспликаторов модального значения возможности в деловом языке второй половины XVII — начала XVIII века	66
Модальность в разных видах дискурса	
<i>Шмелева Т. В.</i> Ирреальная модальность в авторском начале медиатекста	73
<i>Бондарева Л. М.</i> Самопрезентация как форма актуализации авторской модальности в автобиографическом дискурсе	81
<i>Пробст Н. А.</i> Речевой акт насмешки как полимодальный инструмент речевой агрессии в русскоязычном сетевом дискурсе (на примере жанра интернет-комментария)	89
<i>Усманова Л. А.</i> Реализация модальных значений в сновидческом дискурсе: лингвистический анализ	96
<i>Мубаракшина А. М., Фаттахова Н. Н.</i> Средства выражения авторской модальности в медиагороскопе	104

Нурутдинова А.Р. Лингвосенсорика модальности: прагматический потенциал пословиц с соматическими компонентами в разноструктурных языках 110

Языковые средства выражения модальных смыслов

Петрухина А.В., Трофимова О.В. Коммуникативные и текстообразующие функции модальных частиц в деловом эпистолярном XVIII века 119

Зубрицкая Е.В. Средства экспликации модальности необходимости / долженствования в русском и польском языках 127

Гинина К.А. Речежанровый аспект вопросительно-побудительной модальности 133

Усачева Н.Б. Способы выражения субъекта фразеологических связок, построенных по модели предложения 139

**Языковые проблемы модальности
в художественном тексте**

Кузнецова А.В. Категориальный статус авторской модальности в семантическом пространстве художественного текста 145

Дзюбенко А.И. Художественный вымысел в координатах текстовой модальности: лингвопрагматический аспект 153

Насибуллова Г.Р. Аксиологическая модальность в романах С. Павловой «Голод» и Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» .. 160

Кравцова В.Д. Имплицитная модальность инфинитивных конструкций в поэзии Ю. Левитанского 166

Ведерников Р.Д. Прецедентные имена как способ реализации игровой модальности постмодернистского художественного текста (на материале романа Р. Бротигана «Trout Fishing in America») 175

**Авторская модальность в произведениях
русской и мировой литературы**

Мальцев Л.А. «Достойное дать вещи слово!»: модальные смыслы поэзии Ц.К. Норвида 182

Королева И.А. Авторская модальность в текстах поздней лирики А.Т. Твардовского 191

Горбовская С.Г. Модальность «саламных списков». О чем и с кем «говорят цветы»? 198

<i>Генералова Е.Д.</i> Модальность ранней и поздней драматургии А.Н. Афиногенова	207
<i>Потёмкина М.С., Вагнер И.Д.</i> Мультиmodalный код современной немецкой литературы: авторская модель семиозиса Райнхарда Йиргля	216
<i>Косинская А.С.</i> Специфика авторской модальности в рассказе Дж. Р.Р. Толкина «Лист Ниггля»	224
<i>Прасова Э.Е.</i> Авторская модальность в прозе Петера Хандке.....	231
Об авторах	238

МОДАЛЬНОСТЬ: ЯЗЫК И ТЕКСТ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник статей
по материалам международной научной конференции

Научное электронное издание

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Дата выхода в свет 23.12.2025 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,3